

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: политология и социология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№2 2019

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

Е. В. Перерва, канд. истор. наук

Редакторы перевода:

Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;

Ю. В. Семикина, канд. филол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
И. А. Злочевский, канд. эконом. наук, доцент;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. Л. Кузеванова, д-р социол. наук, доцент;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
А. А. Огарков, канд. эконом. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь);
И. Ю. Ленская, канд. социол. наук, доцент (ответственный секретарь)

Адрес редакции: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления – филиала
ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL SCIENCE

<i>Иванова Т. Б.</i> ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ И РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ..... 5	<i>Ivanova T. B.</i> EVOLUTION OF CONCEPTS OF BASIC COMPETENCE MODEL AND DEVELOPMENT OF COMPETENCE MODELS FOR CIVIL SERVANTS..... 5
<i>Булетова Н. Е.</i> ТРЕНДЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ..... 11	<i>Buletova N. E.</i> DIGITAL TRENDS IN THE REGIONAL ECONOMY FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY..... 11
<i>Мерзликina Г. С., Могхарбел Н. О.</i> УПРАВЛЕНИЕ ФАКТОРАМИ, ВЛИЯЮЩИМИ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИИ..... 15	<i>Merzlikina G. S., Mogharbel N. O.</i> MANAGEMENT OF FACTORS INFLUENCING ON THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATION..... 15
<i>Землянская И. С., Горелова И. В.</i> КОНЦЕПЦИЯ «УМНЫЙ ГОРОД» В РАМКАХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА..... 19	<i>Zemlyanskaya I. S., Gorelova I. V.</i> CONCEPT «SMART CITY» WITHIN THE DIGITAL DEVELOPMENT OF THE REGION..... 19
<i>Овсянникова Т. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ..... 21	<i>Ovsyannikova T. V.</i> DIGITALIZATION OF THE INFORMATION SPACE OF THE PUBLIC LIBRARY AS AN ACTUAL TREND OF MODERN MANAGEMENT..... 21
<i>Миронова С. М.</i> РАЗВИТИЕ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В УМНОМ ГОРОДЕ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ..... 24	<i>Mironova S.</i> DEVELOPMENT OF INITIATIVE BUDGETING IN A SMART CITY: RUSSIAN EXPERIENCE..... 24
<i>Золотько Т. А.</i> РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ..... 28	<i>Zolot'ko T. A.</i> THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE DEVELOPMENT OF THE SOLID WASTE MANAGEMENT SYSTEM IN THE VOLGOGRAD REGION..... 28
<i>Зинченко Ю. С., Ковшикова Е. В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИГОДНОСТЬ ПЕРСОНАЛА..... 32	<i>Zinchenko Y. S., Kovshikova E. V.</i> PROFESSIONAL SUITABILITY OF STAFF..... 32
<i>Шиндряев С. О., Шиндряева И. В.</i> ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ ПРЕДПРИЯТИЯ..... 37	<i>Shindryaev S. O., Shindryaeva I. V.</i> VALUE-ORIENTED MANAGEMENT AS A TOOL FOR MANAGING THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE ENTERPRISE..... 37

<i>Ленская И. Ю., Зимина И. А.</i> ЛОЯЛЬНОСТЬ И МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ.....	412	<i>Lenskaya I. Yu., Zimina I. A.</i> STAFF LOYALTY AND MOTIVATION OF THE MODERN ORGANIZATION: INTERCONNECTION AND INTERDEPENDENCE.....	41
---	-----	--	----

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

<i>Фомин А. Н.</i> ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ.....	46	<i>Fomin A. N.</i> REPRESENTATIVE CHARACTER OF THE LEGISLATIVE BODY OF THE STATE POWER OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	46
--	----	--	----

<i>Коростелева М. В.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФОРМ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	49	<i>Korosteleva M. V.</i> APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF FORMS OF PUBLIC PARTICIPATION IN THE IMPLEMENTATION OF LOCAL GOVERNMENT.....	49
---	----	---	----

<i>Опалев М. А., Степыко Д. Г., Голова А. А.</i> МНОГОПОЛЯРНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА.....	53	<i>Opalev M. A., Stepyko D. G., Golova A. A.</i> MULTIPOLARITY OF STATE REGULATION OF THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS.....	53
---	----	--	----

<i>Архипова Т. Г.</i> ПУБЛИЧНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ.....	56	<i>Arkhipova T. G.</i> PUBLIC MANAGEMENT AS AN EFFECTIVE MANAGEMENT METHOD.....	56
--	----	---	----

<i>Макаренко К. М.</i> МАССОВЫЙ ПРОТЕСТ: ОТ САМООРГАНИЗАЦИИ К САМОУПРАВЛЕНИЮ.....	59	<i>Makarenko K. M.</i> MASS PROTEST: FROM SELF-ORGANIZATION TO SELF-GOVERNANCE.....	59
---	----	---	----

<i>Подуреева-Милоевич В. Ю.</i> ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.....	63	<i>Podurueva-Miloevich V. Yu.</i> CIVIL SOCIETY AND THE POLITICAL POWER FACTOR.....	63
--	----	---	----

<i>Прибытков Ю. Б.</i> ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	65	<i>Pribytkov J. B.</i> GOVERNOR POWER IN THE RESEARCH AGENDA OF POLITICAL SCIENCE.....	65
---	----	--	----

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

<i>Круглов Е. В., Перерва Е. В.</i> ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА № 13 МОГИЛЬНИКА НАГАВСКИЙ II (БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ).....	68	<i>Kruglov E.V., Pererva E.V.</i> BURIAL FROM MOUND 13 OF BURIAL GROUND NAGAVSKY II (BIOARCHEOLOGICAL RESEARCH).....	68
---	----	--	----

<i>Кривошеев М. В.</i> СЛЕДЫ ОГНЕННОГО РИТУАЛА В ПОГРЕБЕНИЯХ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ.....	76	<i>Krivosheev M. V.</i> TRACES OF THE FIRE RITUAL IN THE BURIALS OF THE LATE SARMATIAN TIME.....	76
---	----	--	----

<i>Дьяченко А. Н.</i> НОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ.....	82	<i>Dyachenko A. N.</i> NEW BURIAL MONUMENT OF THE BRONZE AGE FROM THE VOLGA-DON INTERFLUVE. PROBLEMS OF INTERPRETATION AND CHRONOLOGY.....	82
---	----	--	----

**СЛОВО –
МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ**

**THE WORD FROM
YOUNG SCIENTISTS**

<i>Дроздова А. А.</i> КОНСАЛТИНГ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДСКИМ СООБЩЕСТВОМ.....	95	<i>Drozдова A. A.</i> CONSULTING OF THE URBAN ENVIRONMENT: COMMUNICATIVE BASES OF SPATIAL PLANNING BY THE URBAN COMMUNITY.....	95
<i>Василевская-Руцкая Н. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	99	<i>Vasilevskaya-Rutskaya N. V.</i> FEATURES OF STATE PROGRAMS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS.....	99
<i>Лапшина Н. Р.</i> ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ВИУ РАНХиГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ).....	102	<i>Lapshina N. R.</i> PROBLEMS OF ADAPTATION OF YOUNG TEACHERS IN THE MODERN HIGHER SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF VIU RANEPА UNDER THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION).....	102
<i>Оганесян К. А.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	105	<i>Oganesjan K. A.</i> NATIONAL QUESTION DURING DIGITIZATION.....	105
<i>Седова В. Л.</i> ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ В РОССИИ И АМЕРИКЕ.....	110	<i>Sedova V. L.</i> THE PROCESS OF MANAGEMENT OF THE CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN RUSSIA AND AMERICA.....	110
<i>Харитоновна О. В.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ ПО ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	113	<i>Kharitonova O. V.</i> THE MAIN DIRECTIONS OF THE RUSSIAN STATE POLICY ON THE ECONOMY AND SOCIAL SPHERES' DIGITIZATION BY THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION.....	113

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL SCIENCE

УДК 33.021.8
ББК 65.02

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ И РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Т. Б. Иванова

Аннотация. В статье рассматривается эволюция концепций базовой модели компетенций на основе анализа поведенческого, функционального и деятельностного подходов, с учетом произошедших изменений проанализированы существующие компетентностные модели для государственных служащих. Выявлены общие черты и отличия последних, определены направления их дальнейших изменений.

Ключевые слова: компетентностные модели, государственные служащие, цифровая экономика.

EVOLUTION OF CONCEPTS OF BASIC COMPETENCE MODEL AND DEVELOPMENT OF COMPETENCE MODELS FOR CIVIL SERVANTS

T. B. Ivanova

Abstract. The article deals with the evolution of the concepts of the basic model of competencies on the basis of the analysis of behavioral, functional and activity approaches and taking into account the changes, the existing competence models for civil servants are analyzed. The common features and differences of the latter are revealed, the directions of their further changes are determined.

Key word: a competence model, civil servants, and the digital economy.

Переход к цифровой экономике предполагает изменение компетенций специалистов во всех сферах деятельности, в том числе и государственного управления. Вызовы нынешнего этапа технологической волны предполагают, что будет сформирована система, позволяющая вместо перечня ключевых компетенций создать механизм их актуализации в соответствии с развивающимися потребностями общества [13].

Исследование современного состояния моделей компетенций государственных служащих в цифровой экономике и изменение их специфики по мере усиления роли е-правительства и стало целью данного исследования. Для этого были проанализированы такие вопросы, как эволюция концепций базовой модели компетенций и развитие компетентностных моделей для государственных служащих.

Эволюция концепций базовой модели компетенций. При исследовании компетенций

используются поведенческий, функциональный и деятельностный подходы.

Поведенческий (личностный) подход характерен для США. Начало ему было положено в 1959 г. работами Р. Уайта [6], в которых был введен в обиход сам термин «компетенция» и рассмотрена его связь с мотивацией (компетентностная мотивация). В начале 70-х гг. Д. Макклеланд [14] применил компетентностный подход на практике, связав с ними поведенческие характеристики и различные виды обучения. В 1982 г. Р. Бойцис [1] провел исследования по определению компетенций эффективного менеджера. Был сделан упор на валидность критериев в отличии от сплошного исследования возможных компетенций, учитывая не только функции управления, но и внутреннюю организационную среду организации. Лайл М. Спенсер-мл. и Сайн М. Спенсер разработали «Словарь компетенций» [12] и метод отбора на базе компетенций сотрудников (хорошее соответствие между человеком и работой).

Основы функционального подхода заложены в Великобритании. В 80-х гг. были разработаны профессионально-технические квалификации, основанные на профессиональных стандартах компетентности, позволяющих определять ключевые роли, включающие множество компетенций. К концу 1990-х гг. помимо функциональных характеристик стали учитывать базисные знания и характеристики. Грэм Читхэм и Джэфф Чиверс [2] объединили поведенческий и функциональный подход. Для этого была разработана модель профессиональной компетентности, включающая в себя функциональные, личностные, познавательные, этические и мета-компетенции. В 1998 г. она была усовершенствована за счет включения в неё масштаба организации, характеристик окружающей среды.

Во Франции компетентностный подход, учитывающий знания, опыт, поведенческие характеристики, стал внедряться в 1980 г., а наиболее широко применяется с 90-х [3]. Исследовалось использование подхода в организациях, разработка инструментария для практического применения, развитие концептуального представления о компетенциях, использование подхода в работе Национального бюро по трудоустройству ANPE.

В Германии элементы компетентностного подхода начинают использоваться в 80-х гг., хотя в системе образования он стал применяться с 1996 г. Введено понятие «ключевые квалификации» – индивидуальные компетенции, которые, в отличие от выше рассмотренных подходов, акцентируют внимание на точном определении требуемых знаний, а не на результате. В учебных планах указаны профессионально-технические, личностные и социальные компетенции. Австрийский подход близок к немецкому. Исследуются когнитивные, социальные и личностные компетенции.

Российские исследователи к настоящему времени по компетентностному подходу написали, по данным E-library, 19 612 работ. В них рассматриваются компетенции преимущественно в образовании. Они связаны с определением компетенций обучающихся, которые необходимо сформировать по различным видам подготовки. В работе А. В. Цыдыповой, И. Б. Цыреновой, О. В. Любовниковой [17] приводится обзор авторов, занимающихся разработкой компетентностного подхода и формирования ключевых компетенций. Среди них А. В. Хуторской, В. А. Адольф, В. А. Бодров, И. С. Батракова, Г. А. Цукерман, Г. А. Бордовский, Е. В. Баранова, Л. А. Ибрагимова, А. К. Маркова, Н. Ф. Радионова, Н. Н. Суртаева, С. Г. Рекунов, З. И. Колычева, Н. В. Чекалева, Л. В. Будяк, И. А. Зимняя, Г. К. Селевко, Г. А. Цукерман, Л. Ф. Иванова, О. Е. Лебедев,

П. П. Борисов, Н. С. Веселовская, Т. Б. Табарданова, Е. В. Бондаревская, А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина, Н. В. Мясичев, Л. А. Петровская, Н. Ф. Талызина, Н. Т. Печенюк, Л. Б. Хихловский, В. Д. Шадриков, Р. К. Шакуров, В. М. Шепель и другие.

Основной тенденцией развития компетентностного подхода является формирование многомерных моделей. Причем стало выделяться такое понятие, как базовые компетенции. В работе А. Я. Данилюка и А. М. Кондакова «Концепция базовой модели компетенций цифровой экономики» [11] проведен анализ отечественных и зарубежных концепций и моделей компетенций, на основе которых сделаны следующие выводы:

- основным методом исследования является метод экспертной оценки;

- ситуация со сформированными моделями и перечнями компетенций оценена как переизбыточная, при которой ни в одном исследовании они не обоснованы строго научно, не согласованы с другими, но «каждая претендует на всеобщность» [11, с.6];

- в мире не сформировано общепринятого перечня базовых компетенций, показателей и процедур их оценки.

Матрица базовых компетенций, принятая в различных странах, составленная на основе указанной выше работы приведены в приложении. В целом они близки к принятым на симпозиуме по программе Совета Европы в Берне: политические и социальные, межкультурные, коммуникативные, информационные, самообразовательные [4].

Суть модели А. Я. Данилюка и А. М. Кондакова состоит в следующем:

- 1) описание трудовой деятельности через её функции на основе требований работодателей;

- 2) исходя из деятельностного подхода, предложена однотипная структура базовых и профессиональных компетенций: ценность (мотив) – цель (предмет) – действия;

- 3) формирование систем (моделей) базовых и профессиональных компетенций в соответствии с уровнями образования;

- 4) «определение перечня базовых компетенций, отвечающего интересам всех участников экономических и образовательных отношений и создание условий для его непрерывного обновления» [11];

- 5) согласование базовых и профессиональных (по уровням квалификации) компетенций за счет единой структуры компетенций и их уровневой дифференциации.

Эту модель А. Я. Данилюк и А. М. Кондаков предложили основывать на 9 уровнях квалификации, изложенных в Приказе Минтруда России от 12.04.2013 № 148н «Об утверждении уровня квалификации в целях разработки проектов

профессиональных стандартов», а также сформулированных ими базовых компетенциях¹.

Развитие компетентностных моделей для государственных служащих. По компетентностным моделям для государственных служащих рассмотрим методики, опубликованные в работе Е. В. Васильевой [10] и в Методическом инструментарии по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку) [15], принятых Министерством труда и социальной защиты РФ.

Е. В. Васильева отмечает, что «в российской практике на данный момент нет единой утвержденной модели компетенций государственных служащих, которая охватывала бы несколько уровней государственной службы» [10]. На основе проведенного ею опроса гражданских государственных служащих субъектов федерации она составила следующий перечень компетенций [10, с. 127–128]:

а) личные – нацеленность на результат, дисциплинированность и аккуратность, навыки организации собственного времени, стрессоустойчивость, способность к саморазвитию и актуализации знаний, навыки планирования, организации, координации, точность и внимание к деталям, адаптивность и готовность к переменам, креативность, инициатива, самостоятельность в принятии решений, приспособляемость, способность к рефлексии;

б) общепрофессиональные – этика и культура поведения, приверженность государственной службе, ориентация на укрепление авторитета госслужащих, умение разрабатывать проекты и планы, специальное образование, оценка экономических, социально-политических условий и последствий реализации государственных программ, адаптивное зарубежной практики государственного управления к своей профессиональной деятельности;

в) организационно-управленческие – умение ставить и распределять задачи для себя и подчиненных, организация взаимодействия со специалистами других органов и структурных подразделений, умение мотивировать и стимулировать

подчиненных для достижения поставленных целей, навыки прогнозирования и оценки последствий реализации управленческих решений, навыки планирования деятельности структурных подразделений и их сотрудников, навыки оценки подчиненных и результатов их работы, навыки применения нововведений и инноваций, умение применять социально-психологические методы руководства, умение применять административные методы руководства;

г) межличностные (социальные) – навыки социального взаимодействия и сотрудничества, сотрудничества в коллективе, делового общения и ведения переговоров, деловой переписки, убеждения собеседников и подчиненных, управления конфликтами, наставнических функций, публичных выступлений, диагностики организационной культуры, коммуникабельность, эмоциональный интеллект, эмпатия;

д) информационно-коммуникативные – сбор и анализ информации, применение современных ИТ, электронное делопроизводство, формирование и продвижение имиджа государственной и муниципальной службы, анализ деятельности с использованием статистических и аналитических инструментов, навыки управления проектами, умение организовать взаимодействие со СМИ;

е) нормативные и правовые – правильное применение нормативов и стандартов, знание нормативных правовых и организационных документов, оценка правовых последствий принимаемых решений, знание антикоррупционного законодательства и недопущение коррупционно-опасного поведения, знание изменений в государственной службе.

Е. В. Васильева отмечает, что полученные ею результаты близки к приводимым Б. Оскарсоном и Дж. Равеном, а также предлагает онтологическую многокомпонентную модель компетенций служащего, то есть проведение оценки персонала через сравнение результативности, качества и сложности осуществленного труда с эталонными характеристиками в отношении конкретной должности [10].

¹ Предложены следующие компетенции: а) ценностный выбор (ответственно и продуктивно работать на благо России, социальное и духовно-нравственное развитие, готовность действовать в глобальном мире); б) планирование и организация деятельности (принимать и нести ответственность, принимать решения, разрабатывать планы и проекты); в) осуществление деятельности (работа в команде, осуществление коммуникаций, работа с информацией, решение нематематических задач математическими методами, применение информационных технологий, креативность, комплексное решение сложных многофакторных проблем); г) самоуправление и саморазвитие (приобретение знаний в течении всей жизни, профессионально-личностное развитие, сохранение и укрепление здоровья); д) управление результатами деятельности (управление качеством процессов и результатов деятельности, готовность к социально ответственному предпринимательству); е) оценка и учет последствий и эффектов деятельности (обеспечение информационной безопасности, осуществление экологической деятельности).

В «Методическом инструментарии по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку)» говорится не о компетенциях, а о качествах гражданских служащих, которые включают квалификацию, профессиональную подготовку, эффективность и результативность профессиональной служебной деятельности [15, с.10], а также деление квалификационных требований на базовые и функциональные.

К профессиональным качествам отнесены общие (ориентация на результат, укрепление авторитета гражданских служащих, межличностное понимание, стиль общения); прикладные (сбор и анализ информации; качественная подготовка документов; ориентация на обеспечение защиты законных интересов граждан; творческий подход, инновационность; убедительность коммуникаций; работа в команде; профессиональное саморазвитие; передача опыта и знаний); управленческие (планирование деятельности и ресурсов, постановка задач и организация деятельности, контроль и оценка исполнения, мотивация и развитие подчиненных, принятие управленческих решений, стратегическое видение, управление изменениями, публичные выступления и внешние коммуникации) [10, с. 14–16]. Для определения перечня прикладных и/или управленческих профессиональных качеств предлагается применять методы попарного сравнения или ранжирования [10, с. 17].

К базовым квалификационным требованиям отнесены: уровень профессионального образования; продолжительность стажа гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажа (опыту) работы по специальности, направлению подготовки; знание русского языка и основ законодательства (Конституции РФ, о гражданской службе, о противодействии коррупции); знания и навыки в области документооборота, делопроизводства, информационно-коммуникационных технологий [10, с. 46]. К функциональным квалификационным требованиям отнесены направления подготовки (специальности) профессионального образования; стаж (опыт) работы по специальности и направлению подготовки; профессиональные знания и навыки, необходимые для исполнения должностных обязанностей [10, с. 47].

Методический инструментарий содержит такие приложения, как Справочник профессиональных качеств гражданских служащих и Перечень должностей гражданской службы категории «специалисты» главной, ведущей и старшей групп должностей, для которых в модель профессиональных качеств могут включаться управлен-

ческие профессиональные качества. В перечне качеств, определяемых через общественную оценку, указаны этика, профессионализм, готовность помочь.

В материалах ЦСР (Фонд «Центр стратегических разработок») указывается, что качества государственных служащих должны быть развиты в соответствии с повышением цифровизации их деятельности [16]. Предлагается, что в цифровой экономике в рамках компетентного подхода должен реализовываться «softskills» («гибкие навыки») – комплекс неспециализированных надпрофессиональных навыков, включающих в себя Hardskills – профессиональные навыки, Softskills – креативность, коллаборативность, критическое мышление, когнитивную гибкость, Digitalskills – основы программирования, компьютерную грамматику. Со второй половины 2018 г. на основе разработок ЦСР и РАНХиГС, выполненных по поручению Президента РФ, в Воронежской, Рязанской и Калининградской областях реализуется пилотный проект «Современное государственное управление» [7].

Проект основан на «Программе 2024», «Концепции кадрового обеспечения системы государственного управления», «Общей концепции формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации». Целями проекта являются устранение всех видов потерь и реализация актуальных приоритетов стратегического развития. Для этого предполагается создание команды изменений и Центра эффективности. Информации о полученных промежуточных результатах пока не опубликовано.

Представляется, что при всем разнообразии предложенных наборов компетенций можно говорить об их схожести между собой, проявляющейся в необходимости иметь такие качества, как профессионализм (знания исполняемых видов деятельности), нацеленность на получение запланированного результата, самообразование, самоорганизация, коммуникативные навыки, в том числе неконфликтность, эмпатия, стремление помочь. Важность этих качеств подтверждается исследованиями иных аспектов деятельности гражданских государственных служащих.

Так, при изучении их трудовой мотивации [8] было получено, что важную роль играют занимаемый социальный статус, стабильность и надежность рабочего места в сравнении с более высокой оценкой потенциальной нестабильности работы в частном бизнесе, «самореализация и карьерный рост на основании заслуг и достоинств, самореализация в качестве руководителя, а также сопричастность к чему-то великому, что может быть истолковано либо как мотивация служения

государству, либо как мотивация общественного (гражданского) служения». Это было оценено автором как высокий уровень мотивации и дисциплины, не опосредованный оплатой труда и карьерными связями. В работе [9] выявлено, что в годы реализации федеральных программ реформирования государственной службы (особенно в 2003–2007 и 2009–2010 гг.) существовала более тесная статистическая связь между индексами внутреннего (государственной службы) и внешнего (социально-экономического изменений территорий) развития при одновременном их возрастании. «В годы, когда программы отсутствовали, отмечена тенденция развития аппарата госслужбы вне общего тренда социально-экономического развития» [9, с.103].

Приведенные исследования корреспондируют с проведенным выше анализом компетенций гражданских государственных служащих в части профессионализма, самореализации, самообучения, нацеленности на конечный результат. Но из них выпадают коммуникативные навыки, хотя в рассмотренном выше Методическом инструментарии Минтруда и социальной защиты РФ им уделяется значительное внимание, особенно при проведении общественной оценки. В то же время в документах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ещё в 1995 г указывалось, что «в последующие десятилетия хорошо функционирующий государственный сектор будет радикально отличаться по внешнему виду и поведению: будет меньше участвовать в предоставлении прямых услуг, но формировать гибкую структуру для их получения; больше оценивать эффективность проводимой политики; развивать функции планирования и руководства для реагирования на будущие экономические и социальные проблемы; а также использовать более широкий подход к управлению» (перевод автора) [5]. Это отражается в переходе в течении XX в. от «традиционного государственного управления», основанного на бюрократии, голосовании, периодических выборах через «новый публич менеджмент» (голосование, возможность выбора, дерегулирование спроса на услуги) к «новому публичному управлению» (гражданское общество, открытость администраций к диалогу). Такая новая парадигма управления предполагает наличие у государственных гражданских служащих коммуникативных компетенций, тесно перекликающихся с цифровой (электронной) демократией, рассматриваемой как элемент цифровой экономики, в том числе электронного правительства.

Библиографический список

1. Boyatzis R. E. The competent manager: A model for effective performance. New York: Wiley. 1982

2. Cheetham G. and Chivers D. The reflective (and competent) practitioner: A model of professional competence which seeks to harmonise the reflective practitioner and competence-based approaches. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.smithsrisca.demon.co.uk/PSYfcheethametal1998.html> (дата обращения 12.12.2018)

3. Francoise Delamare Le Deist & Jonathan Winterton. Human Resource Development International, Vol. 8, № 1, 27–46, March 2005

4. Huntmaher Walo. Key competencies for Europe // Report of the Symposium of Bern, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for cultural co-operation//Secondary Education for Europe Strsburg, 1997.

5. Public Management Reform and Economic and Social Development. OECD working papers, vol. 6, no. 22 / Prepared by Dr. Keating M. Paris: OECD – PUMA, 1998. Код доступа: <http://www.oecd.org/officialdocuments/public> (дата обращения 12.12.2018)

6. White R.W. Motivation reconsidered. The concept of competence. Psychological review, 1959, № 66

7. Академия начала совершенствование государственного управления в Рязанской области, 8 мая 2018 года [Электр.ресурс] Код доступа: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/akademiya-nachala-sovershenstvovanie-gosupravleniya-v-ryazanskoj-oblasti> (дата обращения 12.12.2018)

8. Атнашев, Т. М. Самоотверженные чиновники? Факторы высокой мотивации госслужащих Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3 С. 149–166.

9. Борщевский, Г. А. Оценка тенденций развития государственной службы: вопросы методологии Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 103–128.

10. Васильева, Е. В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки и выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 120–144.

11. Данилюк, А. Я., Кондаков, А. М. Концепция базовой модели компетенций цифровой экономики [Электр.ресурс] – Код доступа: <https://www.ranepa.ru/images/anons/2018-12/Konceosiya-bmkce.pdf> (дата обращения 12.12.2018)

12. Лайл, М. Спенсер-мл. и Сайн М. Спенсер. Компетенции на работе. Модель максимальной эффективности работы. Пер. с англ. М.: НИРО, 2005.

13. Ленская, И. Ю., Шиндряева И. В., Ширяева В.А. Управление персоналом организации: конспекты лекций: учебное пособие. М.: Мир науки, 2017. Режим доступа: <http://izd-mn.com/PDF/06MNNPU17.pdf>

14. Макклеланд, Д. Концепция компетенций. Введение к книге: Лайл М. Спенсер-мл и Сайн М Спенсер. Компетенции на работе. Модель максимальной эффективности работы. Пер. с англ. М.: НИРО, 2005. 384 с.

15. Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку). М.: Министерство труда и социальной защиты РФ,

2013, 268 с.

16. Россия онлайн. Четыре приоритета в цифровой экономике. М.: ЦСР совместно с The Boston Consulting group, 2017. 28 с.; Петров М., Буров В., Шкляр М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая

трансформация. М.: ЦСР, 2018. 54 с.

17. Цыдыпова А. В., Цыренова И. Б., Любовникова О. В. Понятие «компетенция», «компетентность», «компетентностный подход» в обучении // Обучение и воспитание: методика и практика. 2016. № 30 (1). С. 239–243.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Матрица базовых компетенций, принятых в различных странах

Компетенции	Страны						
	Великобритания/Ирландия	Норвегия	Шотландия	Австралия	Новая Зеландия	Индонезия	Сингапур
Коммуникативные (межкультурное взаимопонимание, социальные компетенции)	+		+	+	+		+
Личностные и межличностные (этичное поведение)	+			+			+
Управление информацией (информационная и компьютерная грамотность)	+			+			+
Умение выразить себя		+					
Умение выразить себя в письменной форме (грамотность)		+	+		+		+
Умение использовать цифровые инструменты		+					+
Умение читать (грамотность)		+	+	+	+		+
Умение считать (математические навыки)		+	+	+			+
Навыки здоровой и благополучной жизни			+				
Умение учиться, жить и работать			+				
Умение мыслить				+	+	+	+
Креативность				+			+
Самоорганизация				+	+		+
Командная работа				+	+		+
Интеллект						+	
Личные качества						+	
Благородство						+	
Навыки самостоятельной жизни						+	
Навыки для продолжения учебы						+	
Умение применять знания							+

Источник: составлено автором на основе [11, с. 8]

УДК 332.145
ББК 65.44

ТРЕНДЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ¹

Н. Е. Булетова

Аннотация. Активное вовлечение региональных экономических систем в национальные программы и стратегические задачи цифровизации обеспечивает рост достижимости установленных на федеральном уровне национальных целей развития цифровой экономики. На примере программы цифрового развития Волгоградской области, к целям которой были отнесены как традиционные – рост уровня жизни и инвестиционной привлекательности региона, обеспечение информационной безопасности и создание IT-инфраструктуры – представлены достигнутые результаты реализации базовых и отраслевых региональных проектов по цифровому развитию приоритетных отраслей экономики и социальной сферы. С учетом основ парадигмы устойчивой экономики определены преимущества и риски новых трендов развития современных экономических систем, к которым отнесены в том числе секторы экономики совместного потребления, обеспечивающие как новые рабочие места на региональном рынке труда, так и экономию ресурсов массового потребления.

Ключевые слова: цифровая экономика, устойчивое развитие, умный город, экономика совместного потребления.

DIGITAL TRENDS IN THE REGIONAL ECONOMY FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

N. E. Buletova

Abstract. Active involvement of regional economic systems in national programs and strategic objectives of digitalization ensures the growth of attainability of national goals for the development of the digital economy that are set at the federal level. On the example of the digital development program of the Volgograd region, the goals of which were classified as traditional – increasing the standard of living and investment attractiveness of the region, ensuring information security and creating IT infrastructure, the results of the implementation of basic and sectoral regional projects on digital development of priority sectors of the economy and social spheres. Taking into account the fundamentals of a sustainable economy paradigm, the advantages and risks of new trends in the development of modern economic systems are identified, which include, among others, sectors of the joint consumption economy, which provide both new jobs in the regional labor market and the saving of mass consumption resources.

Key words: digital economy, sustainable development, smart city, shared consumption economy.

Из двенадцати национальных проектов, реализуемых в России, среди которых различают цифровую экономику, образование, экологию, наибольшее значение для региональных экономических систем, требующих максимального вовлечения ресурсов этих территории, кроме самой цифровой экономики, важное значение отводится производительности труда и поддержки занятости, малому и среднему предпринимательству, жилью и городской среде. Для достижения поставленных федеральной властью целей перечисленных национальных проектов на уровне регионов разработаны и реализуются базовые и отраслевые региональные проекты, детализирующие и обеспечивающие эффективность реализации стратегических целей развития территории.

На примере Волгоградской области базовые региональные проекты затрагивают внедрение цифровых технологий в области государственного управления, информационной безопасности, инфраструктуры и кадрового обеспечения. Ответственность государства за поддержку и обеспечение необходимого уровня цифровизации российских регионов требует не только системного подхода к стратегическому управлению, но и взаимодействия исполнительной власти на всех уровнях принятия решений.

На примере секторов экономики совместного потребления («sharing economy») представим результат структурного анализа данного нового сегмента национальной и региональной экономической системы. Развитие экономики совместного потребления стало возможно в больших

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Социально-экономические условия и механизмы развития цифровизации региона (на примере Волгоградской области)», проект 18-410-340017.

масштабах благодаря цифровизации и доступности для регионов страны технологий умного города. В зарубежной литературе данная тема популярна и востребована в научной среде (пример работ [3], [5]).

Рассматривая sharing economy как связую-

щее звено между цифровой и устойчивой экономикой, можно утверждать, что от уровня развития sharing economy зависит степень влияния цифровых технологий на снижение экономической нагрузки на национальную и мировую экологическую систему (см. рис.1).

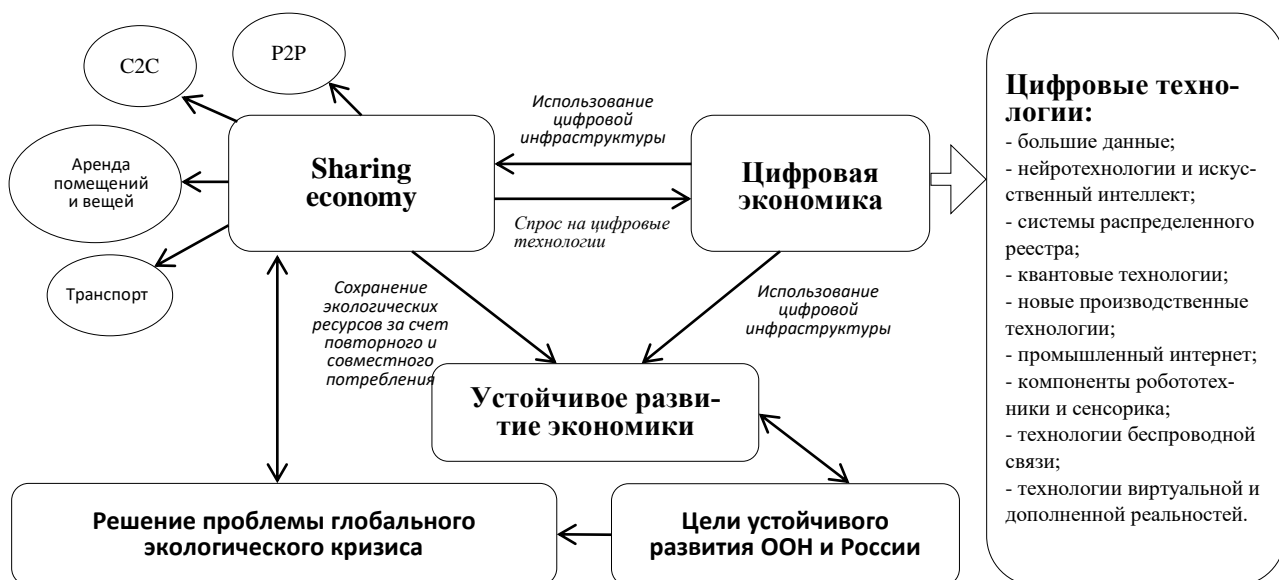

Рис. 1. Корреляция цифровизации, устойчивого развития и совместного потребления

Определив состав секторов sharing economy, к которым уже традиционно относят аренду помещений и вещей, применение совместного потребления в транспортных услугах и т.п., а также основываясь на теории трехсекторной

экономики Кларка-Фишера, была обеспечена логика эволюции отдельных секторов sharing economy в последовательности их появления, развития и доминирования в валовой добавленной стоимости sharing economy (см. рис. 2).

Купля-продажа товаров между физлицами – оптимизация личных расходов	Аренда собственности и рабочей силы (в основном в мегаполисах)			Экономические механизмы для роста и развития в масштабах отрасли экономики или экономики территории	
Сектор 1 – C2C	Сектор 2 – аренда помещений и вещей	Сектор 3 – транспорт	Сектор 4 – P2P услуги (фриланс)	Сектор 5 – софинансирование	Сектор 6 – B2B
- без посредников среди физлиц					
- с или без посредников среди юрлиц и физлиц					
- повышение мобильности и доступности перемещения					
- функционирование sharing city					
- новый инвестиционный ресурс для экономики					
- активное вовлечение бизнеса (с учетом взаимосвязи по технологической цепочке и шансом снизить величину промежуточного потребления) с использованием технологий sharing economy					

Рис. 2. Эволюционный переход по секторам sharing economy в условиях ускорения НИОКР

Авторский подход к структурному анализу состоит в следующем:

- накапливается база данных по отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (по видам экономической деятельности) по данным

ООН для межстранового сравнения [6]. Требование к базе данных – ретроспектива минимум за 2 года и максимум, гарантирующих сопоставимость данных во времени;

Таблица 1 – Объемные показатели развития секторов sharing economy за 2017–2018 гг. [7]

Секторы sharing economy	Ед. изм.	2017		2018	
		Количество услуг	Объем транзакций, млн. руб.	Количество услуг	Объем транзакций, млн. руб.
1. Транспорт:					
1.1. Каршеринг	число поездок, млн ед.	12	5100	37	13000
1.2. Карпулинг	число поездок, млн ед.	24	8100	39	13700
2. Аренда помещений:					
2.1. Краткосрочная аренда средств размещения	число гостей, млн чел.	1,2	5800	1,6	9800
2.2. Офисшеринг					
- коворкинг	-	-	2600	-	3500
- готовые офисы (OaaS)	-	-	1700	-	2200
3. Краудфандинг (софинансирование)	число компаний по привлечению средств, ед.	1020	300	1333	400
4. C2C продажи	число сделок, млн ед.	90	295000	116	370000
5. Аренда вещей	число сделок, тыс. ед.	25	80	60	180
6. P2P услуги (фриланс)	число сделок, млн ед.	49	73000	64	98000

На втором шаге происходит аккумулярование этих данных в группы. Если для всей экономики речь идет о доле аграрного сектора, доле индустриального сектора и доле сектора услуг с условием, что вектор эволюции идет в сторону наращивания доли индустрии по сравнению с долей АПК и наращивания доли услуг по сравнению с долей индустрии, то для sharing economy предлагается следующее соотношение и вектор эволюции: аккумуляруются виды услуг в рамках sharing economy в шесть секторов и определяется траектория их развития с учетом простоты/сложности их массового распространения, уровня емкости и эффективности в текущих экономических условиях. Исследование межотраслевой структуры с помощью индексов координации позволяет использовать для описания этих систем две структурные характеристики:

$$t_{\alpha} = D_I / D_A \tag{1}$$

$$t_{\beta} = D_S / D_I \tag{2}$$

где t_{α} – степень индустриализации, показывает, сколько на одну денежную единицу ВДС, созданной в сельскохозяйственных отраслях, приходится таковых единиц, созданных в промышленности;

t_{β} – степень сервисизации, показывает, сколько на одну денежную единицу ВДС, созданной в промышленности, приходится таковых единиц, созданных в секторе услуг [1].

Условием агрегирования представленных на рисунке 2 и в таблице 1 секторов sharing economy в D_i стало применение теории структурных изменений экономики Кларка-Фишера (источники [2], [4]) и основ экономической эволюции в сторону усложнения; в результате формирование

значений D_i было следующим:

- D_1 включило в свой состав только сектор 1 - C2C;

- D_2 включило в свой состав сектора 2,3 и 4;

- D_3 включило в свой состав сектора 5 и 6.

Именно соотношение между собой этих агрегированных секторов sharing economy будет основой измерения структурных пропорций и их изменений. Для этого применяем формулы (1) и (2) в следующей редакции:

$$t_{\alpha} = D_2 / D_1; \tag{3}$$

$$t_{\beta} = D_3 / D_2. \tag{4}$$

Проведя расчеты по данным таблицы 1, торами были проведены необходимые вычисления (см. табл. 2) и представлены следующие результаты:

- наибольший прирост по агрегированным секторам за период 2017–2018 гг. наблюдается по аренде собственности и рабочей силы, значение t_{α} и его прирост свидетельствуют о тенденции развития sharing economy в РФ;

- с точки зрения перспектив эволюции sharing economy в ближайшие годы и даже десятилетия самым важным и сложным в приросте является агрегированный сектор D_3 , включающий краудфандинг и B2B (аренда оборудования и других фондов между предприятиями), по полученному значению t_{β} можно говорить о необходимости интенсивно институционализировать нормы и условия функционирования этих секторов sharing economy, в первую очередь, по вопросам безопасности и прозрачности таких сделок.

Таблица 2 – Результаты структурного анализа sharing economy РФ за 2017–2018 гг.

Показатели	2017	2018	Интерпретация
D_1 (млн руб.)	295000	370000	Самый развитый, масштабный и базовый сектор sharing economy Прирост составил +25,4 % за год
D_2 (млн руб.)	96380	140380	Аккумулированы все виды аренды в sharing economy Должно соблюдаться соотношение: $D_2 > D_1$ Самый большой прирост данного сегмента +45,7 % за год
D_3 (млн руб.)	300	400	Самый финансово и экономически значимый сегмент sharing economy В эволюции sharing economy должен стать больше D_2
$t_\alpha = D_2 / D_1$	0,33	0,38	Нормативное значение: $t_\alpha > 1$ Наметился рост t_α на 16,1 %
$t_\beta = D_3 / D_2$	0,00311	0,00285	Нормативное значение: $t_\beta > 1$ Наметился спад t_β на 8,5 %

По полученной базе вычисленных значений t_α и t_β за период времени, позволяющий строить тренды и давать оценки тенденциям, для анализируемой национальной экономической системы или группы систем строится эволюционное графическое поле, на котором эмпирическим путем и в сравнении оценивается выявленный вектор эволюции за анализируемый период и даются экспертные оценки качества произошедших структурных изменений в экономике государства или его отдельных территорий.

Понимая преимущества и недостатки sharing economy в современных социально-экономических системах, положительно оценивая ту роль, которую данный вид экономических отношений имеет для экономии ресурсов, обеспечения ряда целей устойчивого развития ООН, эволюция sharing economy имеет свои особенности, связанные со сменой приоритетов экономической деятельности – речь идет об отказе от массового потребления в психологии покупателя на рынке товаров и услуг и культивировании совместного потребления, сбережения. Это объясняется, в первую очередь, глобальным экологическим кризисом и растущей актуальностью поиска путей достижения целей устойчивого развития для городских и сельских жителей. С другой стороны, развитие секторов аренды расширяет доступность многих услуг для большего количества потребителей – и тогда растет емкость всего сектора услуг национальной и региональной экономической системы.

Главными факторами, препятствующими развитию sharing economy в масштабах национальных экономик, являются: слабое и неравномерное развитие цифровой экономики, низкая инновативность населения и бизнеса, высокие риски и неразвитость системы страхования и защиты от мошенничества в сделках на доступных для потребителя цифровых платформах, менталитет и особенности потребительской психологии, сложившиеся, в том числе под влиянием экономики массового потребления.

По аналогии с созданием единой электронной государственной платформы, на которой будут сосредоточены все онлайн-ресурсы органов власти по оказанию государственных услуг (для населения) или ведения электронного бюджета и межведомственного взаимодействия (для работников органов власти) считаем актуальным создание единой электронной бизнес-платформы, регистрация и размещение на которой будет обязательным для всех ресурсов цифровой экономики в том числе, при этом для регистрации на этой платформе все желающие вести бизнес и реализовывать свои идеи в формате цифровой экономики должны будут проходить процедуру «листинга» – подтверждать свою легитимность, платежеспособность, также в эту систему можно вписать систему обязательного страхования работы таких сервисов для снижения потерь от мошенничества.

Библиографический список

1. Buletova, N. E., Zlochevsky, I. A., Sharkevich, I. V. and Stepanova, E. V. Structural analysis and criteria for assessment of state economic policy // International Journal of Applied Engineering Research. 2017. № 12 (17). С. 6603–6614.
2. Clark, C. The Conditions of Economic Progress. 3rd ed. Macmillan Press. 1957.
3. D’Auria, A., Tregua, M., & Vallejo-Martos, M. Modern Conceptions of Cities as Smart and Sustainable and Their Commonalities // Sustainability. 2018. № 10 (8), pp. 2642.
4. Fisher A.G.B. The Clash of Progress and Security. London, 1935.
5. Marcut, M. Smart versus Digital. Integrating Technology in city Branding // Eurolimes. 2018. № 25 (25), pp. 53–64.
6. Материалы официального сайта ООН «Gross value added (GVA) by economic activity at current basic prices» [Электронный ресурс]. URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=SNAAMA&f=grID:201;c:urrID:NCU;pcFlag:0#SNAAMA_
7. Материалы официального сайта Российской ассоциации электронных коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <https://raec.ru>.

УДК 338
ББК 65.05

УПРАВЛЕНИЕ ФАКТОРАМИ, ВЛИЯЮЩИМИ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Г. С. Мерзликina, Н. О. Могхарбел

Аннотация. Каждое предприятие является системой, находящейся в непрерывной взаимосвязи с внешней и внутренней средой. Внешние факторы показывают общеэкономические условия деятельности предприятия, внутренние же факторы напрямую зависят от организации работы конкретного предприятия. При изучении инновационной деятельности организации важно обозначить классификацию факторов, влияющих на инновационное развитие. С помощью точечной корректировки определенного фактора можно изменить весь ход ведения инновационной деятельности в организации и повлиять на ее успешное развитие.

Ключевые слова: инновации; внешние факторы инновационного развития; внутренние факторы инновационного развития; факторы, формирующие инновационную активность организации; факторы, сдерживающие развитие инновационной деятельности.

MANAGEMENT OF FACTORS INFLUENCING ON THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATION

G. S. Merzlikina, N. O. Mogharbel

Abstract. Each enterprise is a system that is in continuous interconnection with the external and internal environment. External factors indicate the general economic conditions of the enterprise. When studying the innovative activities of the organization, it is necessary to identify the classification of factors affecting innovative development. With the help of accurate correction, you can achieve success in the development of innovation.

Key words: innovation; external factors of innovative development; internal factors of innovative development; factors shaping the innovative activity of the organization; factors inhibiting the development of innovation.

При управлении инновациями необходимо принимать во внимание требования не только экономических законов, но и законов равнозначности, незаменимости и совокупности жизненных факторов, законов минимума, оптимума и максимума.

Экономист Ю. Симачев делает акцент на перевернутой зависимости инновационной активности предприятий от уровня конкуренции на рынке [2].

В «Большом толковом словаре правильной русской речи» термин «фактор» трактуется как движущая сила, причина определенного процесса или явления.

«Современный экономический словарь» Б. А. Райзберга дает уточнение данному определению, считая его движущей силой экономических и производственных процессов, которые оказывают влияние на конечный результат производственной и экономической деятельности [3].

Если брать во внимание предприятие как систему, которая находится в непрерывной взаимосвязи с внешней средой, то целесообразно выявить две обобщенные группы факторов: внешние и внутренние.

Естественно, что первая группа факторов

является внешней по отношению к предприятию. Изменение данных факторов зачастую не зависит от самого предприятия.

Внутренние же факторы напрямую зависят от организации работы конкретного предприятия.

Внешние факторы показывают общеэкономические условия деятельности предприятия, уровень развития рынка, устоявшийся темп экономики и уровень ее развития, специфику включения в международное разделение труда и отраслевую ориентацию на удовлетворение производственных и потребительских потребностей, состояние производства в целом (оживление – подъем – спад – кризис – депрессия), действенность законодательной базы и уровень ее развития, государственно-правовой механизм, степень правовой и нормативной обеспеченности хозяйственной деятельности, которая устанавливает конкретные границы и запреты.

Экономист Г. Г. Фетисов считает, что внутренние факторы необходимо разделить на три отдельные группы: организационные, технологические, экономические. Из выделенных трех групп внутренних факторов самое значительное влияние отводится экономическим факторам.

Данная классификация имеет ряд преимуществ, главным из которых является простота и широкое применение на практике, так как анализ внешней среды, внутренних сил и слабостей предприятия является одним из самых важных этапов анализа инновационной деятельности организации.

С другой стороны, при изучении инновационной деятельности организации важно сформулировать уточненную классификацию факторов.

Группировка факторов в отдельные группы более чем по одному критерию имеет цель определения места каждого фактора по отдельности в их общей совокупности.

Данная классификация, в первую очередь, даст возможность оценить влияние изменения того или иного фактора на деятельность предприятия, принимая во внимание всего лишь несколько классификационных признаков.

Во вторую очередь, данная классификация дает возможность определить факторы, обеспечивающие увеличение инновационной активности организации.

Экономист А. В. Черных приводит классификацию факторов, уделяя внимание основным сферам функционирования в рыночных условиях:

- по принадлежности к среде предприятия: факторы внешней среды – факторы прямого воздействия (факторы мезосреды), факторы косвенного воздействия (факторы макросреды), факторы внутренней среды;
- по характеру: экономические, неэкономические;
- по возможности прогнозирования: прогнозируемые, непрогнозируемые (случайные);
- по возможности контроля и управления: управляемые, неуправляемые;
- по продолжительности действия: однократные, периодические, постоянно действующие.

Классификация факторов А. В. Черных наиболее полно отражает совокупность факторов, которые влияют на инновационное развитие предприятия, но не принимает во внимание инновации.

Фактор инновации относится практически к любой категории классификации, так как в современной экономике новшества охватывают все большее количество сфер деятельности предприятия, начиная с экономики и финансов и заканчивая кадровой и социальной составляющей.

Исходя из классификации Фетисова, легко сформулировать вывод, что при изучении факторов, которые влияют на инновационную деятельность важно отделить их основные определенные

характеристики: прямую взаимосвязь определенных групп факторов между собой; сложность определения факторов, затрудненность или отсутствие количественного выражения факторов.

Зачастую одна из групп факторов может оказывать влияние, проявляться через факторы других групп.

Инновации подразумевают под собой изменения к лучшему, а изменения – развитие как на макро-, так и микроэкономическом уровне, следовательно, крайне важно различать данные понятия.

Инновационный климат как страны, так и региона выступает одним из основных факторов, который способствует выбору наилучшего пути развития и использования производственного потенциала предприятия.

Возможность организации внедрить стратегию развития и качественные бизнес-планы инвестиций в новаторские проекты, которые подготовлены согласно международным стандартам, зависит лишь от характера инновационной сферы, которая в последнее время активно развивается.

Исходя из этого, учет влияния инноваций крайне важен при прогнозировании динамики развития организации.

В конечном итоге инновационность выступает главным фактором успеха, если не основным способом существования организации.

Особенно необходимо уделять внимание факторам, которые сдерживают развитие инновационной деятельности предприятия.

Важно учесть, что инновационно-активные предприятия России значительно отличаются от зарубежных, которые работают в условиях значительной конкуренции на рынке, который насыщен качественной продукцией.

Россия видимо отстает от стандартов качества, которые существуют в развитых странах. Зачастую новая продукция отечественных предприятий является новой только на российском рынке и не считается конкурентоспособной, а доведение ее до мировых стандартов требует значительных затрат и усилий.

Следовательно, для увеличения инновационной активности организаций и достижения запланированных показателей инновационного развития экономики России важно преобразовывать меры стимулирования инновационной активности предприятий.

При этом крайне важной задачей выступает формирование благоприятного инновационного климата для систематического и целенаправленного осуществления научной и научно-технической деятельности, внедрения полученных результатов в практику хозяйствования.

С целью определения способа формирования благоприятного инновационного климата,

важно проанализировать и систематизировать факторы, влияющие на инновационное развитие. [1]

Рис. 1. Экономические факторы, формирующие инновационную активность организации.

Существуют факторы, сдерживающие развитие инновационной деятельности [4]. Они приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Факторы, сдерживающие развитие инновационной деятельности

Перечень факторов	Характеристика влияния факторов	Предполагаемые пути снижения влияния факторов
1. Снижение платежеспособного спроса	Отсутствие стимулирования продаж, низкий уровень заработной платы	Внедрение гибкой системы скидок постоянным покупателям
2. Ухудшение финансового состояния организации	Дефицит и обесценивание оборотных средств из-за инфляции, ограничение финансовых ресурсов, резкое сокращение сферы сбыта	Совершенствование системы сбыта, поиск дополнительных источников доходов
3. Усиление инфляции	Рост затрат на сырье, топливо, электроэнергию, транспорт, финансовые трудности потенциальных потребителей, рост цен на товары	Поиск возможностей экономии затрат на сырье, топливо, электроэнергию, транспорт, совершенствование ценовой политики предприятия
4. Ухудшение материально-технического снабжения	Разрушение хозяйственных связей между предприятиями, отсутствие равномерности в работе, разрыв отраслевых технологических цепочек	Создание страхового запаса материальных ценностей, проведение маркетинговых исследований с целью выявления потенциальных поставщиков сырья
5. Нестабильность финансовой системы	Инфляция, кризисное состояние многих банков, неправильность планирования финансовой деятельности предприятия и оценки рисков, отсутствие надежности вложения предприятиями денежных средств в финансово-кредитные учреждения, отсутствие стратегии развития предприятия, неумение управлять финансовыми потоками, продуктовой и ценовой политикой предприятия	Разработка усовершенствованной стратегии развития, анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия, работа с «проверенными» партнерами, учет и оценка рисков деятельности

Перечень факторов	Характеристика влияния факторов	Предполагаемые пути снижения влияния факторов
6. Низкие темпы развития организации	Низкий уровень работы предприятия, неконкурентоспособность продукции, отсутствие возможностей роста дохода	Повышение квалификации персонала, внедрение усовершенствованных технологий и прогрессивного оборудования, обновление ассортимента
7. Кризис сбыта продукции	Узость рынка из-за специализации производства, отсутствие гибкой рыночной стратегии производителей, региональная ориентация производства, рост остатков готовой продукции на складах, снижение доходов производителя, снижение объемов продаж, плохое изучение рыночного спроса, неудовлетворительная организация производства и сбыта	Налаживание системы реализации продукции, проведение маркетинговых исследований, организация системы поиска потенциальных поставщиков и потребителей, активная рекламная деятельность, введение дополнительных штатных единиц работников, организация сервиса
8. Неэффективность сферы труда	Дефицит высококвалифицированных работников, наличие избыточных трудовых ресурсов, плохие условия труда, низкая производительность и оплачиваемость труда, ограничение инвестирования социальной сферы	Обучение и переподготовка кадров, вознаграждение за результаты труда, повышение производительности труда, улучшение условий труда, применение прогрессивного оборудования
9. Рост издержек производства	Необходимость содержания объектов социальной сферы, систематическое повышение заработной платы, затраты на поддержание престижа предприятия, содержание простаивающего оборудования	Поиск более дешевых источников сырья и материалов, топлива и электроэнергии, ремонт простаивающего оборудования сдача в аренду невостребованных помещений и оборудования
10. Непредсказуемое и мало прогнозируемое поведение субъектов рынка	Слабое представление руководства о собственных возможностях предприятия и его развитии, несовершенство организационных структур	Оценка финансового состояния, обучение и повышение квалификации руководства, поиск и изучение новых сегментов рынка, налаживание долгосрочных контактов с партнерами, анализ перспективных возможностей реализации продукции
11. Неконкурентоспособность предприятия	Отсутствие мотивации труда, низкий уровень качества обслуживания клиентов, производство не пользующейся спросом продукции, отсутствие мероприятий по снижению издержек, непонимание руководством инструментов и технологий получения необходимой информации для принятия адекватных управленческих решений	Мотивация персонала к труду, высокий уровень сервиса, внедрение прогрессивных технологий и оборудования, введение системы премирования за результаты труда, применение новых методов упаковки продукции в целях повышения ее срока хранения и привлекательности
12. Экономическая нестабильность	Неразвитость нормативно-правовой базы, несовершенство законодательства, непригодность руководителей к рыночным условиям, острый дефицит собственных оборотных средств неудовлетворительное качество управления на предприятии	Повышение компетентности управленческого персонала в вопросах организации управления, правового регулирования, изучения новых методов и форм оценки производственно-хозяйственной деятельности, конкурентов и потребителей, партнеров по бизнесу, совершенствование системы сбыта

С помощью точечной корректировки определенного фактора можно изменить весь ход ведения инновационной деятельности на предприятии и повлиять на его успешное развитие. Грамотное соотношение и использование данных факторов, тесная взаимосвязь через систему управления между инновационной, производственной и маркетинговой деятельностью организации приводят к положительному результату осуществления инновационной стратегии.

Библиографический список

1. Санто, Б. Инновации как средство экономического развития [Текст] / Б. Санто. М.: Прогресс,

2016. 397 с.

2. Симачев, Ю. В. Влияние государственных институтов развития на инновационное поведение фирм: качественные эффекты / Ю. В. Симачев, М. Г. Кузык // Вопросы экономики. 2017. № 2.

3. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Стародубцева. 6-е изд., перераб. и доп. М. (ИНФРА-М, 2011)

4. Фетисов, Г. Г. Региональная экономика и управление: учебник / Г. Г. Фетисов, В. П. Орешин. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 416 с. Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/472783>

УДК 338.28: 004(470.45)
ББК 65.010.19(2Рос-4Вог)

КОНЦЕПЦИЯ «УМНЫЙ ГОРОД» В РАМКАХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

И. С. Землянская, И. В. Горелова

Аннотация. В статье проведен анализ основных рисков в рамках реализации проекта «Умный город» на примере Волгоградской области. Выявлены барьеры для развития технологий умного города. Авторами сделан ряд выводов о состоянии и развитии концепции «умный город» в субъектах РФ и Волгоградской области.

Ключевые слова: «умный город», цифровое развитие региона.

CONCEPT «SMART CITY» WITHIN THE DIGITAL DEVELOPMENT OF THE REGION

I. S. Zemlyanskaya, I. V. Gorelova

Abstract. The article analyzes the main risks in the framework of the project «Smart City» on the example of the Volgograd region. Identified barriers to the development of smart city technologies. The author made a number of conclusions about the state and development of the concept of «smart city» in the regions of the Russian Federation and the Volgograd region.

Key words: «Smart city», the digital development of the region.

Одной из тенденций, определяющих будущее в развитии человеческого сообщества, является рост значения городов и их влияние на социально-экономические процессы. Это определяется, в первую очередь, увеличением городского населения. Так, доля городского населения в России составляет 74 %. При этом по состоянию на 01.01.2017 170 городов имели население численностью более 100 тыс. чел., из них 16 городов с численностью населения более 1 млн чел. [5]. Весомым аргументом является и тот факт, что большая часть инноваций социально-экономического характера появляется именно в городах, так как здесь сосредоточены научные, образовательные, промышленные и др. предприятия и организации.

В соответствии с Постановлением Губернатора Волгоградской области от 23.04.2019 № 204

«О мерах по реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на территории Волгоградской области и о внесении изменения в постановление Губернатора Волгоградской области от 10 сентября 2012 г. № 832 «Об утверждении Положения о подготовке проектов правовых актов Губернатора Волгоградской области и Администрации Волгоградской области» утверждена программа «Цифровое развитие Волгоградской области». В программу включен ряд региональных проектов, в том числе и «Умный город». Прогнозируемый объем финансирования программы составляет 5209,386 млн руб. со сроком реализации в течение 2019–2021 гг. Характеристика основных вызовов в рамках реализации проекта «Умный город» в Волгоградской области представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика ключевых вызовов для Волгоградской области

Ключевые вызовы	Характеристика
Инфраструктурный разрыв и высокий уровень износа основных городских инфраструктур	В таких сферах, как строительство и ЖКХ, уровень износа в среднем по регионам России составляет 60 %. Кроме того, высокая степень износа основных фондов наблюдается в транспорте, здравоохранении, инженерных сетях. Основная часть многоквартирных домов, расположенных на территории Волгоградской области, сдана в эксплуатацию более 50 лет назад, имеет значительный процент физического износа и требует незамедлительного капитального ремонта. Каждый пятый многоквартирный дом нуждается в капитальном ремонте, увеличивается объем аварийного жилищного фонда [2]
Дефицит бюджетных ресурсов для решения задач текущего функционирования городов и для задач развития	В Отчете о результатах исследовательской работы «Индикаторы умных городов НИИТС 2017», проведенной компанией АО «Национальный исследовательский институт технологий и связи», технологии умного города в настоящее время наиболее развиты в Москве и Санкт-Петербурге, что обусловлено их бюджетной обеспеченностью. В отношении г. Волгограда приведем следующие данные: «умная инфраструктура» – 0,24 балла; «умное управление» – 0,22 балла; «умные технологии» – 0,44 балла; «умная экономика» – 0,25 балла; «умные финансы» – 0,54 балла; «умные жители» – 0,63 балла; «умная среда» – 0,47 балла. [3]

Ключевые вызовы	Характеристика
Увеличение экологического давления на города	5 июня, 2018 г. Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль» опубликовала очередной «Экологический рейтинг субъектов Российской Федерации» по итогам весны 2018 г, реализованного с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. Десятка «антилидеров» рейтинга выглядит следующим образом. На последнем месте Свердловская область, далее, по мере возрастания рейтинга, – Челябинская область, Московская область, Иркутская область, Брянская область, Республика Бурятия, Нижегородская область, Красноярский край, Оренбургская область, Еврейская АО. Волгоградская область занимает 58 место в рейтинге из 85 представленных субъектов РФ [8]
Повышение требований к качеству городской среды и к обеспечению безопасности со стороны граждан	В соответствии с паспортом проекта «Формирование комфортной городской среды», утвержденным 21 ноября 2016 г., одним из ключевых вызовов является обеспечение более активного участия граждан в формировании и реализации муниципальных программ по благоустройству. Так, субъекты Российской Федерации и муниципалитеты численностью от 1000 чел. должны принять новые правила благоустройства, предусматривающие в том числе учет мнения граждан при формировании таких программ, а также внедрить механизм поддержки мероприятий по благоустройству, инициированных гражданами, и финансовое участие граждан и организаций в их реализации. Распоряжением от 23 марта 2019 г. № 510-р. Федеральным проектом «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жильё и городская среда» к концу 2024 г. предусмотрено повышение индекса качества городской среды на 30 %, сокращение в соответствии с этим индексом количества городов с неблагоприятной средой в два раза. Для определения индекса качества будут использоваться 36 индикаторов, характеризующих состояние городской среды и условия проживания людей. [7]
Изменение требований ко всему спектру городских услуг и сервисов со стороны бизнеса, в том числе под давлением цифровизации экономики и масштабирования новых технологических решений	Серьезным вызовом на пути к внедрению новых технологий в городское пространство выступает отсутствие соответствующей нормативной правовой и методической базы: понятие умного города, его технологических компонентов и пр.

Источник: составлено авторами по материалам [7].

Барьерами для развития технологий умного города являются: стандартизация; большие данные; специальные правовые режимы; новые инструменты привлечения финансирования проектов умного города.

Проведенное исследование позволяет авторами сделать ряд следующих выводов. Во-первых, невозможно не согласиться Л. Г. Алтуховым, что «умный город» начинается с людей: «Эта идея сбора всей интеллектуальности в единое целое заключается в умении интегрировать и автоматизировать всю информацию и базы данных» [4]. Поэтому научно-образовательные организации должны играть центральную роль в развитии «умных городов» и стать «площадкой» для сбора и анализа информации. Например, 7–8 декабря 2018 г. в Волгоградской ОУНБ им. М. Горького состоялся фестиваль инноваций «Умный город», на котором самые передовые учреждения представили перспективные направления развития информационно-коммуникационных технологий [1].

Во-вторых, так как городская среда отличается своей конфликтностью, то городские преоб-

разования должны проводится постоянно и с учетом интересов жителей, то есть концепция «умный город» призвана способствовать решению имеющихся проблем и созданию благоприятных условий для его жителей (умное управление, умные технологии др.).

В-третьих, анализ нормативно-правовой базы, регулирующей цифровизацию городского хозяйства «умный город», позволяет сделать вывод, что на государственном уровне придается большое значение реализации концепции умного города, которая позволит повысить эффективность функционирования как отдельных элементов городской инфраструктуры, так и городов (городских систем) в целом.

В-четвертых, процесс формирования «умного города» Волгограда находится в стадии реализации. Так, с начала апреля в г. Волгограде функционирует Единый диспетчерский центр. В здание на улице Камской в Центральном районе переехали клиентский центр и диспетчерские службы, которые в режиме онлайн наблюдают за состоянием сетей холодного и горячего

водоснабжения. В случае возникновения серьезных нештатных ситуаций в ЕДЦ разворачивается оперативный штаб, откуда можно управлять работами [6].

В-пятых, поскольку отсутствует единый сценарий интеллектуализации и цифровой трансформации, то проблема проведения сравнительного анализа различных российских концепций развития умных городов с целью выявления общих черт определения различий является в настоящее время весьма актуальной.

Библиографический список

1. В Фестивале инноваций «Умный город» приняли участие более 680 волгоградцев! // URL: <http://www.vounb.volgograd.ru/?option=view&id=1074> (дата обращения 01.06.2019 г.).

2. Государственная программа Волгоградской области «Создание условий для обеспечения качественными услугами жилищно-коммунального хозяйства жителей Волгоградской области на 2016–2020 годы» // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/>

25606900/ (дата обращения 28.05.2019 г.).

3. Индикаторы умных городов НИИТС 2017 // URL: <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf> (дата обращения 01.06.2019 г.).

4. На международной конференции во Франции обсудили сотрудничество в сферах науки и образования // URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/na-mezhdunarodnoj-konferencii-vo-francii-obsudili-sotrudnichestvo-v-sferah-nauki-i-obrazovaniya> (дата обращения 01.06.2019 г.).

5. Население России // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 01.06.2019 г.).

6. Умный город Волгоград // Коммуналка. № 4 (08). 2019 г. С. 1.

7. Экспертно-аналитический доклад «Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах» // <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/06/Report-Smart-Cities-WEB.pdf> (дата обращения 30.05.2019 г.).

8. Экологический рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам весны 2018 года // URL: <http://www.greenpatrol.ru/en/node/299521> (дата обращения 30.05.2019 г.).

УДК 021

ББК 78.34(3)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Т. В. Овсянникова

Аннотация. Эффективное управление библиотекой является необходимым условием ее существования в современном обществе. Руководство библиотекой должно опираться в своей деятельности на современные методы библиотечного менеджмента и широко применять их в своей работе. В данной статье рассмотрена цифровизация как одно из актуальных направлений развития библиотеки в процессе формирования информационной среды.

Ключевые слова: управление библиотекой, цифровизация, информационное пространство, персонал библиотеки.

DIGITALIZATION OF THE INFORMATION SPACE OF THE PUBLIC LIBRARY AS AN ACTUAL TREND OF MODERN MANAGEMENT

T. V. Ovsyannikova

Abstract. effective library management is a necessary condition for its existence in modern society. Administration of the library should be based in its activities on modern methods of library management and widely apply them in their work. This article considers digitalization as one of the actual directions of library development in the process of information environment formation.

Key words: library management, digitalization, information space, library staff.

Роль управления любой организацией заключается в повышении эффективности ее деятельности, процессе увеличения не только количественных показателей, но и усовершенствование качественных. Сегодня одним из актуальных трендов управления является цифровизация, которая имеет широкую и узкую интерпретацию.

Термин «цифровизация» в узком смысле понимается как «преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т. д.», т.е. приводит к существенным положительным изменениям и последствиям в обществе [1]. В широком смысле ее можно предста-

вить как современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к улучшению качества жизни и повышению эффективности экономики. Цифровое пространство вышло за рамки информатизации и компьютеризации и отдельных инноваций. Оно создало некий технологический континуум, в котором существует пользователь и создает себе окружение.

Развивается информационная культура, которая порождает необходимость обновления принципов и методов работы. Сегодня особым феноменом информационного пространства становится «информационизм», предполагающий, что новое пространство основано на больших потоках информации. Информационизм трактуется как «воздействие знания на знание как основной источник эффективности и производительности» [2, с. 45]. Развитие интернет-пространства как тренда управления библиотечным сообществом находит поддержку как в академической среде, так и среди практиков.

В современную цифровую эпоху роль библиотек также подвергается трансформации. Цифровизация библиотек является одним из наиболее активно развивающихся направлений управления этой сферой. Она влечет за собой изменения в деятельности публичных библиотек, заставляет их овладевать новыми методами управления. Формирование новых информационно-коммуникативных технологий обмена и передачи информации приводит к трансформации существующей системы, ее интеграции в онлайн-среду и слиянию мобильных, социальных и облачных технологий.

И важнейшая роль в этом процессе принадлежит руководителю библиотеки. Руководитель должен уметь выделять управленческие приоритеты, самостоятельно ориентироваться в изменчивой социальной, библиотечной и информационной реальности, способствовать саморазвитию имеющихся возможностей, владеть современными стратегиями и методами управления. Большую роль играет руководитель в формировании мотивированности сотрудников, что отражает его стремление эффективно использовать человеческий потенциал, учитывая специфику деятельности и профессиональные умения и навыки персонала [3, с. 72]. Все это позволяет повысить уровень библиотеки, сделать ее деятельность более эффективной.

Современные библиотеки уже давно воспринимаются в обществе не просто как хранилища информации, документов и учреждения, предоставляющие пользователям книги, а как

центры с электронными документами, виртуальными базами данных. И этот интерактивный формат существования библиотек наряду с традиционным все более расширяется, визуализируется и приобретает закономерность существования как в реальной, так и виртуальной среде.

В результате такой интеграции в публичных библиотеках происходит расширение коммуникативного пространства, усиление информационно-коммуникативной среды, что увеличивает интерес к ним в обществе и расширяет наши привычные стереотипы восприятия этого социального института. Технологии информационной среды охватывают широкий спектр, который включает: технологии представления информации и метаинформации, методы и средства поиска, извлечения и анализа данных, технологии создания и хранения, средства доступа к разнообразным коллекциям, средства визуализации данных, создание мобильных приложений в контексте электронной библиотеки, проблемы идентификации и описания информации, обеспечение единого доступа к гетерогенной информации и др.

Актуальными задачами управления библиотеками России являются переход с информационных ресурсов на бумажных носителях в цифровой формат, а также вопросы развития библиотечного дела в процессе формирования электронной среды, место библиотек в эпоху цифровой информации, вопросы правового обеспечения доступа к электронным ресурсам библиотек и др. И электронные издания, и электронный фонд являются уже нормой. Во всем мире происходит оцифровка документов и перевод их в электронный вид. Все это требует нового формата функционирования библиотек – электронного. Поэтому важное место в информационно-библиотечной среде занимают электронные библиотеки, которые активно развиваются и продвигают свой контент. Понятие «электронные библиотеки» охватывает: коллекции объектов и электронных документов различных видов в интернете на различных порталах и сайтах, электронные издания (существуют самостоятельно, в различных коллекциях), электронные библиотеки агрегаторов и производителей электронного контента, электронные библиотеки стандартных подсистем, научные репозитории и архивы, проекты информационных интернет-гигантов.

Большинство библиотек имеют собственные сайты, страницы в социальных сетях, и активно развиваются мобильные вебсайты и приложения, разрабатываемые специально для библиотек. Мобильные устройства являются востребованными среди различных групп пользователей.

Они облегчают доступ к информации, не привязаны к пространственно-временным рамкам и поэтому активно используются. Они включают в себя систему уведомлений, поиска книг, позволяют использовать закладки, добавлять комментарии и т.д. В значительной части библиотек России произведена автоматизация таких процессов, как: ведение электронного каталога, поиск и заказ литературы, формирование фонда библиотеки, регистрация читателей, контроль посещений и книговыдачи, а также создание личного кабинета пользователя.

Социальные сети (FB, ВКонтакте, Instagram, Одноклассники) являются платформой продвижения библиотек в информационной виртуальной среде. Там организуются консультации со специалистами, активные обсуждения, публикуется информация о новых поступлениях и выставках, семинарах. Это, с одной стороны, свидетельствует о формировании клиентоориентированного подхода, ориентации на конкретного пользователя, что позволяет удовлетворить наиболее полно его информационные запросы. С другой стороны, это создание социально-коммуникативной площадки для развития различных социальных контактов и общественного диалога различных групп, встроенного в различные социальные структуры общества, включая органы власти и местного самоуправления.

В настоящее время создается новая многоуровневая клиент-серверная система с использованием открытых протоколов взаимодействия между компонентами, дающими возможность обращаться не только к ресурсам внутри системы, к другим библиотечным системам России и мира, но и гарантировать такую же широкую доступность создаваемых ресурсов. Таким образом, можно констатировать появление мультимедийной медиасреды, которая объединяет пользователей разных стран, социальных статусов, информационных запросов, библиотек разного уровня. Такое активное внедрение новых методов в работу требует и изменения существующего подхода к работе персонала, его традиционных форм. Например, создания адаптивных и гибких рабочих пространств (концепция «открытого офиса»).

Эта концепция позволяет совершенствовать коммуникации внутри организации между сотрудниками, сотрудниками и пользователями, взаимодействие посредством выделения нескольких рабочих зон для решения организационных задач, обусловленных спецификой деятельности, и получения обратной связи. Все это повышает требования к квалификации персонала, умениям решать сложные творческие задачи. Важными становятся такие качества у сотрудников, как

увлеченность, эмпатия, личностное отношение к делу. Существуют немало публикаций, в которых описывается опыт и перспектива внедрения таких технологий в практику работы [3,4].

Также необходимо отметить неизбежные риски правового и технологического характера цифровизации библиотек: риск несанкционированного доступа к информации (появление недобросовестных пользователей), защита интеллектуальной собственности и авторского права, защита персональных данных, риски журналов «открытого доступа» (отсутствие апробированного механизма агрегации, обобщения, персонализации информации в сети), уязвимость отечественного интернета, которая может влиять на использование оцифрованной информации и т.д.

Делая вывод, хочется отметить, что внедрение новых технологий, использование новых организационных форм управления складывается из множества факторов, которые при их последовательном и систематическом внедрении дают долговременный и качественный эффект. Все это способствует переходу на осознание новых технологических возможностей с сохранением традиционных форм функционирования. При этом библиотеке важно не потерять свою специфику как социально-коммуникативного института, отличающую ее от других. Поэтому сохранение миссии библиотеки в обществе, ее технологическая трансформация и улучшение взаимодействия с пользователями – это задача, требующая совершенствования управленческих сил.

Библиографический список

1. Анохина, Е. М. Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация / Е. М. Анохина, Ю. В. Косов, В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 8–26.
2. Коновалов, М. И. Применение новых механизмов и управленческих инструментов в HR-менеджменте / М. И. Коновалов // Достойный труд – основа стабильного общества. Материалы IX Международной научно-практической конференции / Под ред. А. Ю. Коковихина, Н. В. Шараповой. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета. 2017. С. 45–46.
3. Шиндряева, И. В. Процесс трудовой мотивации и его взаимосвязь с организационной культурой / И. В. Шиндряева // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2016. № 2. С. 71–75.
4. Редькина, Н. С. Мировые тенденции развития библиотек: оптимизм vs пессимизм (по материалам зарубежной литературы). Часть 1 / Н. С. Редькина // Библиосфера. 2018. № 4. С. 87–94.
5. Shindryaeva, I. V. Organizational communications in the enterprise management system / I. V. Shindryaeva, S. O. Shindryaev, A. Y. Berezovaya, T. V. Ovsyanikova // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering 2019. С. 012059.

УДК 347.73, ББК 67.402

РАЗВИТИЕ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В УМНОМ ГОРОДЕ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ¹

С. М. Миронова

Аннотация. Развитие инициативного бюджетирования в России показывает более высокую эффективность реализации таких проектов в тех регионах и муниципальных образованиях, в которых используются формы электронного взаимодействия власти и населения через порталы инициативного бюджетирования, страницы в социальных сетях, а также сайты для голосования. Проведен анализ таких электронных площадок и сделан вывод о необходимости финансовой поддержки электронного взаимодействия по вопросам инициативного бюджетирования. Проведен анализ голосования за проекты инициативного бюджетирования, проводимого в Волгоградской области в мае 2019 года. Применение блокчейн-технологий позволяет минимизировать риски нарушений при подсчете голосов, что делает процедуру голосования более надежной. В то же время применение таких технологий требует дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование; народный бюджет; программы поддержки местных инициатив; местный бюджет; электронное голосование; блокчейн.

DEVELOPMENT OF INITIATIVE BUDGETING IN A SMART CITY: RUSSIAN EXPERIENCE

S. Mironova

Abstract. The development of initiative budgeting in Russia shows a higher efficiency in the implementation of such projects in those regions and municipalities that use forms of electronic interaction between the government and the population through initiative budgeting portals, pages on social networks, and also sites for voting. An analysis of such electronic platforms was carried out and a conclusion was drawn on the need for financial support of electronic interaction on issues of proactive budgeting. An analysis of the vote for proactive budgeting projects conducted in the Volgograd region in May 2019 was conducted. The use of blockchain technologies allows minimizing the risks of violations during the vote count, which makes the voting procedure more reliable. At the same time, the use of such technologies requires further improvement.

Key words: Initiative budgeting; national budget; support programs for local initiatives; local budget; electronic voting; blockchain.

Недостаточность финансового обеспечения местного самоуправления предопределяет необходимость поиска новых путей финансово-правового обеспечения муниципальных образований, в том числе и путем привлечения финансовых средств граждан и организаций. Сформулированный профессором Н. И. Химичевой принцип участия граждан РФ в финансовой деятельности государства и органов местного самоуправления, а также в осуществлении ее контроля наиболее эффективно реализуется на местном уровне, поскольку приближенность местного самоуправления к населению предполагает максимальное вовлечение населения в решение вопросов местного значения.

Такие формы участия граждан, как инициативное бюджетирование (во всех их разнообразных проявлениях) активно внедряются во многих

субъектах РФ и муниципальных образованиях, становятся предметом основных направлений государственной политики на федеральном уровне. Принятая в 2017 г. Программа развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации в рамках деятельности открытого правительства РФ в 2018 г. была отражена в государственной программе РФ «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», задачи которой были дополнены развитием практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г., утвержденные Правительством РФ 29.09.2018 предусматривают, что «Правительство Российской Федерации будет осуществлять ком-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-411-340017 «Создание механизмов, обеспечивающих вовлечение населения муниципальных образований Волгоградской области в бюджетный процесс (инициативное бюджетирование)»

плекс взаимоувязанных мер по поддержке и развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в рамках единого целеполагания путем внедрения и обучения механизмам участия граждан Российской Федерации в решении вопросов социально-экономического развития соответствующих территорий на основе широко распространенной в мире концепции партисипаторного (инициативного) бюджетирования», внедрение механизмов инициативного бюджетирования называется одним из способов вовлечения граждан в государственное и муниципальное управление. Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг., принятая в январе 2019 г., называет расширение охвата и развитие практик вовлечения граждан в бюджетный процесс (инициативного бюджетирования) в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях одним из результатов проведенной работы в области повышения открытости бюджетного процесса и предлагает ряд направлений по дальнейшей работе в области инициативного бюджетирования для повышения открытости бюджетного процесса и дальнейшего вовлечения в него институтов гражданского общества.

В рамках осуществления проектов народный бюджет, инициативное бюджетирование, партисипаторное бюджетирование, которые нацелены именно на активное участие граждан в деятельности муниципальных образований, также важную роль играет применение современных информационных технологий как с информационной целью, так и для проведения голосования.

В России использование Participatory budgeting и других форм вовлечения граждан в бюджетный процесс помимо традиционных форм осуществляется с применением электронных форм взаимодействия и интернет-технологий.

Например, в Омской области действует проект «Народный бюджет» (<http://budget.omsk.ifinmon.ru/narodnyj-byudzhet>) – все заявки проходят процедуру общественного обсуждения в форме интернет-голосования, а затем рассматриваются специальной комиссией – комиссией по реализации проекта «Народный бюджет» в Омской области, являющейся координационным органом, образуемым в целях отбора заявок при решении вопросов социально-экономического развития Омской области в рамках реализации проекта «Народный бюджет» в Омской области [4].

В Тверской области активно реализуются программы поддержки местных инициатив. Вся информация о проводимых конкурсах проектов

представлена на официальном сайте ППМИ Тверской области (<http://ppmi.tverfin.ru>). Участие граждан осуществляется посредством интернет-опросов, интернет-форумов, голосования через интернет, что позволяет привлечь к решению вопросов муниципалитетов большее количество жителей [5]. Участие в таких проектах позволяет гражданам видеть реальные плоды демократии, поскольку их голоса и предложения позволяют улучшить территорию, на которой они живут, решить насущные проблемы, с которыми они сталкиваются каждый день.

Активному развитию инициативного бюджетирования в Сахалинской области способствует Портал инициативного бюджетирования (<https://pib.sakhminfin.ru/>), который призван содействовать:

- повышению финансово-правовой (бюджетной) грамотности населения
 - информационной открытости при обсуждении идей и реализации проектов, предлагаемых жителями Сахалинской области
 - расширению практик партнерства и социально ориентированной кооперации между публичной властью, гражданами, общественными объединениями, коммерческими и некоммерческими организациями
 - созданию альтернативных открытых площадок для диалога между публичной властью и гражданами.
- Основное назначение портала:
- Обучение инициативному бюджетированию
 - Регистрация инициатив (проектов) и их обсуждение
 - Информационное сопровождение проектов на всех этапах
 - Оповещение пользователей по подписке
 - Информирование на портале о проводимых мероприятиях
 - Проведение социологических исследований и опросов
 - Информирование о реализуемых партнерских программах (проектах), предоставление партнерам ресурса портала
 - Информирование о проведении конкурсных отборов на предоставление субсидий из областного бюджета

Несомненным достоинством сайта инициативного бюджетирования Сахалинской области следует назвать то, что он объединяет несколько практик:

1. Поддержка местных инициатив (малые проекты, связанные с благоустройством территорий сел и городских микрорайонов).

2. Молодежный бюджет (категория проектных предложений, авторы которых – учащиеся старших классов общеобразовательных школ).

3. Развитие территорий (ресурсоемкие проектные предложения, затрагивающие сферу капитального строительства).

Возможно онлайн голосование на сайте, при этом оно пользуется большей популярностью, чем традиционное голосование. Так, последнее голосование по проектам (проведенное на сайте <https://pib.sakhminfin.ru/vote>) собрало всего 18399, из них онлайн –15925, очно –2474. Наибольшей популярностью пользуются проекты по культурным объектам и зонам отдыха, спортивным сооружениям (лидер голосования проект «Обустройство парка культуры и отдыха города Корсакова (территория спорта)»), а также проекты, связанные с водоснабжением.

На портале также размещается информация о проводимых мероприятиях, например, график проведения общих собраний по выбору общественно значимых проектов, основанных на местных инициативах, на 2020 год.

В Югре с апреля 2019 г. функционирует портал Центр инициативного бюджетирования Югры (<http://xmao.qusilisk.beget.tech/>), действующий как субпортал общего портала «Открытый регион-Югра». Все представляемые проекты открыты для общего пользования. Каждый проект расположен на карте и имеет активную ссылку, которая переводит на его местоположение. В карточке проекта содержится краткая информация о его основных этапах, его стоимость, разбитая по долям, можно понаблюдать, как проект модифицировался.

Работает методический кабинет, где размещены нормативно-правовые акты муниципалитетов, контактная информация, графики заседаний. На площадке проводятся опросы, в будущем можно будет направить заявку на участие в конкурсе. В разделе «библиотека» публикуется аналитическая информация по типологии проектов, источникам их финансирования. Здесь можно получить ответы на самые часто задаваемые вопросы.

В дальнейшем на этом ресурсе планируется создать закрытые части в виде личных кабинетов, как для граждан, так и для органов власти для более детальной организации процесса инициативного бюджетирования. Также планируется проведение образовательных вебинаров, тренингов, размещение подкастов.

Отдельные порталы инициативного бюджетирования созданы в Удмуртской республике (<http://ib.mfur.ru/>) и ряде других регионов. Также

информация о проводимых проектах может размещаться на сайтах финансовых органов субъекта РФ, официального портала субъекта РФ или на страницах бюджетных сайтов, созданных для граждан (например, в Оренбурге это сайт «Бюджет для граждан Оренбургской области <http://budget.orb.ru/new/init-budg>). В то же время чаще всего пока информация о проектах инициативного бюджетирования размещается только на официальных сайтах региональных органов власти в виде новостей в очень кратком варианте.

Следует признать важным создание сайтов, интернет-порталов, отдельных страниц, посвященных инициативному бюджетированию, как на региональном, так и на местном уровне. Представляется необходимым продолжить работу в этом направлении. Расширение таких площадок будет способствовать большему вовлечению граждан в инициативное бюджетирование, с одной стороны, а с другой стороны, будет способствовать реализации принципа открытости бюджета. В связи с этим представляется необходимым в региональных бюджетах предусмотреть средства на создание таких сайтов. Еще одним вариантом может стать проведение конкурсов, привлечение общественных организаций за счет субсидий и грантовых средств для осуществления данной работы.

Также как за рубежом, в России активно используются социальные сети как площадки для проектов инициативного бюджетирования. Помимо Фейсбука, большой популярностью пользуется сеть «ВКонтакте», где граждане создают группы для информационного сопровождения конкурсов. Так, по состоянию на 15 июля 2019 г. Вконтакте насчитывается более 150 групп по проектам Программ поддержки местных инициатив. Более 30 групп по проектам «Народный бюджет», более 10 групп по проектам инициативного бюджетирования. Это могут быть группы как регионального уровня (например, Проект поддержки местных инициатив в Новгородской области), так и группы муниципальных районов (ППМИ Холмский район (Холмское городское поселение)), поселенческого уровня (ППМИ Белебелковского сельского поселения). Группы активно используются для сбора средств (денежного участия граждан) и помощи по отдельным видам работ (трудоустройство граждан), необходимых для реализации проектов.

Информационное сопровождение через СМИ и соцсети в некоторых регионах является обязательным условием для участия в конкурсе и добавляет к оценке проекта определенное количество баллов, что стимулирует граждан для проведения такой информационной работы.

В российской практике можно встретить и создание отдельных сайтов для голосования по проектам инициативного бюджетирования. Например, в Волгоградской области.

По информации комитета финансов Волгоградской области, в финальном голосовании приняли участие 209 проектов. На реализацию программы местных инициатив в 2019 г. в бюджете Волгоградской области предусмотрено 49 млн рублей. Лидером по общественной поддержке стал проект Дубовского района по созданию зала торжественных мероприятий в средней школе № 1 – он набрал 2725 голосов. 2170 голосов отдали за проект ремонта кинотеатра в городе Котово [2].

Голосование осуществлялось на специальном портале www.budget4me34.ru. Рейтинговое онлайн-голосование проходило с 18 по 31 мая 2019 г., для этого использовалась система голосований Polys на платформе блокчейн от компании «Лаборатория Касперского», которая не позволяет технически повлиять на результаты. Процедура продемонстрировала высокую активность жителей региона и их заинтересованность в развитии собственных территорий – в голосовании приняло участие 82,5 тыс. чел., учтено 112,6 тыс. голосов. Каждый мог проголосовать за один проект от каждого района или города – не только за тот, в котором он проживает. По информации «Лаборатории Касперского», состоявшееся в регионе онлайн-голосование на платформе блокчейн стало крупнейшим в истории использования данной технологии.

С одной стороны, этот опыт следует оценить положительно, поскольку такие технологии позволяют избежать ошибок при подсчете голосов и, самое главное, избежать ошибок с этим связанных. В литературе обращается внимание на необходимость внедрения технологий блокчейн в различные сферы правовой жизни [6], в том числе и в финансовую сферу (например, в сферу финансового контроля, в бюджетную сферу, государственного и муниципального заказа) [1,3,8]. В то же время следует учитывать риски таких технологий для финансовой безопасности в целом [7].

С другой стороны, можно назвать ряд недостатков использования блокчейн-технологий для голосований по проектам инициативного бюджетирования, которые требуют дальнейшего совершенствования указанной процедуры. Так, для участия в голосовании по проектам в Волгоградской области достаточно было зайти на портал, получив код на номер телефона (отдельной регистрации не требовалось). При этом никакой информации, связанной с регистрацией в Волго-

градской области, пользователь о себе не сообщил. Таким образом, в голосовании фактически мог принять участие любой гражданин, зашедший на сайт, без учета его территориального нахождения. Можно ли отследить, кто из тех, кто голосовал, является жителем Волгоградской области, а кто нет, система ответа не дает. Участие в голосовании жителей, не проживающих на соответствующей территории, может привести к тому, что могут не быть учтены истинные интересы жителей конкретного муниципального образования.

Возможность проголосовать не только за свой населенный пункт, но и выбрать по одному лучшему проекту в каждом районе Волгоградской области и городе Волгограде, также представляется дискуссионной, поскольку житель Волгограда не знает о потребностях и интересах какого-то отдаленного муниципального района и поселения.

Участие граждан в бюджетном процессе тесно связано с реализацией принципа прозрачности (открытости), поскольку инициативное бюджетирование включает в себя обучение граждан основам бюджетной грамотности и способствует осуществлению общественного контроля над расходами из местного бюджета. Принцип прозрачности активно исследуется в рамках финансового права.

Прозрачность финансовой деятельности государства и муниципалитетов облегчается внедрением информационных технологий, что, в свою очередь, повышает прозрачность бюджетных процедур. В то же время внедрение информационных технологий требует соответствующей технической подготовки и внедрения информационных технологий, создания сайтов, порталов и т. д. региональных и муниципальных органов власти, что невозможно без финансовых затрат. Таким образом, для этих целей необходимо предусмотреть расходы в областном и местном бюджетах.

Библиографический список

1. Брыкин, К. И. Блокчейн как средство реализации принципа прозрачности (открытости) в сфере публичных финансов / К. И. Брыкин // Финансовое право. 2018. № 4. С. 39–42.
2. В Волгоградской области подвели итоги голосования за проекты общественных инициатив // http://volgafin.volgograd.ru/current-activity/cooperation/news/236583/?sphrase_id=323698 (дата обращения 15.07.2019).
3. Лагутин, И. Б. Правовое обеспечение блокчейн-технологий (вопросы теории и практики) / И. Б. Лагутин, В. Н. Сусликов // Финансовое право. 2018. № 1. С. 25–29.
4. Миронова, С. М. «Народный бюджет» как форма участия граждан в финансовой деятельности

государства и муниципальных образований / С. М. Миронова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4. С. 25–30.

5. Миронова, С. М. Финансово-правовые аспекты привлечения населения к эффективному использованию бюджетных средств на муниципальном уровне / С. М. Миронова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 1 (38). С. 222–228.

6. Нагорская, В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права:

научно-методическое пособие / В. Б. Нагорская / под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.

7. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О. А. Аюбян, С. Я. Боженок, О. В. Веремеева и др.; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 304 с.

8. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К. Т. Анисина, Б. Г. Бадмаев, И. В. Бит-Шабо и др.; под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019.

УДК 338.2

ББК 65.441

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Т. А. Золотко

Аннотация. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации является одним из приоритетных направлений национальной безопасности. С 1 января 2019 г. в стране стартовала мусорная реформа, предусматривающая существенные изменения правил обращения с твердыми коммунальными отходами. Закрытие выработавших свой ресурс полигонов и санкционированных свалок привело к увеличению плеча вывоза ТКО и, как следствие, к увеличению транспортных издержек и росту тарифов. Несмотря на имеющиеся проблемы с транспортной логистикой, снижение издержек на транспортировку ТКО возможно путем цифровизации бизнес-процессов, в том числе в рамках реализации «Умного города».

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, региональный оператор, тарифы, цифровизация, «Умный город».

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE DEVELOPMENT OF SOLID MUNICIPAL WASTE MANAGEMENT SYSTEM IN THE VOLGOGRAD REGION

T. A. Zolot'ko

Abstract. Ensuring the environmental safety of the Russian Federation is one of the priorities of the country's national security. Since January 1, 2019, the country launched a garbage reform, providing for significant changes in the rules for the treatment of solid municipal waste. The closure of exhausted landfills and authorized landfills led to an increase in the levy of MSW removal, and as a result to an increase in transport costs and an increase in tariffs. Despite the problems with transport logistics, a reduction in the cost of transporting solid waste is possible due to the digitalization of business processes, including through the implementation of Smart City.

Key words: solid municipal waste, regional operator, tariffs, digitalization, «Smart city».

Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации является одним из приоритетных направлений национальной безопасности. Это объясняется неблагоприятным состоянием окружающей среды, являющейся причиной ухудшения здоровья и повышения смертности населения на территориях, где проживет большая часть населения страны (15 % территории Российской Федерации) [5].

Согласно данным Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. по состоянию на 01.01.2017 на территории страны выявлено 340 объектов, являющихся

источником потенциальной угрозы жизни и здоровью 17 млн человек. Около 15 тыс. санкционированных объектов размещения отходов занимают территорию общей площадью примерно 4 млн гектаров с ежегодной динамикой роста на 300–400 тыс. гектаров. В городах с высоким уровнем загрязнения воздуха проживает 17 % городского населения страны (17,1 млн чел.), 30–40 % населения регулярно пользуются водой, не соответствующей гигиеническим нормативам, вследствие чего увеличивается риск смертности (в среднем на 11 тыс. случаев ежегодно) и заболеваемости населения (в среднем на 3 млн случаев

ежегодно). Экономические потери, обусловленные ухудшением качества окружающей среды без учета ущерба здоровью людей, экспертно составляют 4–6 % в год валового внутреннего продукта.

В 2017 г. на территории Российской Федерации образовано 6,2 млрд. т промышленных и бытовых отходов, из них твердых коммунальных отходов 50–60 млн тонн.

Твердые коммунальные отходы (ТКО) – это отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования в жилых помещениях в целях удовлетворения

личных и бытовых нужд [6].

По данным НИИ Высшей школы экономики объем вывоза ТКО с территории городских поселений Российской Федерации в 2017 г. составил 274,4 млн куб. м, или 0,88 % от общего количества образованных отходов, из них вывезено на мусороперерабатывающие заводы 27,9 млн куб. м. (10 % от общего объема ТКО). При этом за период 2010–2017 гг. объем вывоза ТКО увеличился на 16,6 % (см. рис. 1); доля ТКО в общем количестве образованных отходов сократилась в 1,4 раза; показатель вывоза ТКО на мусороперерабатывающие заводы сократился на 4,2 млн м³, или на 13 % [3].

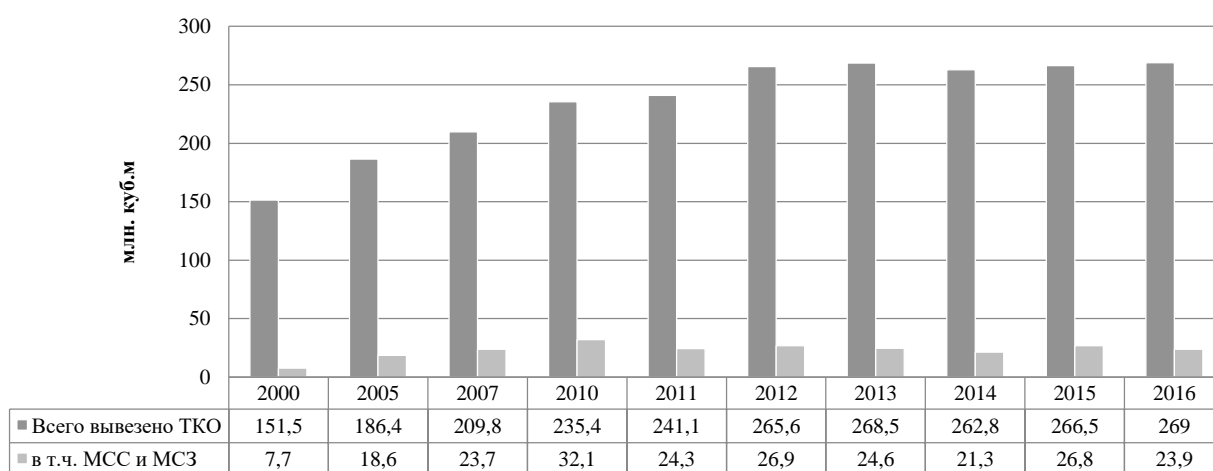

Рис. 1. Динамика вывоза и переработки ТКО в России

Все эти факты стали предпосылками для проведения мусорной реформы, которая стартовала на территории Российской Федерации с 1 января 2019 года. Реформа предусматривает существенные изменения правил обращения с твердыми коммунальными отходами.

По состоянию на 01.08.2019 на новую систему обращения с ТКО полностью перешли 65 субъектов РФ, частично – 7 субъектов РФ, не перешли – 13 субъектов РФ. Реформа охватила порядка 120 млн человек [2].

Целью реформы является, прежде всего, создание прозрачной схемы обращения с ТКО, предотвращение несанкционированных свалок и, как следствие, улучшение экологии и качества жизни населения.

Одной из причин образования несанкционированных свалок до начала проведения реформы являлось отсутствие действенной системы контроля за размещением ТКО непосредственно на полигонах или в установленных местах их размещения (санкционированных свалках). Действовавшая ранее система контроля предусматривала проведение рейдов и выездных проверок, что не

могло системно повлиять на предотвращение несанкционированных свалок. Проводимые проверки фиксировали факт, но не предотвращали их появление. В результате часть отходов недобросовестными перевозчиками не довозилась до мест размещения, а сваливалась в лесопосадках и оврагах.

С 1 января 2019 г. федеральным законом № 458-ФЗ внесены изменения в федеральный закон № 89-ФЗ от 24.06.1998 г. «Об отходах производства и потребления». Образован институт регионального оператора, на который возложены обязанности по контролю за всем жизненным циклом отходов: сбором, транспортировкой, утилизацией, обезвреживанием и захоронением ТКО. С целью координации региональных операторов и привлечения в отрасль инвестиций создана публично-правовая компания по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор» [8].

В целом взят курс на минимизацию захоронения отходов и развитие отрасли промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию

отходов в единой комплексной системе межотраслевого взаимодействия с хозяйствующими субъектами, производящими строительную и иную продукцию из отходов строительства и сноса. Предусмотрен поэтапный переход на применение современных технологий сортировки, переработки и утилизации отходов, внедрение раздельного сбора ТКО.

Одним из шагов мусорной реформы стало закрытие с 01.01.2019 выработавших свой ресурс полигонов и санкционированных свалок при недостатке мусоросортировочных станций и мусороперерабатывающих заводов. Данное решение привело к увеличению плеча вывоза ТКО от мест сбора отходов (контейнерных площадок) до мусороперегрузочных и мусоросортировочных станций и, как следствие, к увеличению транспортных издержек регионального оператора (перевозчиков ТКО) и росту тарифов.

Снижения качества оказываемой услуги по сбору и вывозу отходов на фоне увеличения стоимости услуги привело к недовольству граждан. Жители стали жаловаться, что мусор стали вывозить реже, несанкционированных свалок стало больше, а тарифы за вывоз отходов выросли. Причем для населения Волгограда, имеющего низкий уровень реальных доходов, проблема роста тарифов в 1,75 раза стала наиболее острой.

С целью урегулирования данной проблемы Минприроды России разработал Порядок формирования и изменения перечня объектов размещения твердых коммунальных отходов на территории субъекта Российской Федерации, предусматривающий возможность вновь эксплуатировать полигоны ТКО, закрытые с 1 января 2019 г. (не вошедшие в перечень объектов Государственного реестра объектов размещения отходов) [4]. Таким образом, Минприроды России пошел по пути возврата к эксплуатации ранее закрытых полигонов (до момента, когда будут закончены работы по строительству сертифицированных полигонов). Безусловно, это шаг назад – возврат к дореформенному состоянию. Вместе с тем эксплуатация закрытых полигонов позволит региональным операторам оперативно снизить издержки на транспортировку ТКО и, соответственно, снизить либо не повышать тарифы в условиях низкой собираемости платежей.

Несмотря на имеющиеся проблемы с транспортной логистикой, снижение издержек на транспортировку ТКО также возможно более прогрессивным путем: через цифровизацию бизнес-процессов в сфере обращения с ТКО.

Учитывая, что цифровизация сферы обращения с ТКО обязательна для муниципальных об-

разований, включенных Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ в пилотные проекты «Умный город», то для Волгограда и Волжского, данный путь является безальтернативным.

Реализация проекта «Умный город» предусмотрена двумя национальными проектами – «Цифровая экономика» и «Жилье и городская среда». Он направлен на повышение эффективности управления городской инфраструктурой за счет внедрения современных цифровых и инженерных решений. Стратегической целью проекта является переход на интеллектуальное управление городскими ресурсами и услугами и конкретные решения, позволяющие ее добиться.

В числе целевых показателей проекта: 1) перевод информации в сферах ЖКХ, благоустройства, градостроительства и архитектуры в машиночитаемый вид; 2) создание цифровых инструментов участия жителей в принятии решений по вопросам городского развития; 3) рост доли УК и ресурсоснабжающих предприятий, применяющих автоматизированные системы диспетчеризации; 4) увеличение числа многоквартирных домов, подключенных к автоматизированным системам учета коммунальных ресурсов.

Разработанные Минстроем России базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город») включают мероприятия по восьми направлениям: городское управление, «умное» ЖКХ, инновации для городской среды, «умный» городской транспорт, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, инфраструктура сетей связи, туризм и сервис [1].

Построение интеллектуальных систем экологической безопасности предусмотрено через автоматизацию системы управления с ТКО, которой предусматривается внедрение комплексных технологических решений, включающих в себя элементы цифрового проектирования и математического моделирования; информатизации системы управления предприятием; использование «умных» сенсорных элементов; генерацию, сбор, хранение, управление, обработку и передачу больших данных.

Проще говоря, нужна база данных учета образования отходов в контейнерах и бункерах для сбора ТКО, которая позволит моделировать в режиме онлайн «умную» логистическую систему, рассчитанную на основании оптимального маршрута следования мусоровоза в зависимости от состояния наполненности мусорных контейнеров (бункеров), а также осуществления планирования транспортировки ТКО на мусороперегрузочные и

мусоросортировочные станции, мусороперерабатывающие заводы и полигоны.

Внедрение автоматизированной информационной системы управления обращения с отходами позволит:

- оптимизировать маршруты движения специализированной техники для обеспечения эффективного использования ресурсов при сборе и вывозе отходов («умные контейнеры» и «умные мусоровозы»);

- осуществлять автоматический анализ расходов на сбор, вывоз и утилизацию отходов, тарифообразование с учетом капиталовложений на строительство новых объектов инфраструктуры (системы учета и аналитики, программное обеспечение);

- обеспечить контроль за передвижением и работой специализированной техники (специализированные мобильные приложения).

В качестве эффекта от внедрения стандартов «Умного города» ожидается:

- 1) обеспечение бесперебойной работы по вывозу ТКО;

- 2) повышение эффективности деятельности регионального оператора по вывозу ТКО;

- 3) повышение прозрачности деятельности по сбору, вывозу и захоронению ТКО;

- 4) обеспечение оперативного контроля за своевременностью и качеством оказания услуг по вывозу ТКО.

Таким образом, цифровизация управления сферы обращения с твердыми коммунальными отходами для Волгограда и Волжского является не только способом снижения либо предотвращения дальнейшего роста тарифов на ТКО, но и обязательным условием реализации проекта «Умный город». И от того, насколько быстро и качественно регионом будет организована цифровизация данной сферы, зависит экологическое и экономическое благополучие населения.

Библиографический список

1. Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город») <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/74f/Standart.pdf>.

2. Национальная ассоциация концессионеров и долгосрочных инвесторов // Отчет о результатах формирования и развития сферы ТКО по итогам первого полугодия 2019 года // <https://investinfra.ru/novosti/nakdi-publikuet-svodnyy-otchet-o-rezultatah-formirovaniya-i-razvitiya-sfery-tko-po-itogam-pervogo-polugodiya.html>.

3. НИИ ВШЭ // Рынок утилизации отходов // <https://dcenter.hse.ru/data/2018/07/11/1151608260/%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA%20%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%202018.pdf>

4. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 14 мая 2019 г. № 303 «Об утверждении порядка формирования и изменения перечня объектов размещения твердых коммунальных отходов на территории субъекта российской федерации и порядка подготовки заключения Минприроды России о возможности использования объектов размещения твердых коммунальных отходов, введенных в эксплуатацию до 1 января 2019 г. и не имеющих документации, предусмотренной законодательством российской федерации, для размещения твердых коммунальных отходов».

5. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. N 176.

6. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 N 89-ФЗ.

7. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. №503-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

8. Указ Президента РФ 14 января 2019 года «О создании публично-правовой компания по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор»».

УДК 331.1
ББК 60.82

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИГОДНОСТЬ ПЕРСОНАЛА

Ю. С. Зинченко, Е. В. Ковшикова

Аннотация. Квалифицированный сотрудник – это залог успешной работы всей организации. В настоящее время при подборе кандидата на должность анализируются не только его опыт работы, уровень образования, но и личностные характеристики претендента. Особенности личности оказывают непосредственное влияние на выполнение должностных обязанностей. В этой связи большое внимание уделяется учету профессиональной пригодности персонала, а также технологизации процесса оценки персонала.

Ключевые слова: управление персоналом, профессиональная пригодность персонала, личностные особенности сотрудника, оценка персонала, компетенции, кадровые технологии.

PROFESSIONAL SUITABILITY OF STAFF

Y. S. Zinchenko, E. V. Kovshikova

Abstract. A qualified employee is the key to the success of the entire organization. At present, when selecting a candidate for a position, not only his experience, level of education, but also personal characteristics of the applicant are analyzed. These personality features have a direct impact on job performance. In this regard, great attention is paid to taking into account the professional suitability of staff, as well as the technologization of the personnel evaluation process.

Key words: personnel management, professional fitness of personnel, personal peculiarities of the employee, evaluation of personnel, competences, personnel technologies.

В XXI в. для того чтобы организация достигала поставленных целей, а также была процветающей, требуется немало усилий и условий для выполнения этих задач. Одним из важнейших ресурсов является человек, благодаря которому предприятие движется вперед. Еще сравнительно недавно различные источники средств массовой информации утверждали, что в скором времени людей полностью заменят машины. Этим утверждением СМИ показали превосходство техники над людьми. Следует признать, что в настоящее время работодатель делает акцент на машины в большинстве управленческих и технологических процессов. Но, несмотря на этот фактор, роль людей в системе менеджмента сохраняет лидирующие позиции. В современном мире человек в системе менеджмента – основной элемент, так как это, прежде всего, социально-экономическая система.

Человек в системе менеджмента рассматривается как объект и субъект управления. Человек как объект управления рассматривается как «винтик большой машины». При таком управлении руководитель использует концепцию экономического человека, которая ориентирована на профессиональную сферу деятельности сотрудника. При отборе кандидата на должность учитываются следующие критерии:

1) продолжительность и тип образования, его соответствие рассматриваемой должности;

2) определение трудового стажа;

3) физические (медицинские) характеристики, которые должны соответствовать типу, напряженности и сложности выполняемых работ.

Данные нейтральные критерии недостаточны для эффективного отбора персонала. Такая модель управления не нацелена на учет личностных особенностей работника.

Не так давно работника стали воспринимать как субъект управления, где он рассматривается не только как «работающая единица», но и как личность со своими характерными чертами, взглядами и ценностями. Более того, было выявлено, что психологические особенности сотрудника составляют основу личности, а также влияют на качество выполнения должностных обязанностей, стиль его работы, на взаимоотношения с коллегами.

Следовательно, необходимо дополнить нейтральные критерии отбора сотрудников критериями компетентностного подхода управления персоналом.

Компетенции целесообразно рассматривать как характеристики личности, которые важны для активного выполнения работы на соответствующей позиции. Модель компетенций включает в себя:

- когнитивные компетенции – знания, основанные на опыте;

- функциональные компетенции – это то,

что человек, который работает в данной профессиональной области, должен сделать и способен это продемонстрировать (навыки);

- социальные компетенции включают личностные и этические компетенции. Личностные компетенции определяются как относительно устойчивые характеристики личности, причинно связанные с эффективным выполнением работы. Этические компетенции – личное мнение и профессиональные ценности, способность принимать основанные на них решения в рабочих ситуациях;

- мета-компетенции относятся к способности справляться с неуверенностью, так же как и с поучениями и критикой.

Когнитивные и функциональные компетенции составляют основу нейтральных критериев отбора персонала. Следовательно, социальные и мета-компетенции возможно включить в критерии отбора сотрудников. В рамках данной статьи рассмотрим личностные компетенции.

Как отмечает В. А. Бодров, «совокупность индивидуальных личностных особенностей человека, влияющих на успешность освоения какой-либо трудовой деятельности и эффективность ее выполнения, определяется профессиональной пригодностью» [1, с. 10]. Данный термин отражает реальный уровень развития профессионально значимых качеств для конкретной деятельности, которые формируются и проявляются на этапах жизненного и профессионального пути. К их числу относятся качества, характеризующие особенности трудового воспитания и обучения, профессиональной подготовленности, психологической структуры личности, состояния здоровья и физиологических функций, физического развития, которые определяются требованиями профессии.

Личностные качества в структуре профессиональной пригодности требуют научно осмысления. В основе личностных характеристик работника лежат его психологические особенности.

Среди психологических особенностей работника, с точки зрения кадровых технологий, важную роль играют темперамент, характер и способности человека. Рассмотрим каждый из этих аспектов.

По мнению советского и российского психолога Р. С. Немова: «Темперамент – это сочетание устойчивых врожденных психологических свойств, определяющих динамику деятельности человека» [2, с. 394]. По мнению русского ученого И. П. Павлова, типы темперамента строятся на основе типов нервной системы. [3, с. 213]. В

основе высшей нервной деятельности лежит сила, с которой человек работает, уравновешенность, и подвижность, вследствие которых человек реагирует на изменяющиеся условия. Остановимся подробнее на типологии темперамента по И. П. Павлову:

- холерический – сильный, неуравновешенный, подвижный тип нервной деятельности;

- сангвинический – личность сильная, уравновешенная, имеет подвижный тип;

- флегматический – сильный, уравновешенный, инертный тип нервной системы;

- меланхолический – личность слабая, неуравновешенная, обладает инертным типом нервной деятельности [4, с. 57].

Установлено, что представители различных типов темперамента выбирают преимущественно те профессии, которые наиболее соответствуют их природным склонностям. Соотнесем темпераменты человека с типологией профессий советского и российского психолога Е. А. Климова [5, с. 46]. Так, холерику более всего подойдет работа умеренно деятельная, так как деятельность утомляющая неблагоприятно влияет на этот тип темперамента. Человек с холерическим типом темперамента найдет себя в сфере человек-человек, человек-природа. Меланхолик успешен в деятельности, требующей внимания к деталям и наблюдательности, но не связанной с большим количеством общения. Данному типу свойственны профессии: человек-техника, человек-знак, человек-природа, а также человек-художественный образ. Сангвинику подойдет умственная деятельность в сочетании с умеренным физическим трудом. Он будет успешен в областях, связанных с общением и взаимодействием с другими людьми, то есть в сфере человек-человек. Однако сангвиники смогут найти себя практически в любой сфере деятельности, будут успешны в органах государственной службы. Флегматику необходимы постоянные движения, физический деятельный труд, яркие впечатления. Поэтому флегматик преуспеет в профессиях человек-техника и человек-природа.

В процессе трудовой деятельности у разных типов темперамента можно наблюдать особенности поведения, которые выражаются в активности, эмоциональности и моторики. Российский психолог, Н. Н. Обозов, включает в эти особенности следующие эмпирические признаки: настроение, речь, терпение, адаптация, общительность, агрессивность в поведении, отношение к критике, активность, отношение к новому, стремление к цели [6, с. 22] (см. табл. 1).

Таблица 1 – Описательная характеристика типов темперамента

Особенности	Типы темперамента			
	холерик	сангвиник	флегматик	меланхолик
Эмоциональность	Настроение неустойчивое с преобладанием бодрого	Настроение устойчивое, жизнерадостное.	Настроение устойчивое, без больших радостей и печалей.	Настроение неустойчивое с преобладанием пессимизма.
Моторика	Речь грамотная, резкая, неравномерная	Речь громкая, живая, плавная	Речь монотонная, медленная	Речь тихая с придыханием
Активность	-терпение слабое; -адаптация хорошая; -общительность высокая; -агрессивность в поведении; -увлекающееся поведение к деятельности; -положительное отношение к новому; -стремление к цели сильное, с полной отдачей;	-терпение умеренное; -адаптация отличная; -общительность равномерная; -миролюбивое поведение; -энергичное поведение к деятельности; -безразличное отношение к новому; -стремление быстро достичь цели, избегая препятствий;	-терпение очень большое; -адаптация медленная; -общительность невысокая; -сдержанность в поведении; -безразличное отношение к критике; -поведение неутомимого труженика; -отрицательное отношение к новому; -достижение цели медленное, упорное;	-терпение очень слабое; -адаптация трудная; -замкнутость; -истеричность поведения; -неравномерное, реактивное поведение; -переменчивое отношение к новому; -стремление к цели то сильное, то слабое, с избеганием препятствий.

Важно отметить, что существуют понятия, тесно связанные с темпераментом, – экстраверсия и интроверсия. Основоположником данного представления является швейцарский психиатр Карл Густав Юнг. По мнению ученого экстраверсия и интроверсия – врожденные свойства, имеющие физиологические обоснования [7, с. 48]. Огюст Конт изучал различие между людьми в зависимости от их метода мышления, отношения к информации и контактов с внешней средой. Так, экстраверт – «обращенный наружу» человек. Для них характерно следующее поведение: коммуникабельность, постоянный поиск но-

вых впечатлений, энергичность. Экстраверт может быть превосходным организатором, артистом, государственным служащим. Данный тип личности соответствует сангвинистическому и холерическому типу темперамента. Интроверт – «обращенный внутрь» человек. Ему комфортнее в одиночестве, с внутренними переживаниями, размышлениями. Интроверт найдет себя в научной и творческой сфере деятельности. Интроверты соответствуют флегматикам и меланхоликам [8, с. 123]. Каждый из этих типов личности имеет свои достоинства и недостатки в профессиональной среде (см. табл. 2).

Таблица 2 – Достоинства и недостатки экстравертов и интровертов

Тип личности	Экстраверт	Интроверт
Достоинства	- легко вступают в деловые контакты; - отсутствует страх публичных выступлений;	- комфортный для клиента стиль общения; - способность работать индивидуально;
Недостатки	- иногда выходят за границы делового стиля общения, из-за более открытого и легко выражения эмоций.	- затруднена коммуникация; - боязнь аудитории;

Для получения максимальных результатов труда и тем, и другим важно научиться альтернативным умениями: экстравертам – интровертивными, а интровертам – экстравертивными. Более того по данным болгарского ученого Филиппа Геннова, наилучшая совместимость людей в организации достигается при оптимальном сочетании людей с противоположными типами темперамента [9, с. 126]

Черты темперамента являются одной из основных предпосылок характера. Темперамент и

характер имеют достаточно тесную связь между собой, зависят от психофизиологических особенностей организма и типов высшей нервной деятельности. Однако темперамент закреплен изначально генетически и в процессе жизни постоянен, а характер формируется и изменяется в процессе жизнедеятельности человека.

Как отмечает А. В. Батаршев, когда говорят о характере, то обычно подразумевают совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающуюся и проявляющуюся в

деятельности и общение, обуславливая типичные для человека способы поведения [10, с. 73]. Содержательную сторону характера составляет также его направленность – потребности, интересы, идеалы и убеждения личности, которые определяют жизненные цели личности. Согласно В. В. Лукашевичу, психологи выделяют девять наиболее ярких типов характера. Под эти определения подходят 55–60 % людей:

1) гиперактивный тип – люди энергичны и инициативны. Они безболезненно реагируют на замечания, легко переживают неприятности и трудности. Однако данному типу людей свойственна неспособность довести начатое дело до конца. Следовательно, им не следует доверять работу, которая предполагает концентрацию внимания, усидчивость;

2) аутистический тип характеризуется малообщительностью. Люди этого типа хорошо выполняют работу исследователей, экспертов, контролеров;

3) люди с лабильным типом характера отличаются быстрой сменой настроения. Идеальная работа для них – это программист, архивариус, библиотекарь;

4) обладатели демонстративного типа характера стремятся к успеху, всегда хотят хорошо выглядеть, не могут критически относиться к себе и своим действиям. Сфера из деятельности – рекламные агенты, адвокаты, представители и т.п.;

5) психастенический тип отличают пунктуальность, добросовестность, склонность к глубокому анализу. Однако люди с таким характером неуверенны в своих действиях. Хорошо выполняют работу секретарей, помощников;

6) застревающему типу свойственно властолюбие, эгоизм, стремление показать себя. Таким людям не следует доверять власть. Лучше поручить разнообразную работу;

7) конформный тип – люди несамостоятельны, несобранны, склонны к переживаниям. Однако они достаточно исполнительны и дисциплинированы. Это позволяет использовать их в качестве заместителей;

8) неустойчивый тип проявляется в отсутствии твердых внутренних принципов и убеждений. Таких людей следует постоянно контролировать;

9) обладатели циклоидного типа характеризуются перепадами деловой активности и настроения. Людей такого типа лучше не нагружать работой, требующей высокого темпа и слаженного ритма;

Остальные 40–45 % персонала не вписываются в «классические» образцы характеров и представляют собой комбинации перечисленных типов характеров [11, с. 124].

Следовательно, характер человека имеет большое значение не только для самой личности, но и для общества, для трудовой деятельности. Черты характера оказывают значимое влияние на качество выполняемых сотрудником работ, отношение с коллегами, а также на результаты труда. Поэтому в процессе работы следует учитывать специфику характера каждого работника.

Не менее важной психологической особенностью работника в профессиональной среде являются способности человека. По тому, насколько определенные способности соответствуют требованиям, которые предъявляются конкретной должности к человеку, обычно делают вывод о профессиональной пригодности работника.

Советский психолог, признанный авторитет в области исследования проблем способностей, Б. М. Теплов, считает, что способности – это индивидуально-психологические особенности, которые являются условием успешного выполнения той или иной продуктивной деятельности [12, с. 107]. Отечественные и зарубежные ученые предлагают следующую типологию способностей:

— общие способности – система индивидуально-психических свойств, обеспечивающая продуктивность овладения знаниями, умениями и навыками для осуществления различных видов деятельности. К общим способностям относят творческое воображение, хорошую память, креативность мышления, глубину и гибкость ума, наблюдательность;

— специальные – система свойств личности, которая помогает достигнуть высоких результатов в специальной области деятельности. К специальным способностям можно отнести художественные, музыкальные, математические, технические, организационные, двигательные и другие;

— развитость отдельных психических качеств человека, важных для конкретного вида деятельности [13, с. 65].

От способностей сотрудника, а также от степени их развития зависит профессиональная успешность работника в трудовой сфере. Следовательно, сотрудникам необходимо определить свои ведущие способности и реализовывать их в профессиональной деятельности. Это поможет им добраться до «вершины» в профессиональном и личностном смысле, а руководителю достичь поставленных целей в управлении организацией.

Профессиональная пригодность определяется не только индивидуальными особенностями личности, но и уровнем удовлетворенности человека процессом и результатами своего труда. В

настоящее время удовлетворенность человека своей профессией зависит не только от процесса трудовой деятельности, но и от внешних факторов, которые оказывают влияние на этот процесс. К ним относятся условия деятельности, социально-психологические особенности коллектива, уровень материального обеспечения, престиж профессии и т.д. Важное значение для формирования чувства удовлетворенности трудом имеют и возможности самоутверждения, самооценки и самосовершенствования человека.

Следует отметить, что одной из важнейших задач управления является обеспечение гармоничного и эффективного включения сотрудников в жизнь организации для достижения максимальных результатов в трудовой деятельности. Сказанное выше позволяет сделать вывод, что данную задачу невозможно решить без учета психологических особенностей сотрудника.

Для повышения качества работы, грамотной организации рабочего процесса, увеличения степени удовлетворенности трудом, снижения прямых и косвенных затрат на персонал, а также в общем для повышения результатов труда следует использовать в управленческой среде знания о психологических особенностях персонала. Для организации данного инструмента управления необходимо обеспечить руководителей и специалистов кадровых и социально-психологических служб доступными и надежными методиками анализа психологических особенностей человека. Разработкой и реализацией методов измерения личностных характеристик занимается кадровая психодиагностика. Под этим определением Е. А. Климов понимает отрасль психологии, в рамках которой исследуются индивидуально-психологические особенности личности – субъекта профессиональной деятельности и трудовых отношений [14, с. 16]. В практике управления психодиагностические методики оценки личностных особенностей сотрудника подразделяются на традиционную и нетрадиционную методологию.

По мнению Н. Бармакова, в основу традиционного механизма диагностики входит интервью и тестирование [15, с. 23]. Во время интервью специалист кадровой службы анализирует резюме кандидата, наблюдает за визуальными особенностями сотрудника, а также исследует его профессиональную принадлежность. Тестирование благодаря своему удобству и методической разработанности помогает провести диагностику интеллектуальных сторон личности, а также психологических характеристик, влияющих на эффективность деятельности. Отметим, что перечисленные методики не всегда гибко учитывают требования должностных позиций, вследствие

этого используют нетрадиционную технологию оценки качеств персонала.

А к нетрадиционным методам относят стрессовое интервью, физиогномику, пантомику, графологию, метод оценки активности в социальных сетях, исследование особенностей работника по его имени, а также проведение психофизиологического тестирования с применением полиграфных устройств. Наиболее популярной технологией является стресс-интервью, по средствам которой удается выявить психологические особенности, проявляющиеся у работника в стрессовых ситуациях. Некоторые работодатели при оценке характерных черт сотрудника используют в своей практике физиогномику, именованную. Однако следует сказать, что данные технологии не дают точной информации о кандидате как личности. Поэтому их следует использовать как вспомогательный элемент.

Для получения более достоверной информации о личностных особенностях сотрудников необходимо применять комплексную оценку качеств работника, которая включает традиционные и нетрадиционные технологии анализа персонала.

Таким образом, в настоящее время значительная часть проверок при приеме на работу связана с анализом способностей и профессионального опыта претендента в соответствии с требованиями к должности, на которую он претендует. В свете разнообразия человеческого поведения и личностных характеристик, которые оказывают определенное влияние на рабочий процесс, работодатель все чаще стал обращать внимание на профессиональную пригодность персонала. Данный термин используется для характеристики человека с точки зрения его соответствия требованиям трудовой деятельности. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в данный момент формируется кризис классических критериев по отбору персонала. Итак, необходима корректировка данных критериев. Как удалось выяснить, личностные особенности являются одним из условий, определяющих успешную профессионализацию человека. Поэтому следует учитывать личностные характеристики персонала в профессиональной среде.

В заключении хотелось бы отметить, что профессиональная пригодность сотрудника может быть структурирована. Компонентами профессиональной пригодности выступают: образование, социальные, личностные и физические характеристики. Профессиональная пригодность как многокомпонентное явление нуждается в дальнейшем научном осмыслении, но главное –

данное понятие требует наполненности технологическими характеристиками: разработки методик исследования, тестов отбора и подбора персонала, техник анализа динамики профессиональной пригодности сотрудника. Недостаточно только исследовать процесс влияния личностных характеристик на рабочий процесс, необходимо технологизировать оценку качеств персонала при отборе сотрудников.

Библиографический список

1. Бармакова, Н. Современные методы подбора персонала / Н. Бармакова // kadrovi.ru. 2011. № 8. С. 23–26.
2. Батаршев, А. В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика / А. В. Батаршев. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. С. 22–24.
3. Бодров, В. А. Психология профессиональной пригодности / В. А. Бодров. М.: ПЕРСЭ, 2001. 511 с.
4. Генов, Ф. Психология управления / Ф. Генов. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1999. С. 126.
5. Красовский, Ю. Д. Организационное поведение / учебник / Ю. Д. Красовский. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 48.

6. Климов, Е. А. Как выбирать профессии / Е. А. Климов. 2-е изд., доп. и дораб. М.: Просвещение, 2001. С. 46–47.
7. Психологическая диагностика в управлении персоналом: учебное пособие для сотрудников кадровых служб / под ред. Е. А. Климова. М.: РПО, 1999. С. 16.
8. Лукашевич, В. В. Основы управления персоналом: учебное пособие / В. В. Лукашевич. 2-е изд, перераб. и доп. М., 2008. С. 123.
9. Немов, Р. С. Психология: учебник / Р. С. Немов. 4-е изд. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003. С. 394.
10. Павлов, И. П. Полное собрание сочинений / И. П. Павлов. Изд. 2-е. Т. 3–4. М.; Л., 1951. С. 213.
11. Русалов, В. М. Взаимосвязь характера и темпераменты в структуре индивидуальности / В. М. Русалов, О. Н. Манолова // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 65–66.
12. Теплов, Б. М. Психология / Б. М. Теплов. М.: УЧПЕДГИЗ., 1953. С. 107–108.
13. Щёкин, Г. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению: учеб.-метод. пособие / Г. Щёкин. 2-е изд., испр. К: МАУП, 2001. С. 57.

УДК 316.752
ББК 60.55

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

С. О. Шиндряев, И. В. Шиндряева

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности ценностно-ориентированного управления. Анализируются ключевые элементы корпоративного управления. Обозначены проблемы корпоративного управления. Отмечаются преимущества, которые предоставляет ценностно-ориентированный менеджмент в управлении организационной культурой предприятия.

Ключевые слова: культура, организационная культура, корпоративное управление, ценности, ценностное управление.

VALUE-ORIENTED MANAGEMENT AS A TOOL FOR MANAGING THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE ENTERPRISE

S. O. Shindryaev, I. V. Shindryaeva

Abstract. The article deals with the main features of value-oriented management. The key elements of corporate governance are analyzed. The problems of corporate governance are outlined. The advantages of value-oriented management in the management of the organizational culture of the enterprise are noted.

Key words: culture, organizational culture, corporate governance, values, value management.

В современном бизнесе организационная культура выступает важным условием успешной работы предприятия, фундаментом его динамичного роста, своего рода гарантом стремления к повышению эффективности. Культура играет важ-

ную роль в обществе. Это относится к убеждениям и кодексам практики, которые делают общество тем, чем оно является. Это также играет ту же роль в организациях. Сильная организационная культура будет обеспечивать стабильность

организации, поскольку это оказывает существенное влияние на отношение и поведение членов коллектива. Большинство топ-менеджеров зарубежных компаний прекрасно понимают, что культура компании имеет решающее значение для всего, что они делают, и играет незаменимую роль в их успехе.

Существуют различные объяснения и элементы для определения организационной культуры. Для некоторых это означает убеждения и ценности высшего руководства, представления о том, как им следует управлять организацией. Для других это эволюционный процесс, который создает уникальных сотрудников для организации. Тем не менее в целом организационная культура была определена как модель фундаментальных допущений или убеждений, которые конкретная группа выработала путем решения своих проблем внутренней ассимиляции и внешней адаптации и которые были утверждены для эффективной работы организации.

Организационная культура оценивается многими в настоящее время как главный детерминант успеха любой организации с точки зрения производительности, особенно через улучшение морального духа сотрудников [3].

Хофстеде утверждает, что организационная культура – это коллективное программирование разума, отличающее участников одного предприятия от другого [3]. Такое коллективное программирование возможно, если организационная культура рассматривается через основные ценности, которые сотрудники организации разделяют.

Эти предположения подразумеваются в их общих чувствах, убеждениях и встроены в символы, процессы, формы и некоторые аспекты шаблонного группового поведения.

Анализ зарубежных научных источников позволяет констатировать, что организационная культура, с ее ценностями и нормами, имеет существенное значение для обеспечения долгосрочного успеха предприятия. А также и в известных моделях управления предприятием, корпоративная культура воспринимается как один из ключевых факторов успеха предприятия в модели интегрального управления [1].

Таким образом, корпоративная культура в основном обеспечивает основу для реализации различных бизнес-стратегий, поэтому менеджеры должны осознавать культуры, в которую они встроены, и осуществлять стратегические изменения, когда это необходимо. Однако предприятия как системы известны своим нежеланием быстро (и успешно) трансформироваться. Особенно важный аспект этого связан с понятием конгруэнтности между интернализированными и наблюдаемыми ценностями, функционирующими как прямая связь между отсутствием культурной конгруэнтности, текучестью кадров, удовлетворенностью работой и приверженностью организации.

Ядро культуры, согласно рисунку 1, формируется ценностями. Значения главным образом ссылаются к фундаментальным убеждениям, ценностям, этике и духу организации.

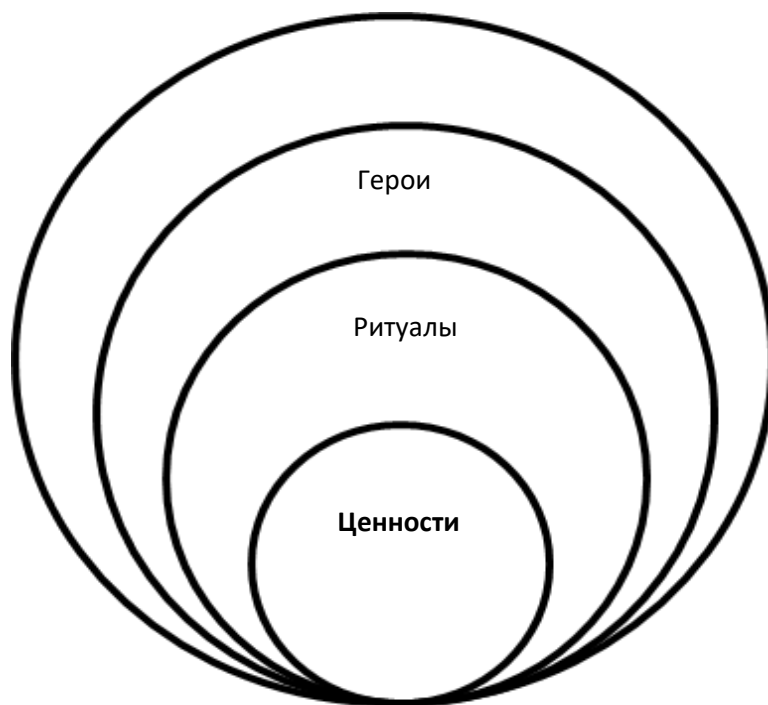

Рис. 1. Проявления культур на разных уровнях

Предпринятый анализ основан на предпосылке, что для обеспечения успеха организации необходимо ориентироваться на внутреннюю среду функционирования, чтобы иметь возможность реализовывать и удовлетворять потребности работников (а также других внутренних заинтересованных сторон), максимально мотивировать и стимулировать их инновационное поведение. Только таким образом будет обеспечен долгосрочный успех предприятия.

Примером хорошего корпоративного управления является четко определенная и навязанная структура, которая работает на благо всех заинтересованных сторон, гарантируя, что предприятие придерживается принятых этических стандартов, лучших практик, а также формальных законов. С другой стороны, плохое корпоративное управление считается плохо структурированным, неоднозначным и несовместимым, что может повредить имиджу или финансовому состоянию бизнеса.

Рассмотрим ключевые элементы корпоративного управления, которые различаются в зависимости от страны, региона, отрасли и пр. Однако большинство кодексов управления включают несколько основных характеристик: независимое руководство, прозрачность, достижение консенсуса, подотчетность, инклюзивность, верховенство закона.

Компании должны иметь независимое руководство для контроля и управления, например, независимый председатель или ведущий независимый директор. Владелец, который выбирает друзей и членов семьи, чтобы сидеть с ним на доске, рискует кумовством и предрассудками. Независимое суждение почти всегда отвечает интересам компании и ее заинтересованных сторон.

Одна из основополагающих целей корпоративного управления заключается в том, чтобы организации разработали прозрачные методы ведения бизнеса, а также надежную структуру и организацию, позволяющую эффективно отслеживать все действия компании [4]. Другим аспектом прозрачности является то, что компания должна предоставлять бесплатную и понятную информацию всем, на кого может повлиять политика корпоративного управления компании, например, четкие финансовые отчеты. Таким образом, каждый может понять стратегии компании и отслеживать ее финансовые показатели.

Компания должна консультироваться с различными категориями заинтересованных сторон, находиться в постоянном диалоге, чтобы прийти

к консенсусу, как наилучшим образом удовлетворить потребности каждого.

Формирование консенсуса идет рука об руку с принципом подотчетности, согласно которому компания должна быть подотчетна тем, на кого влияют ее решения. Крупные компании часто ведут веб-страницы корпоративного управления, на которых указаны конкретные действия, которые компания выполняет, чтобы оправдать ожидания каждой группы заинтересованных сторон.

Принцип инклюзивности и корпоративного гражданства поддерживает, улучшает благосостояние всех групп заинтересованных сторон. Этот элемент корпоративного управления обычно включает в себя аспект социальной и экологической ответственности, такой как ответственное использование человеческих, технологических и природных ресурсов компании и деятельность на благо общества в целом. Корпоративное гражданство обеспечивает убедительное сообщение о ценности компании для общества.

Компания должна действовать в правовых рамках, которые применяются регулируемыми органами, для полной защиты заинтересованных сторон.

При этом важно обозначить проблемы корпоративного управления.

Основная проблема с корпоративным управлением заключается в том, что оно не одиноко; оно должно работать в сочетании с заявлением о миссии и ценностях компании, чтобы дать директорам и заинтересованным сторонам четкое руководство о том, как они должны себя вести. Есть несколько проблем, с которыми может столкнуться бизнес: конфликт интересов, стандарты управления, краткосрочный подход.

Конфликт интересов возникает, когда контролирующий член компании имеет другие финансовые интересы, которые могут повлиять на его принятие решения или вступить в противоречие с целями компании. Например, член совета директоров ветротурбинной компании, который владеет значительным количеством акций нефтяной компании, скорее всего, вступит в конфликт, потому что у нее есть финансовый интерес не представлять продвижение экологически чистой энергии. Конфликт интересов подрывает доверие заинтересованных сторон и общественности и потенциально открывает бизнес для судебных разбирательств.

Совет директоров может иметь все справедливые правила и политики, которые ему нравятся, но если он не может распространять эти стандарты по всему бизнесу, какой шанс у компании? Устойчивые менеджеры могут подорвать хорошее корпоративное управление на операционном уровне, оставляя бизнес подверженным нарушениям законов штата или федерального законодательства и нанесению ущерба репутации заинтересованным сторонам. Политика корпоративного управления нуждается в четком правоприменительном механизме, применяемом последовательно, в качестве проверки и баланса действий исполнительного персонала.

Хорошее корпоративное управление требует, чтобы советы директоров имели право на долгосрочное управление компанией для создания устойчивой стоимости. Это проблематично по нескольким причинам. Во-первых, правила, регулирующие деятельность листинговой компании, имеют тенденцию отдавать приоритет краткосрочным результатам в пользу акционеров. Менеджеры сталкиваются с непрекращающимся давлением для достижения квартальных показателей прибыли, поскольку снижение прибыли на акцию даже на один-два процента может

повлиять на цену акций компании. Иногда компании приходится уходить в частную жизнь, чтобы достичь устойчивых инноваций, которых невозможно достичь в ярком свете публичных рынков.

В заключение стоит отметить, что целенаправленная работа с организационными ценностями позволит оптимизировать формирование такого типа организационной культуры, которая в целом будет обеспечивать не только успешное функционирование предприятия, но и элементы развития личностного, социально-профессионального самосознания работников.

Библиографический список

1. Belak Janko: Integralmanagement – MER model. Založba MER – MER Evrocenter, Maribor, 2010
2. Hofstede G.: Attitudes, Values and Organizational Culture: Disentangling the Concepts. *Organization Studies*, 19 (3), pp. 477-493, 1998a
3. Igo, T., Skitmore M.: Diagnosing the Organizational Culture of an Australian Engineering Consultancy Using The Competing Values Framework. *Construction Innovation* 6 (2), pp. 121–139, 2006.
4. Шиндряева, И. В. Процесс трудовой мотивации и его взаимосвязь с организационной культурой / И. В. Шиндряева // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2016. № 2. С. 71–75.

УДК 331.101.32
ББК 65.242

ЛОЯЛЬНОСТЬ И МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ

И. Ю. Ленская, И. А. Зимина

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь и взаимозависимость составляющих элементов лояльности и трудовой мотивации персонала современной организации. Авторами делается акцент на том, что лояльность персонала в современных условиях функционирования организаций соотносится с содержанием мотивационного управления. Мотивационное управление составляют процессы мотивирования и стимулирования трудовой деятельности, оптимальное сочетание которых повышает не только её результативность, но и имеет влияние на формирование и и/или поддержание и развитие (повышение) уровня лояльности персонала. Подчеркивается важное соотношение составляющих элементов лояльности и мотивации персонала.

Ключевые слова: лояльность персонала, мотивация труда (трудовая мотивация), мотивационное управление, мотивирование, стимулирование, взаимосвязь и взаимозависимость лояльности и мотивации персонала.

STAFF LOYALTY AND MOTIVATION OF THE MODERN ORGANIZATION: INTERCONNECTION AND INTERDEPENDENCE

I. Yu. Lenskaya, I. A. Zimina

Abstract. The article reveals the interconnection and interdependence of the constituent elements of loyalty and labor motivation of the personnel of a modern organization. The authors emphasize that the staff loyalty in modern conditions of functioning organizations is correlated with the content of motivational management. Motivational management consists the processes of motivation and stimulation of labor activity, the optimal combination of which increases not only its effectiveness, but also has an impact on the formation and / or maintenance and development (increase) the level of staff loyalty. The important correlation of the constituent elements of staff loyalty and motivation is emphasized.

Key words: staff loyalty, labor motivation, motivational management, motivation, stimulation, interconnection and interdependence of personnel loyalty and motivation.

Большинство ведущих специалистов-практиков по управлению справедливо отмечают растущую роль лояльности персонала в современных условиях функционирования организаций публичной и коммерческой сфер. Данное обстоятельство обусловлено тем, что лояльность персонала способствует повышению благонадежности персонала, повышению уровня стабильности трудового коллектива, снижению риска текучести кадров в организации и, конечно же, повышению эффективности, результативности и качества работы. Лояльность персонала обеспечивает не только бесперебойную работу организации и устойчивое развитие, но и определяет запас её прочности и доверие к руководству. Иначе говоря, чем выше уровень лояльности, тем большее число управленческих решений руководство может реализовать для достижения организационных целей. И если эти цели будут в интересах работников, то можно не опасаться их протестных действий. Таким образом, вопросы лояльности персонала становятся крайне актуальными в отношениях «работник – работодатель».

Обеспечение необходимого уровня лояль-

ности персонала невозможно без разработки и реализации инновационных подходов, форм и методов управления персоналом. В свою очередь, формирование и поддержание лояльности персонала в быстроменяющихся условиях внутренней и внешней среды организации требует системных и планомерных управленческих воздействий. К сожалению, стремление к получению максимальной прибыли при наименьших затратах приводит к тому, что руководство не уделяет должного внимания лояльности персонала. Сложившиеся методики управления персоналом, основанные как на стимулировании с помощью поощрений и наказаний, так и на недобросовестном манипулировании работниками, способны повлиять на повышение производительности труда персонала. Но они не всегда способны изменить отношение сотрудников к труду и к самой организации, мотивируя на заинтересованную деятельность на благо организации, сформировать чувство причастности и ответственности и вместе с этим обеспечить удовлетворенность работников своим трудом, сформировать чувство гордости за организацию, то есть лояльность своего персонала.

Лояльность персонала следует рассматривать как соблюдение и принятие сотрудником норм, правил и традиций, принятых в организации и формирование положительного отношения к компании, в которой он осуществляет свою трудовую деятельность. Основой лояльности персонала выступают её характеристики, например, стремление сотрудника быть полезным для своего предприятия, преданным ему и избегать со своей стороны такого поведения, которое могло бы навредить успешному функционированию компании, а также ее репутации во внешней среде.

Ввиду такого подхода к определению лояльности персонала в качестве составляющих можно выделить следующие элементы [1, с. 76]:

– доверие сотрудников к руководству организации, так как именно руководство является прямым транслятором тех ценностей и идей, которые демонстрируют и формируют желательное поведение по отношению как к компании, так и сотрудников друг к другу;

– справедливость отношений, которые складываются у сотрудника с административно-управленческим аппаратом предприятия, то есть равенство всех сотрудников перед принципами деятельности и правилами, действующими в организации;

– взаимоотношения в коллективе – морально-психологический климат, который напрямую зависит от эффективности выстроенной внутри предприятия системы коммуникаций;

– удовлетворенность трудом, основанная на способности руководства организации к учету и удовлетворению постоянно возникающих потребностей сотрудников организации, а значит выстраивании эффективного мотивирующего воздействия на персонал.

Все перечисленные составляющие лояльности персонала требуют управленческого воздействия, которое, в свою очередь, должно носить в организации системный и планомерный характер и проводиться в определенной последовательности (см. рис. 1).

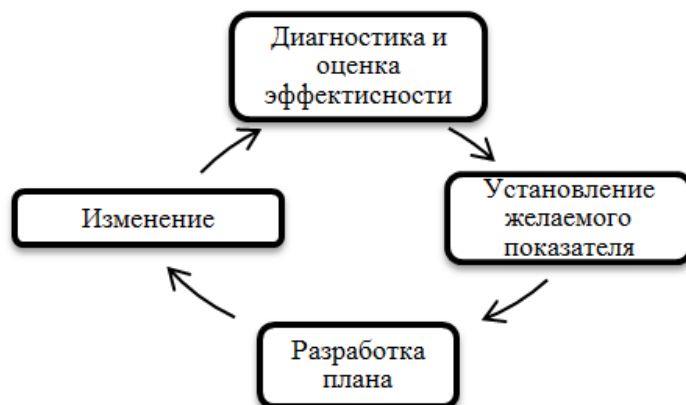

Рис. 1. Этапы формирования и поддержания лояльности персонала

Этап 1 «Диагностика и изучение уровня лояльности персонала» – предполагает оценку существующего уровня лояльности на определенный момент времени, а также комплексный и всеобъемлющий сбор информации по составляющим элементам лояльности персонала для поиска причин отклонений как в положительную, так и в отрицательную сторону, поскольку необходимо не только определить пробелы в формировании системы лояльности, но и выявить инструменты, которые в последующем будут поддерживать данный уровень и проводить целенаправленные корректирующие меры по его повышению. Также необходимо определить эффективность затраченных ресурсов и полученного результата от проведения разработанных мероприятий по изменению существующего в организации уровня лояльности персонала.

Этап 2 «Установление желаемого показателя» – руководству организации необходимо определить тот желаемый уровень, который будет оптимальным с точки зрения соотношения определенных затрат на полученный результат, определяющий эффективность проведения возможных дальнейших мероприятий.

Этап 3 «Разработка плана» – полученная информация на этапе диагностики является основанием и ориентиром для принятия управленческих решений по изменению или созданию программы формирования и/или поддержания и развития лояльности, которые определяют основу действий второго этапа по разработке конкретных мероприятий изменения реально существующего уровня лояльности персонала.

Этап 4 «Изменения» – проведение и внедрение разработанных мероприятий по изменению существующего уровня. Оценка реализованной программы по корректировке уровня лояльности

персонала, состоящая в получении обратной связи посредством проведения повторной диагностики уровня лояльности и осуществления последующей точечной корректировки сложившегося уровня при помощи доступного для конкретной организации комплекса инструментов воздействия.

С учётом того, что лояльность персонала к организации непосредственно зависит от человеческого фактора и личностных особенностей каждого сотрудника, важное место в её формировании должно занимать развитие потенциала сотрудников, а также способности к генерации новых идей и т.п. Следовательно, формирование и поддержание уровня лояльности требует не только изменения существующих методов управления, но и применения других инструментов в мотивационном управлении персоналом.

Мотивационное управление можно рассматривать как один из процессов, который позволяет повысить уровень лояльности сотрудников по отношению к организации. Самым важным аспектом, который необходимо учитывать при построении системы мотивации – это комплексность, которая предполагает наряду с использованием материальных (экономических) способов, также включение механизмов социальных стимулов, позволяющих персоналу получить признание своих достижений в рамках коллектива, возможность стать примером для коллег, давать возможности к развитию и самореализации отдельных личностей. Необходимо своевременно проводить анализ потребностей сотрудников, позволяющий выбрать эффективные меры воздействия в зависимости от их желаний и целей, также соотнесение их с целями и возможностями предприятия. По справедливому замечанию Н. С. Субочева и Е. Ю. Алексеевой: «Содержание мотивационного управления персоналом составляют два взаимосвязанных процесса: мотивирование и стимулирование. Мотивирование представляет собой актуализацию потребностей и мобилизацию способностей человека к самореализации, самоутверждению и достижению личностно значимых результатов в трудовой деятельности. В качестве иллюстрации можно привести результаты исследований в области соционики. Специалисты выделяют несколько соционических типов личности (соционических квадр) в зависимости от доминирующей мотивации. В каждой соционической квадре есть ведущие мотиваторы, которые формируют предрасположенность человека к тем или иным видам деятельности и воздействуют на трудовое поведение в течение всей профессиональной карьеры независимо от других факторов. Так,

для сенсорных логиков – это потребности в личном успехе, успешной деловой карьере, власти и влиятельности. Для сенсорных этиков важнейшими мотиваторами являются конкретная помощь и взаимоотношения в коллективе. Для интуитивных логиков – это интересная работа и креативное разнообразие, а для интуитивных этиков – социальные контакты, общение и общественное признание» [6, с. 39–44].

Таким образом, мотивационное управление представляет собой процесс воздействия на человека, побуждения его к определенным действиям, воздействуя при этом на индивидуальные мотивы и потребности. Воздействие на мотивы происходит при помощи стимулов, в качестве которых может выступать действия или предметы других людей, которые предоставляют возможность иметь определенное благо или надеяться на его получение [4, с. 55–56]. Когда новый сотрудник устраивается в компанию происходит двусторонний процесс построения взаимных ожиданий: с одной стороны, организации по поводу желаемого поведения и дальнейших результатов его деятельности, с другой стороны – сотрудник представляет то, что ему предоставит новый работодатель взамен на осуществление им своей трудовой деятельности, то есть ожидания, касающиеся выплат, условий труда и дополнительных возможностей для самореализации в зависимости от его мотивов. Это позволяет выделить основные элементы мотивирующего управления:

- вознаграждение, включающее в себя заработную плату и прочие выплаты, дополнительные льготы (обеспечение жильем, дополнительное медицинское страхование, оплата питания) и выходные дни;
- условия труда, в которых осуществляется трудовая деятельность, характеризующаяся обстановкой производственных помещений, их функциональностью, оптимальной организацией и снабжением рабочего пространства персонала;
- чувство безопасности предполагает защищенность при принадлежности человека к группе, коллективу, а также взаимопонимание с коллегами;
- личное развитие и профессиональный рост, удовлетворяющие потребности сотрудников в постоянном росте, самосовершенствовании себя и своих профессиональных навыков;
- чувство причастности, которое рассматривается как потребность человека быть частью коллектива, организации, то есть двусторонний процесс по обмену мнениями, взглядами и совместной разработке решений;
- интерес и вызов предполагает, что сотрудник добивается определенного результата,

для достижения которого ему необходимо приложить усилия и продемонстрировать свой профессионализм, то есть работа не должна быть простой, а содержать в себе определенный «вызов», соизмеримый возможностям и способностям его исполнителя [5, с. 57–58].

Перечисленные элементы мотивационного управления согласуются с составляющими лояльности персонала. Таким образом, можно утверждать о тесной взаимосвязи двух этих важных

направлений в кадровой политике любой современной организации, то есть можно назвать их составляющими взаимодополняющимися направлениями, так как в процессе построения мотивации необходимо усматривать формирование лояльности, и в тоже время она может рассматриваться как один из факторов, оказывающих непосредственное воздействие на формирование и поддержание оптимального уровня лояльности сотрудников предприятия (см. табл. 1).

Таблица 1 – Соотношение составных элементов лояльности и мотивации персонала

Лояльность персонала	Мотивация персонала
Доверие сотрудников к руководству организации	– чувство безопасности – личное развитие и профессиональный рост
Справедливость отношений	– вознаграждение – условия труда
Взаимоотношения в коллективе	– чувство безопасности – чувство причастности
Удовлетворенность трудом	– вознаграждение – условия труда – личное развитие и профессиональный рост – интерес и вызов

Согласно выявленным взаимосвязям и взаимозависимостям элементов лояльности и мотивации персонала организации можно охарактеризовать следующие точки их взаимного влияния:

1. Доверие сотрудников к руководству формируются исходя из:

–чувства безопасности – в качестве отстаивания руководства интересов своих подчиненных и проявления заинтересованности персонала в достижении организационных целей (что представляет первоочередной интерес для руководства организации, учреждения или производственного предприятия);

–личного развития и профессионального роста – означает следование намеченному плану при построении карьеры персонала.

2. Справедливость отношений – может быть рассмотрено в таких элементах трудовой мотивации, как вознаграждение и условия труда, ввиду того, что, исходя из окружения, сотрудник представляет себя частью коллектива и подвергает сравнению себя с другими. И здесь важно, чтобы это отношение было равным ко всем работникам, соотносилось с вложенными усилиями и полученными результатами, независимо от того, к какому иерархическому уровню организации он принадлежит (низовому или топ-менеджменту).

3. При построении взаимоотношений в трудовом коллективе как составляющей части лояльности персонала необходимо учитывать элементы мотивационного управления – чувство безопасности и чувство причастности. Та рабочая

группа, в которой сотрудник осуществляет свою трудовую деятельность, формирует у него чувство защищенности, удовлетворяет его потребность быть частью коллектива, вносить новые идеи, тем самым конструируя определенный социально-психологический климат, способный влиять на эффективность и производительность рабочей группы и организации в целом.

4. С удовлетворенностью трудом соотносятся такие элементы мотивации трудовой деятельности, как вознаграждение, условия труда, личное развитие и профессиональный рост, интерес и вызов, воздействуя на физиологические и мотивы самоактуализации. Понятие «самоактуализация» имеет два основных значения. Первое: его можно применить в рамках мотивации, то есть как мотив для наибольшей реализации личностных возможностей. Второе: это финальный период становления личности (согласно теории личности А. Маслоу). После закрытия всех основных потребностей (физиологических, потребности в безопасности, социальных) человек может подойти к самым высоким уровням осознания, где он понимает проблемы и задачи окружающего мира и не борется с ними. Индивиды, достигшие уровня самоактуализации, испытывают полное принятие себя со своими недостатками и затруднениями и тянутся к творчеству на протяжении всего периода жизни [2, с. 286]. Посредством вознаграждения и условий труда организация обеспечивает минимальные основы для выполнения сотрудником своих трудовых обязанностей, а при

помощи построения карьеры, обеспечения развития сотрудника и постановке сложных и интересных задач осуществляется работа на удовлетворение потребностей более высокого уровня.

Для успешной реализации мероприятий по формированию и/или поддержанию и развитию уровня лояльности персонала необходимо соблюдать следующие условия:

– заинтересованность руководства компании, так как именно они принимают решение по проведению определенных действий;

– осознание руководством необходимости изменений в данной области управления, готовности нести затраты как материального, связанного с вложением денежных и имущественных средств, так и нематериального характера, которое может быть связано со значительными затратами человеческих и временных ресурсов организации;

– необходимость назначения ответственного лица по реализации намеченного плана действий, которое бы имело определенный статус в компании, позволяющий ему координировать усилия различных подразделений и действительно управлять ими;

– заинтересованность предприятия в долгосрочных отношениях с сотрудниками, по отношению к которым осуществляется данный комплекс мероприятий, направленный на изменения уровня лояльности персонала [7, с. 484–487].

Деятельность по изменению уровня лояльности сотрудников является нестабильным и динамичным процессом, так как нельзя с большой долей точности предсказать объем затраченных ресурсов и устойчивость полученного результата ввиду того, что данная работа предполагает взаимодействие с личностями, каждая из которых в виду своей индивидуальности требует особого подхода, который бы учитывал все особенности и характеристики одного объекта изучения, что совершенно невозможно реализовать в условиях масштабности предприятия. Поэтому при диагностике и построении плана мероприятий необходимо ориентироваться на сотрудников, составляющих ядро организации, которые являются наиболее ценными для ее существования и оптимального функционирования.

Подводя итог, необходимо ещё раз подчеркнуть, что любой современной организации, стремящейся к эффективному функционированию в долгосрочной перспективе, необходимо заботиться о лояльности своего персонала посредством мотивационного управления.

Во-первых, лояльность является условием

для формирования у сотрудников высокой профессиональной мотивации, которая непосредственным образом напрямую отражается на трудовой деятельности. Лояльные сотрудники готовы разделять временные трудности, которые переживает их организация (в случае их возникновения), а также понимают и принимают организационные изменения и, более того, сами стремятся предпринимать активные действия по стабилизации и улучшению ситуации.

Во-вторых, лояльные сотрудники ориентированы выполнять свою работу на самом высоком для них уровне, способны демонстрировать творческий и нестандартный подход к решению проблем, быть инициативными и прикладывать все возможные усилия для достижения целей организации.

В-третьих, лояльность и мотивацию необходимо рассматривать как взаимосвязанные и взаимовлияющие направления деятельности по управлению персоналом, при которых максимального эффекта возможно добиться при оптимальном использовании их составных элементов при построении эффективной работы и налаживания процессов функционирования современной организации.

Библиографический список

1. Бадренкова, Е. С. Формирование лояльности персонала и ее значение для успешной работы организации / Е. С. Бадренкова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2015. С. 72–78.
2. Кордуэлл, М. Психология. А-Я. Словарь-справочник / Майкл Кордуэлл, пер. с англ. К. С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2000. 448 с.
3. Лобачева, М. М. Лояльность к компании как инструмент управления мотивацией персонала / М. М. Лобачева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия социология. Политология, 2012. Т. 12. № 4. С. 46–48.
4. Лячин, М. А. Лояльность персонала как инновационная составляющая трудовой мотивации / М. А. Лячин // Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2012. № 2 (18). С. 55–61.
5. Морозов, В. В. Показатели мотивации в формировании лояльности персонала: пример исследования / В. В. Морозов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология, 2010. № 27. С. 56–62.
6. Субочев, Н. С. Социокультурные аспекты мотивационного управления персоналом / Н. С. Субочев, Е. Ю. Алексеева // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. № 1. С. 39–44.
7. Харский, К. В. Благонадежность и лояльность персонала / К. В. Харский. СПб.: Питер, 2003. 496 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

УДК 342.533(470)
ББК 67.400.621(2Рос)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ

А. Н. Фомин

Аннотация. В статье дается характеристика двух базовых моделей представительства интересов населения региональным законодательным (представительным) органов власти субъекта РФ. Перечисляются факторы, способствующие укреплению коммуникационных связей депутата с территорией своего избирательного округа и субъектами, действующими на данной территории.

Ключевые слова: представительный орган государственной власти, региональный парламент.

REPRESENTATIVE CHARACTER OF THE LEGISLATIVE BODY OF THE STATE POWER OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. N. Fomin

Abstract. The article describes two basic models of representation of the interests of the population by regional legislative (representative) authorities of the subject of the Russian Federation. The factors contributing to strengthening the communication ties of the deputy with the territory of his/her electoral district and the entities operating in this territory are listed.

Key words: representative body of state power, regional parliament.

В основополагающих нормативно-правовых актах, регулирующих особенности формирования и деятельности органов государственной власти субъектов РФ, например, в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в Уставах субъектов РФ и других подобных НПА, законодательный орган государственной власти субъекта РФ в обязательном порядке именуется еще и представительным. Исходя из содержания этих законов, становится очевидным, что речь идет о представлении интересов граждан, избирателей или о представлении интересов населения, проживающего на территории данного субъекта РФ. Авторы, занимающиеся данной проблематикой, выделяют различные аспекты парламентской деятельности на уровне субъектов РФ [2; 4; 5; 6]. Из всего многообразия правовых, ор-

ганизационных, политических отношений, собственных региональным законодательным (представительным) органов власти, можно выделить две базовые модели представительства интересов населения:

- 1) модель «полного» или «абсолютного» представительства интересов;
- 2) модель «ограниченного» или «умеренного» представительства интересов.

Краткая характеристика модели «абсолютного» и «умеренного» представительства интересов

Реализация первой модели предполагает такой порядок принятия решений, при котором депутат перед голосованием в парламенте по каждому вопросу предварительно получает одобрение большинства избирателей своего округа и не может проголосовать иначе. Только при такой процедуре принятия решений парламент можно считать представительным органом власти в пол-

ном смысле этого слова. Однако модель «абсолютного» представительства интересов, применительно к региональному парламенту, организационно трудоемкая и при этом её внедрение не имеет практической потребности. Чем выше уровень публичной власти, тем в большей степени там доминируют вопросы государственного значения, решение которых требует специальной подготовки (в плане образования, информированности, профессиональных навыков и т.п.). Очевидно, большинство населения не обладает этими качествами, соответственно, массовое участие граждан в решении государственных дел, реализация ими своего интереса при решении государственных вопросов неизбежно приведет к сбою системы управления и в итоге негативно скажется на качестве жизни населения. Другое дело – участие граждан в решении вопросов местного значения, где это участие является востребованным и обоснованным, соответственно и взаимоотношения депутата местного представительного органа с населением должно быть основано на максимально полной вовлеченности граждан в решение местных проблем. Но это уже относится к институту местного самоуправления. Что же касается регионального парламента, то он, в первую очередь, является законодательным органом государственной власти, в связи с чем представление им интересов населения возможно настолько, насколько эти интересы совпадают с интересами государства. Соответственно, если интересы населения в каком-либо вопросе будут не совпадать с государственными интересами, то приоритет при решении этого вопроса законодательным органом, конечно же, будет отдан в пользу государства. Ситуация с повышением пенсионного возраста в 2018 г. недвусмысленно указывает, чей интерес был реализован региональными парламентами РФ при вынесении ими решения по поводу пенсионной реформы [3]. Поэтому оптимальной моделью для законодательного органа государственной власти будет являться модель «умеренного» представительства интересов населения, при которой доминирующим интересом выступает государственный интерес, и когда «последнее слово» при принятии решения остается за государственным органом. Именно в рамках такой модели действуют сегодня законодательные органы государственной власти субъектов РФ.

Факторы, способствующие укреплению института представительства:

1. Многоступенчатая избирательная система.

Укреплению института представительства, т.е. связи депутата с территорией своего избирательного округа, будет способствовать изменение

избирательной системы, посредством которой формируется региональный законодательный орган. Речь идет о замене прямого голосования избирателей на многоступенчатое. В кратком изложении алгоритм новой избирательной системы выглядит следующим образом: прямое голосование наиболее востребовано на уровне поселений, где избиратели хорошо осведомлены о достоинствах кандидатов в депутаты сельских и городских представительных органов. Оттуда часть депутатов делегируется в представительный орган муниципального района. Стоит отметить, что в Волгоградской области с 2014 г. используется именно такой способ формирования представительных органов муниципальных районов [1] и это верный шаг в деле укрепления представительства интересов поселений на уровне районов. Соответственно, следующий логичный шаг в этом направлении – это формирование регионального парламента путем делегирования туда депутатов из представительных органов муниципальных районов и городских округов.

2. Взаимодействие депутатов регионального законодательного органа с депутатами муниципальных представительных органов

На эффективность выявления и представления интересов населения влияет слаженность взаимодействия депутатов регионального законодательного органа с депутатами от муниципальных образований. Система представления интересов населения должна быть выстроена таким образом, чтобы непосредственное взаимодействие депутатов с гражданами осуществлялось преимущественно депутатами местных представительных органов, которые, в свою очередь, доводят бы наиболее важную информацию до депутатов регионального парламента. В связи с этим необходима систематизация и, при необходимости, регламентация коммуникационных процессов между депутатами регионального законодательного органа и депутатами представительных органов МСУ, а также создание условий, способствующих активизации населения на местном уровне (например, просвещение граждан о их правах по участию в работе местного представительного органа, информирование о предстоящих встречах с депутатами, выделение помещений для собраний и т.п.).

3. Ограничение проведения приема граждан должностными лицами исполнительной власти

Повышению представительного характера законодательных органов могло бы способствовать ограничение проведения приема граждан должностными лицами исполнительной власти. Прием граждан, выявление их проблем – это прерогатива как раз представительной власти, и эта

обязанность должна быть закреплена преимущественно за депутатами, а не за чиновниками. Увеличение количества приемов граждан со стороны исполнительной власти, которое мы наблюдаем в настоящее время, идет в разрез с принципом разделения властей, делает работу депутатов мало значимой в глазах избирателей, что снижает легитимность представительных органов и в целом негативно отражается на их деятельности.

4. Компенсация расходов за осуществление депутатской деятельности по представлению интересов населения

Еще один критерий, влияющий на эффективность выявления и представления интересов населения заключается в способности регионального депутата максимально возможное время проводить на территории своего избирательного округа, осуществляя встречи с избирателями и депутатами местных представительных органов, с коллективами предприятий и учреждений, выявляя наиболее острые вопросы, волнующие граждан, проживающих и работающих на территории его округа. Проблема видится в том, что региональный депутат, работающий на неосвобожденной (т.е. на неоплачиваемой) основе, вряд ли сможет уделять много времени работе на территории, проводить регулярные встречи с избирателями, обращаться с депутатскими запросами к должностным лицам и осуществлять иную подобную деятельность по представлению интересов населения. В связи с этим существует необходимость изыскания бюджетных средств, направляемых на оплату депутатской деятельности и освобождения депутата регионального парламента от основного места работы на время исполнения депутатских полномочий. Выплата депутатам заработной платы должна быть уравновешена введением дополнительной ответственности депутата перед избирателями и руководством парламента, возможно введением дополнительной отчетности и т.п. мерами.

Обратная ситуация складывается с отменой во многих субъектах РФ так называемого депутатского фонда на наказания избирателей, что выступает вполне обоснованной мерой. Многие депутаты действительно использовали эти средства на решение проблем территорий своих избирательных округов или для оказания помощи своим избирателям. Но вопрос заключается в том, что, во-

первых, эти бюджетные средства достаточно легко могут быть использованы не по целевому назначению. Во-вторых, социальную помощь гражданам обязаны оказывать органы исполнительной власти, а её, вместо органов соцзащиты, оказывает депутат законодательного органа. В этом случае также налицо нарушение принципа разделения властей. Обязанность депутата заключается не в непосредственном оказании социальной помощи, а в контроле за исполнительной властью, которая должна предоставить эту помощь. В-третьих, расходование средств из депутатского фонда на наказания избирателей имеет схожие черты с благотворительной деятельностью. Депутат, конечно же, имеет право заниматься благотворительностью, но только в свободное от работы время и не за счет бюджетных средств. Поэтому отказ от формирования таких депутатских фондов вполне обоснованное решение, а вот отмена заработной платы депутатов негативно повлияет на качество представления ими интересов своих избирателей.

Библиографический список

1. Закон Волгоградской области от 29 мая 2014 г. N 70-ОД «О некоторых вопросах формирования органов местного самоуправления в Волгоградской области» (с изменениями и дополнениями)
2. Гриб, В. В. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ как объект общественного контроля / В. В. Гриб // Сравнительная политика. 2016. № 3. С. 33–44.
3. Нилов: «Отрицательных отзывов от властей регионов на изменения в пенсионном законодательстве не поступало» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://flb.ru/5/2491.html> (дата обращения: 21.07.2018).
4. Ситников, Е. С. Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ: полномочия и структура // NovaUm.ru. 2016. № 1. С. 15-19.
5. Трошкина, Е. Н. Конституционно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ: понятие, структура и содержание // Вестник науки. 2018. № 7. С. 101–110.
6. Цаликова, З. И. Регламенты законодательных (представительных) органов власти субъектов РФ: краткая характеристика // Право и государство: теория и практика. 2018. № 7. С. 80–84.

УДК 352: 342.574
ББК 67.400.7

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФОРМ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

М. В. Коростелева

Аннотация. Информационные технологии затрагивают сегодня практически все сферы общественной жизни. Их использование на таком уровне публичной власти, как муниципальный, имеет существенное значение для успешного развития государства, поскольку именно он призван решать вопросы непосредственного жизнеобеспечения населения. Приближенность местного самоуправления к населению предполагает его максимальное вовлечение в решение вопросов местного значения. «Электронное» участие граждан в осуществлении местного самоуправления упрощает взаимодействие с органами власти и нередко ускоряет решение проблемных вопросов.

В данной работе проанализированы основные направления применения информационных технологий в процессе реализации форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, а также возникающие при этом проблемы и сложности.

Ключевые слова: местное самоуправление, формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, общественные обсуждения, опрос граждан, бюджет для граждан, дистанционное электронное голосование цифровой избирательный участок.

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF FORMS OF PUBLIC PARTICIPATION IN THE IMPLEMENTATION OF LOCAL GOVERNMENT

M. V. Korosteleva

Abstract. Information technologies today affect almost all spheres of public life. Their use at such a level of public authority as municipal, is essential for the successful development of the state. It is at this level that most of the pressing issues of the population are solved. The proximity of local government to the population implies its maximum involvement in the solution of local issues. «Electronic» participation of citizens in the implementation of local self-government simplifies interaction with the authorities and often accelerates the solution of problematic issues.

In this work the main directions of application of information technologies in the process of realization of forms of participation of the population in implementation of local government are analyzed. The author also tried to highlight the problems and difficulties arising in this process.

Key words: local self-government, forms of participation of the population in the implementation of local self-government, public discussions, citizens' survey, budget for citizens, remote electronic voting digital polling station.

Действующее федеральное законодательство о местном самоуправлении предусматривает весьма широкий перечень форм участия населения в его осуществлении, в числе которых такие механизмы их вовлечения в принятие управленческих решений на муниципальном уровне, как правотворческая инициатива граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, опросы граждан. Так как в качестве их основы презюмируется добровольная самоорганизация как отдельных граждан, так и их объединений в целях решения вопросов местного значения, они выступают выражением общественного характера института местного самоуправления [1, с. 69; 2, с. 113–114].

Поскольку перечень данных форм законодатель оставил открытым, предусмотрев право

населения осуществлять местное самоуправление в любых формах, им нормативно не предусмотренных, при условии непротиворечия их федеральному и региональному законодательству, данный перечень в течение достаточно длительного времени оставался практически неизменным. Не менялся и порядок осуществления этих форм. Ситуация изменилась с 2017 г. – закрепляющая эти формы глава 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ была дополнена рядом новых положений. В ней получили закрепление общественные обсуждения (ст. 28) и староста сельского населенного пункта (ст. 27.1). Определенные изменения затронули и порядок осуществления форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. Они связаны с применением информационных технологий в

процессе их реализации.

Так, новая форма участия населения в принятии управленческих решений на муниципальном уровне – общественные обсуждения, весьма схожая с институтом публичных слушаний не предполагает «очного» присутствия граждан для обмена мнениями по поставленному к обсуждению вопросу в конкретном месте в заранее определенное время. Поэтому данное мероприятие проводится преимущественно «заочно», что предусматривает применение информационных технологий (прежде всего, интернета) для информирования о планируемой деятельности, ее экологических, социальных и иных аспектах и выявления мнения общественности о ней. Широкое применение общественных обсуждений предусмотрено нормами Градостроительного кодекса Российской Федерации, а также Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». В частности, они организуются при решении таких вопросов, как создание лесопарковых зеленых поясов, проектов генеральных планов, правил землепользования и застройки, проектов планировки или межевания территории, её благоустройства [3, с. 36; 4, с. 4]. По данным Департамента по градостроительству и архитектуре администрации Волгограда, в 2018 г. в городском округе общественные обсуждения проводились более 70 раз [5].

Вместе с тем проблемы, характерные для процедуры публичных слушаний, возникают и при проведении общественных обсуждений. Сама процедура обсуждения общественно значимых решений в Российской Федерации находится в самом начале формирования. Но при этом местные органы власти зачастую относятся к ним весьма формально и, при нередком их проведении (в силу нормативной обязательности), действительно объективного обсуждения общественно значимых вопросов в их процессе не происходит. Кроме того, весьма затруднительно «отслеживать» на сайтах органов местного самоуправления информацию об их планируемом проведении, в силу чего нередко возникает ситуация, когда граждане узнают об общественном обсуждении значимого для них вопроса уже постфактум.

При этом в муниципальных образованиях зарубежных стран процедуры выявления общественного мнения по отдельным вопросам местного значения имеют сложившуюся практику проведения. В качестве примера можно привести процедуру выявления позиции жителей по вопросам оптимизации городской среды в районах Лондона (в частности, в районе Камден (Camden), в котором проживает 220 тыс. чел.). Перечень под-

лежащих обсуждению актуальных вопросов развития района размещается на специально созданном сайте <https://consultations.wearecamden.org>. Он называется Consultation Hub (консультационный центр), и с его помощью власти действительно получают консультации жителей по разнообразным вопросам. Среди них и качество уборки территории в зимний период, и снижение налогов для домохозяйств с низкими доходами, и озеленение территорий, и создание велопарковок.

На странице (и высылаемых почтой каждому жителю печатных материалах) подробно расписано, что именно предлагается к изменению, какие цели преследует каждый проект, каковы сроки его реализации и стоимость. Приводятся детальные схемы изменений и понятные чертежи. Выразить своё мнение можно разными способами: отправить комментарии, используя онлайн форму; отправить комментарии по электронной почте; отправить комментарии, используя бесплатный почтовый адрес (печать не требуется). При ответе в любом случае необходимо указать свой полный почтовый адрес для того, чтобы ваша позиция была учтена. Особо подчеркивается, что любая информация от жителей может принять обоснованное решение.

Один из разделов Consultation Hub называется We Asked, You Said, We Did (Мы спросили, вы сказали, мы сделали; https://consultations.wearecamden.org/we_asked_you_said/). Там приведены особо значимые вопросы, вынесенные на общественное обсуждение, и их решение.

Как представляется, данная процедура представляет собой некий гибрид предусмотренного российским законодательством общественного обсуждения и опросов граждан, в процессе проведения которых (как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления) в России также применяются информационные технологии. Органы местного самоуправления, посредством которых граждане реализуют принадлежащую им власть, должны функционировать в режиме постоянного диалога с местным сообществом. Для этого существует множество механизмов: проводятся встречи представителей органов местного самоуправления с жителями муниципального образования, организуется прием граждан должностными лицами местного самоуправления, на официальных порталах муниципалитетов есть возможность направить вопрос в «жизнеобеспечивающие» структуры. Обращения граждан – это тоже одна из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. У заинтересованного в предоставлении какой-либо информации гражданина есть несколько воз-

возможностей эту заинтересованность удовлетворить. Но не стоит забывать, что в механизме такого взаимодействия важна обратная связь, поскольку у местных чиновников тоже нередко возникает потребность узнать позицию жителей муниципального образования по тому или иному вопросу местного значения. И здесь на помощь как раз и приходят опросы граждан, которые в последнее время в крупных муниципальных образованиях все чаще проводятся в электронной форме, с помощью интернета. Это особенно удобно для учета мнения жителей крупных территорий. Например, на сайте администрации городского округа Волгоград [6] размещена информация о проведении опросов по шести темам, среди которых благоустройство, коррупция, эффективность работы местных органов. Но пройти большинство из этих опросов не получится – появляется информация о том, что IP-адрес сервера найти не удалось. «Активные» ссылки для проведения опросов только по двум темам – это коррупция и оценка эффективности муниципальных руководителей (именно они являются обязательными для проведения в соответствии с предписаниями федерального законодательства). В силу этого говорить об эффективности данной формы учета мнения жителей не приходится. А имеющиеся возможности интернета для выяснения мнения жителей и своевременной реакции на него совершенно не используются.

Ещё одной сферой применения информационных технологий выступают вопросы местного бюджета. Несмотря на то, что Бюджетный кодекс Российской Федерации и не наделяет жителей муниципального образования статусом участников бюджетного процесса (ст. 152), законодательство о местном самоуправлении устанавливает, что этот процесс предполагает обязательное участие в нем населения как на стадии принятия бюджета, так и на стадии утверждения отчета о его исполнении. Например, в Волгоградской области площадкой для взаимодействия органов власти и населения по вопросам управления общественными финансами выступает сайт «Бюджет для граждан (открытый бюджет)». На нем есть гиперссылки на электронные версии бюджетов муниципальных районов субъекта [7]. Есть разделы «Бюджет для граждан» и на сайтах самих муниципальных образований области [8].

Возможно применение информационных технологий в процессе реализации практик инициативного бюджетирования. Несмотря на то, что надлежащее нормативное регулирование этой формы участия населения в осуществлении местного самоуправления отсутствует, уже более по-

ловины субъектов страны в определённой степени вовлечены в процесс инициативного бюджетирования [9], которое заключается в определении и выборе жителями муниципального образования приоритетов расходования бюджетных средств [10, с.4]. Для такого определения и выбора и возможно применение информационных технологий. Например, в Волгоградской области летом 2019 г. были подведены итоги рейтингового онлайн-голосования за проекты общественных инициатив, которые будут реализованы при финансовой поддержке регионального и местного бюджетов, а также внебюджетных источников. Для проведения рейтингового онлайн-голосования применялась система голосований Polys на платформе блокчейн от компании «Лаборатория Касперского» (она не позволяет оказывать какое-либо техническое вмешательство в определение результатов голосования). По данным областного комитета финансов, участниками голосования стало более 82 тыс. человек. По информации «Лаборатории Касперского», состоявшееся в Волгоградской области онлайн-голосование на платформе блокчейн стало крупнейшим в истории использования данной технологии [11].

Наряду с формами участия населения в осуществлении местного самоуправления, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ предусматривает и формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления. Речь идёт о муниципальных выборах, местном референдуме и сходе граждан. Возможности применения информационных технологий в процессе их реализации гораздо скромнее. Вместе с тем необходимо отметить, что во второе воскресенье сентября, в так называемый «единый день голосования», (в 2019 г. это 8 сентября), проведён эксперимент по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва. Его проведение предусмотрено вступившим в силу 29 мая 2019 г. Федеральным законом № 103-ФЗ [12]. Дистанционное электронное голосование осуществлялось с помощью специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг Москвы.

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом № 102-ФЗ [13] на территории Москвы сформированы цифровые участки, посредством которых удалось реализовать активное избирательное право на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, проводимых 8 сентября 2019 г., гражданам, находящимся в день голосования за пределами своего избирательного округа. Для этого указанные граждане

должны подать заявление о голосовании на цифровом избирательном участке, используя для этого федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Участковая избирательная комиссия цифрового избирательного участка обеспечивает (с использованием ГАС «Выборы») передачу данных о голосовании в соответствующие избирательные комиссии субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Коростелева, М. В. Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления: особенности правового регулирования и реализации // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Юриспруденция. 2010. № 2. С. 71–75.
2. Коростелева, М. В. Нормативное закрепление форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления // Бизнес. Образование. Право. 2008. № 7. С. 113–116.
3. Коростелева, М. В., Коростелева Н. В. Правовое регулирование порядка создания лесопарковых зеленых поясов в Российской Федерации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 2. С. 34–37.
4. Коростелева, М. В., Коростелева Н. В. Обеспечение устойчивого развития городских округов: правовые и архитектурно-планировочные аспекты // Новая правовая мысль. 2017. № 1. С. 4.
5. Департамент по градостроительству и архитектуре администрации Волгограда. Проекты планировок и межевания. Рассмотренная документация // URL: <http://www.volgadmin.ru/d/Branches/Grad/CityBuilding/PP4> (дата обращения 20.08.2019).
6. Официальный сайт администрации Волгограда. Обратная связь. Опросы // URL: <http://www.volgadmin.ru/d/Polls/index> (дата обращения 21.08.2019).
7. Информационный портал «Бюджет для граждан Волгоградской области» // URL: <http://www.minfin34.ru/analytical/> (дата обращения 20.08.2019).

8. Управление финансов администрации городского округа – город Волжский Волгоградской области. Бюджет для граждан. // URL: <http://finvlz.ru/%D0%B1%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82-%D0%B4%D0%BB%D1%8F%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD/> (дата обращения 20.08.2019).

9. Министерство финансов Российской Федерации. Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. Москва, 2018. // URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/08/main/IB_2018.pdf (дата обращения 27.02.2019).

10. 25 вопросов об инициативном бюджетировании: учебное пособие / В. В. Вагин, Е. А. Тимохина, и соавт. Москва: Т8 Издательские технологии, 2017.

11. В Волгоградской области подвели итоги голосования за проекты общественных инициатив. Комитет финансов Волгоградской области // URL: <https://volgafin.volgograd.ru/current-activity/cooperation/news/236583/> (дата обращения 28.08.2019).

12. Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.05.2019.

13. Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.05.2019.

УДК 35.072.3
ББК 67.401.122

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

М. А. Опалев, Д. Г. Степыко, А. А. Голова

Аннотация. В статье раскрываются функции различных федеральных органов исполнительной власти, их роль и влияние на развитие отрасли физической культуры и спорта. Проведён анализ деятельности различных органов власти и механизмы реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Изучены особенности взаимодействия органов власти и предложен способ его совершенствования.

Ключевые слова: сфера физической культуры и спорта, федеральные органы исполнительной власти, механизмы взаимодействия, управление отраслью, государственная политика.

MULTIPOLARITY OF STATE REGULATION OF THE SPHERE PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

M. A. Opalev, D. G. Stepyko, A. A. Golova

Abstract. The article reveals the functions of various federal authorities, their role and influence on the development of the physical culture and sports industry. The analysis of the activities of various authorities and mechanisms for the implementation of state policy in the field of physical culture and sports. The features of the interaction of authorities are studied and a method for improving it is proposed.

Key words: physical culture and sports industry, federal authorities, interaction mechanisms, industry management, state policy.

Лозунг «Спорт вне политики» появился во времена Олимпийских игр древности и означал перемирие и прекращение военных действий на время спортивных состязаний. В современном мире этот лозунг можно трансформировать как «Спорт – это политика». Уникальность физической культуры и спорта в настоящее время не только в масштабности развития, но и в эффективности отрасли как действенного механизма внутренней и внешней политики.

Успехи отечественных атлетов и качественное проведение крупных международных соревнований является серьёзным аргументом в политическом противодействии. Публичность именитых спортсменов сегодня затмевает порой ведущих политических лидеров. Сфера физической культуры и спорта в России также является одним из основных направлений государственной социальной политики.

Рассмотрим структуру управления отраслью и взаимодействие в ней различных органов власти. Сегодня развитие различных направлений отрасли регулируется множеством нормативных

и правовых актов: указы Президента, постановления и распоряжения Правительства, федеральные законы, федеральные проекты, государственные программы и акты заинтересованных министерств и ведомств [9].

Какие федеральные министерства и ведомства сегодня не только заинтересованы, но и прикладывают соответствующие усилия по развитию сферы физической культуры и спорта?

Несмотря на то, что Министерство спорта РФ является ответственным органом власти за реализацию государственной политики в сфере физической культуры и спорта [8], эта сфера выходит за пределы влияния одного ведомства, что послужило основой тезиса о многополярности управления данной отраслью.

Анализ правоустанавливающих документов и иных нормативных и правовых актов позволил выявить перечень федеральных органов исполнительной власти, которые совместно с Минспортом России участвуют в развитии отрасли физической культуры и спорта. Результаты схематично представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Федеральные органы исполнительной власти, участвующие в развитии сферы физической культуры и спорта

Из 22 федеральных министерств деятельность в отрасли ведут 8, что подчёркивает значение и многообразие взаимоотношений различных субъектов спортивной индустрии.

В нескольких словах опишем функционал различных ведомств.

В структуре Министерства внутренних дел РФ действует Управление по обеспечению безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий для подготовки и проведения Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г., зимней Универсиады в г. Красноярске и других международных спортивных мероприятий. Подразделение было создано по поручению руководства МВД России, в том числе в целях формирования и реализации межведомственного комплекса мер безопасности. Однако МВД не только взаимодействует с Минспортом в области охраны порядка. Например, в ГУ МВД России по Москве осуществляют деятельность по 15 спортивным направлениям: хоккей, самбо, бокс, плавание, стрельба, многоборье кинологов и другим. Также МВД участвует в проведении «Всемирных игр полицейских и пожарных», организуя подготовку сотрудников-спортсменов, представляющих на играх нашу страну. По итогам игр 2019 г. представители МВД России завоевали 178 медалей – 91 золотую, 51 серебряную и 36 бронзовых. В этом году самыми результативными видами спорта для сборной МВД России стали плавание, легкая атлетика и единоборства [1].

На официальном сайте Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий представлена информация о таких спортивных мероприятиях, как «Чемпионат мира по

пожарно-спасательному спорту 2019», «МЧС России. Зимняя Универсиада – 2019. г. Красноярск», «Акция «МЧС за здоровый образ жизни». Помимо этого, создан ФКУ «Центральный спортивный клуб МЧС России», основными задачами которого являются: подготовка сборных спортивных команд МЧС России; подготовка спортсменов по служебно-прикладным и иным культивируемым в системе МЧС России видам спорта; участие в разработке положений о соревнованиях для МЧС России, проведение спортивно-зрелищных мероприятий, занятий по физической культуре и спорту [7].

Как отмечается на официальном сайте Министерства обороны: «Физическая подготовка военнослужащих – это залог боеспособности армии». В структуре Министерства особое место занимает Управление физической подготовки и спорта ВС РФ, ведь от уровня физической подготовленности зависит успешность выполнения боевой задачи [5].

Управление занимается вопросами организации физической подготовки в Вооруженных Силах, а также организует мероприятия для граждан допризывного и призывного возрастов. Кроме этого к деятельности Управления относится регулирование занятий спортом в ВС РФ, руководство соответствующими спортивными организациями и др.

Активную деятельность ведёт Центральный спортивный клуб армии и филиалы ЦСКА.

Для вышеуказанных министерств также характерно то, что они и их подведомственные организации организуют проведение мероприятий ВФСК ГТО для своих сотрудников и курсантов ведомственных образовательных организаций.

Кроме того, ими ведется разработка нормативов по физической подготовке, выполнение которых позволяет поступить на службу.

Министерство иностранных дел РФ взаимодействует с Минспортом России при согласовании порядка проведения международных мероприятий на территории РФ и за рубежом, при осуществлении операций по получению виз, организации работы с посольствами и другими учреждениями. Например, на сайте Минспорта России можно найти информацию о Соглашении с Правительством Французской Республики о сотрудничестве в области физической культуры и спорта [3].

В апреле 2018 г. Минспортом России и МИД России была подписана Концепция о международной деятельности, которая была разработана в целях реализации основных направлений государственной политики в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Концепция направлена на повышение конкурентоспособности российского спорта, защиту интересов спортсменов и усиление сотрудничества с международными организациями для совместного преодоления современных вызовов и угроз в сфере спорта [3].

Сфера физической культуры открыта для лиц с ограниченными возможностями здоровья, вопросы которых входят в функционал Министерства здравоохранения РФ. Минздрав России разрабатывает и согласовывает с Минспортом нормативы физической подготовки, организует медицинское обеспечение спортивных сборных команд РФ. При участии Минздрава России создана Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация по спортивной медицине и реабилитации больных и инвалидов» [2]. Минздрав России проводит обсуждение перспективы открытия кабинетов и отделений спортивной медицины в поликлинических учреждениях, оформления допуска к сдаче нормативов ВФСК ГТО.

В рамках традиционной Международной научной конференции по вопросам состояния и перспективам развития медицины в спорте высших достижений «СпортМед», организованной при участии Минздрава России, представители различных ведомств обсуждают вопросы спортивной медицины, лечебной физической культуры, физиотерапии и курортологии [2].

Министерство просвещения РФ и Министерство науки и высшего образования РФ осуществляют совместную работу с Минспортом России в рамках организации работы со спортивными образовательными учреждениями и различными образовательными организациями. Помимо

этого, задачей ведомств является реализация мероприятий ВФСК ГТО среди обучающихся и сотрудников. Также Минпросвещения и Минобрнауки России обеспечивают решение вопросов о роли и месте физической подготовки в образовательном процессе, организации научных исследований в спортивной сфере, организации международных и всероссийских научных и просветительских мероприятий, в том числе конгрессов, форумов, конференций [6].

Все органы власти, участвовавшие в анализе, взаимодействуют сегодня исключительно в официальном ключе на основе действующих рабочих групп, советов и других форматов. Как правило, такой механизм решения сложных вопросов является в недостаточной мере оперативным. В настоящее время процесс согласования документов является основой взаимодействия и нуждается в существенной модернизации. Исполнители среднего уровня и их подчинённые зачастую не имеют возможности уточнить детали, необходимые для принятия взвешенного управленческого решения в связи с отсутствием контакта с представителями своего уровня смежного ведомства.

На наш взгляд, создание единой платформы (возможно в виде портала или замкнутой электронной системы), которая бы позволяла пользователям различных министерств и ведомств обсуждать и вырабатывать совместные решения и согласованные позиции по смежным документам, стало бы механизмом, значительно повышающим эффективность межотраслевого взаимодействия. Такая структура позволила бы привлекать к разработке предложений и решению актуальных вопросов специалистов различных подразделений, а также учёных и общественность на единой технологической основе. Компетентные специалисты от каждого заинтересованного ведомства и организации могли бы сформировать единый информационный центр управления и взаимодействия по вопросам развития сферы физической культуры и спорта.

Таким образом, проведённый анализ подтвердил тезис о многополярности управления развитием сферы физической культуры и спорта, а также определил направления, нуждающиеся в первостепенном развитии при взаимодействии между федеральными министерствами.

Библиографический список

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/documents/materials_normativ – Загл. с экрана.
2. Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosminzdrav.ru/>. – Загл. с экрана.

3. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/home>. – Загл. с экрана.

4. Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/>. – Загл. с экрана.

5. Официальный сайт Министерства обороны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sc.mil.ru/social/sport/physical_education_and_sport.htm/. – Загл. с экрана.

6. Официальный сайт Министерства просвещения РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://edu.gov.ru/>. – Загл. с экрана.

7. Официальный сайт Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/sport-v-mchs/>. – Загл. с экрана.

8. Официальный сайт Министерства спорта РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minsport.gov.ru/>. – Загл. с экрана.

9. Официальный сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/>. – Загл. с экрана.

УДК 33.021.8

ББК 65.02

ПУБЛИЧНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ

Т. Г. Архипова

Аннотация. Управленческая деятельность претерпевает значительные изменения в реалиях требований современного общества. Консервативные способы управления проявляют свою неэффективность при принятии сложных управленческих решений. Происходит нарушение взаимосвязи системы управления с обществом. Переход к публичному управлению демонстрирует определенные сложности в построении новой системы управления. Использование публичного менеджмента как одного из эффективных методов управления может способствовать регулированию системы.

Статья посвящена уточнению понятия «публичный менеджмент». Автор рассматриваются основные подходы к содержанию публичного менеджмента в системе публичного управления через изучение мнений исследователей и ученых, специализирующихся в области публичного управления. В рамках темы автор определяет функциональные особенности публичного менеджмента и область его эффективного применения в управленческой практике.

Ключевые слова: публичное управление, публичное администрирование, публичный менеджмент, New Public Management, менеджмент публичных ценностей.

PUBLIC MANAGEMENT AS AN EFFECTIVE MANAGEMENT METHOD

T. G. Arkhipova

Abstract. Management activity is undergoing significant changes in the realities of the requirements of modern society. Conservative methods of management show their inefficiency in making complex management decisions. There is a violation of the relationship of the management system with society. The transition to public administration demonstrates certain difficulties in building a new management system. The use of public management as one of the effective management methods can contribute to the regulation of the system.

The article is devoted to the definition of «public management». The author considers the main approaches to the content of public management in the public management system through the study of the opinions of researchers and scientists specializing in the field of public management. Within the framework of the topic, the author defines the functional features of public management and the scope of its effective application in management practice.

Key words: public management, public administration, public management, New Public Management, management of public values.

В настоящее время управленческая деятельность рассматривается как система эффективных методов и средств управления, направленных на достижение цели и получение желаемого результата. Одним из современных методов является публичный менеджмент. Однако существует много мнений о том, самостоятельный ли это метод или это отдельный вид управленческой деятельности.

С одной стороны, публичный менеджмент

рассматривают как совокупность рациональных методов, используемых лицами, которые принимают решения. В данном случае исследуется так называемый публичный или общественный сектор. В его структуру, как правило, включены различные организации: коммерческие, некоммерческие, в том числе и государственные. Для синхронизации деятельности всех организаций необходимо координирующее управление, роль которого предоставляется государству. Однако при

условии невысокой управленческой эффективности государственного аппарата общий эффект социально-экономических процессов в целом будет снижаться.

С другой стороны, использование публичного менеджмента происходит в контексте выбора эффективных методов управления. Можно отметить, что в данном случае возможно использование и других методов управления, позволяющих повысить результат в достижении целей. При этом публичный менеджмент чаще рассматривают в деятельности государственного аппарата, тогда как применение публичного менеджмента как метода характерно и для сферы негосударственной деятельности.

Понятие «публичный менеджмент» связывают с широким понятием «публичное управление» и более конкретизированным – «публичное администрирование» [1]. Н. З. Арабаджийски представляет «публичное администрирование» как административную деятельность, основной функцией которой является предоставление публичных услуг гражданам. По его мнению, в категорию «администрации» входят представители государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной и др.), представители организаций, предоставляющих публичные услуги (медицинские, образовательные, информационные, культурные заведения, и др.), а также представители организаций, имеющих «идеальную цель» (фонды, объединения, творческие и профессиональные союзы и др.).

Вместе с этим «публичное управление» рассматривается Н. З. Арабаджийски как теория, которая имеет несколько этапов развития. Первый этап – «традиционное публичное управление», сформировавшееся на основе теорий М. П. Фоллета (теория управления человеческими ресурсами) и Д. Макгрегора (теория организационного развития). Второй этап – «новое публичное управление», основанное на теориях Ф. Тейлова (научный менеджмент) и М. Вебера (теория идеальной бюрократии). Третий этап – «постсовременный публичный менеджмент», характеризующий подходы к управлению в США в конце XX – начале XXI вв. И четвертый этап – «глобальное публичное управление», которое относится к настоящему времени.

Можно отметить, что современный этап связан с возникновением глобальной концепции «New Public Management» (NPM), возникшей в конце 80-х гг. XX в. в неанглоязычных странах (Германия, Нидерланды и др.) и распространяющейся в настоящее время в России. Как правило, концепция NPM предусматривает переход от «ме-

неджеризма», основными инструментами которого являются оценка эффективности и результативности деятельности, регламентация деятельности, бюджетирование, ориентированное на результат, управление по целям, к «менеджменту публичных ценностей», который ставит во главу угла клиента и удовлетворенность заявителя [5].

В то же время И. В. Понкин рассматривает понятие «публичное управление» через понятие «менеджмент», где раскрывает его в двух аспектах: как «воздействие на систему или организацию для достижения определенных целей», а также как «воздействие на человеческие ресурсы для достижения определенных целей» [4]. По сути, в понимании И. В. Понкина понятие «публичный менеджмент» представляется более узким, чем понятие «публичное управление», и является инструментом самого процесса публичного управления.

Более того, Г. Л. Купряшин не выделяет публичное управление как самостоятельное направление, а рассматривает его на пересечении теории управления и политической теории [2]. Прежде всего, «публичное управление» включено в общетеоретическое поле менеджмента и использует ключевые понятия анализа организаций и организационного поведения [3]. При этом публичное управление ориентируется рядом менеджерских дисциплин, например, финансовым менеджментом, управлением человеческими ресурсами, информационным менеджментом и др.

В любом случае, публичный менеджмент в отличие от публичного управления имеет возможность воздействовать на публичный сектор, привлекая совокупность рациональных управленческих приемов, а также выделяя необходимые целевые группы.

Целевые группы чаще всего определяются в рамках менеджерской деятельности (руководство небольшим коллективом, персоналом в определенной крупной организации или предприятии, гражданами государства, членами международного объединения и т.д.), работу которых менеджер нацелен усовершенствовать. Фактически объектом менеджмента может быть и как коллектив или работник, так и определенный процесс.

Основной функцией менеджмента является руководство. В свою очередь, публичный менеджмент в рамках публичного управления имеет специфические особенности. Публичный менеджмент как категория управленческой деятельности нацелен на использование публичной власти. При этом действия менеджера могут включать различные способы воздействия, в том числе и психологические: личный авторитет, конкретный пример, убеждение и др.

Как правило, менеджер имеет личную заинтересованность в реализации задач. В связи с этим менеджеру необходимо наладить персональное взаимодействие с объектами управления, в том числе с кадровым составом объекта или с населением определенной территории [6]. Можно отметить, что коммуникативная деятельность является одной из ведущих в публичном менеджменте. В данном случае коммуникации включают как организационное, так и межличностное общение. Задача менеджера не только поддерживать и прямую, и обратную связь с объектами управления, но отслеживать и корректировать возможные искажения информации.

Публичный менеджмент напрямую связан с тремя функциями менеджмента, которые включают: подготовку и принятие управленческого решения, его осуществление и контроль, включающий оценку последствий решения [6]. В этом контексте оценка присутствует не только в оценивании последствий, а также в прогностической оценке всех действий до принятия решения. При составлении прогнозов действий необходимо учитывать не только последовательность работы и нахождение решений. При публичном менеджменте существует необходимость просчитывать все условия, которые могут возникнуть с влиянием внешних и внутренних факторов. Учитывая что внешние факторы трудно подвергаются прогнозированию, менеджеру приемлемо составлять ситуативные планы с прогнозом. В этом случае у публичного менеджмента более выгодная позиция в отличие от публичного управления, где достаточно сложно находить вариации хода событий, а доминантным является принцип административного решения. Современный способ решения проблемных ситуаций в публичном менеджменте – инициировать публичное решение, т.е. во взаимосвязи с внешней публичной средой.

Контрольно-аналитическая функция менеджера в публичном менеджменте оформляется в более сложную форму, чем при формализованном менеджменте. Как правило, для этих целей используются компьютерные системы, позволяющие создавать базы данных, вести учетные карточки и электронную документацию, собирать статистические данные и др. Контролирующая функция в публичном менеджменте имеет две формы: внутренний контроль (чаще за деятельностью подчиненных, реже – самоконтроль) и внешний контроль (со стороны вышестоящих органов, органов госконтроля, общественных организаций,

населения).

Вся собранная информация в процессе учета и контроля дает возможность проводить анализ необходимых данных для выявления состояния определенных явлений и тенденций их развития. Это ведет к определению применения тех или иных управленческих мер.

В публичном менеджменте при решении задач возможны столкновения интересов, позиций и др. В данном случае неизбежно возникновение конфликтов, в центре которых обычно находится публичный менеджер (руководитель). Его задача распознать конфликт на ранней стадии, вовремя раскрыть и разрешить, используя соответствующий стиль руководителя, не позволяя перейти конфликту в более горячую стадию. Формы межличностных конфликтов являются более распространенными, что говорит о необходимости проводить контроль за изменениями в организации, регулирование нестандартных ситуаций и применения мер воздействия на подчиненных (наказание или поощрение).

Рассматривая функциональные особенности публичного менеджмента, можно отметить, что менеджерский подход ориентирован на критерий эффективности. В то же время публичный менеджмент является компромиссным подходом в отличие от публичного управления. Это позволяет выделять публичный менеджмент как эффективный метод управления в публичной сфере.

Библиографический список

1. Арабаджийски, Н. З. Сущность теории публичного управления / Н. З. Арабаджийски // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 1. С. 92–96.
2. Купряшин, Г. Л. Публичное управление / Г. Л. Купряшин // Политическая наука: научный журнал. 2016. № 2. С. 101–131.
3. Латфуллин, Г. А. Теория менеджмента / Г. А. Латфуллин, А. С. Никитин, С. С. Серебренников. СПб: Питер, 2014. 464 с.
4. Понкин, И. В. Понятие управление и публичное управление в общей теории публичного управления / И. В. Понкин // Юбилейный ежегодник факультета публичной администрации Нового Болгарского Университета, 2015. № 10. С. 56–64.
5. Тютин, Д. В. Эволюция нового государственного управления: логика эффективности, результативности и менеджмента публичных ценностей. URL: http://teoria-practica.ru/rus/fles/arhiv_zhurnala/2014/5/ekonomika/tyutin.pdf (дата обращения: 20.10.2019).
6. Чиркин, В. Е. Публичное управление: учебник / В. Е. Чиркин. М.: Юрист, 2004. 475 с.

УДК 323.225
ББК 66.041.33

МАССОВЫЙ ПРОТЕСТ: ОТ САМООРГАНИЗАЦИИ К САМОУПРАВЛЕНИЮ¹

К. М. Макаренко

Аннотация. В статье исследуются проблемы изучения массовых протестов в современной политической науке. Сложность анализа массовых протестов связана с наличием целого ряда проблем, решение которых в рамках одной методологии представляется крайней сложным и излишне избирательным. Предлагается авторская интерпретация трехступенчатой теоретической конструкции развития исторических форм организации А. И. Бардакова. Уделяется особое внимание изучению «самоуправления» как наиболее совершенной из трех форм организации. Предлагается апробация теоретических построений на примере Египетской революции 2011 г. В качестве вывода обосновывается возможность экстраполяции определенных положений трехступенчатой теоретической конструкции и применение ее в логической совокупности с другими теориями для комплексного исследования массовых протестов.

Ключевые слова: массовый протест, политическая мобилизация, управление, коллективные действия.

MASS PROTEST: FROM SELF-ORGANIZATION TO SELF-GOVERNANCE

K. M. Makarenko

Abstract. The article explores the problems of studying mass protests in modern political science. The complexity of the analysis of mass protests is associated with the presence of number of problems, the solution of which within the framework of one methodology seems extremely difficult and overly selective. The author offers his own interpretation of the three-stage theoretical construction of the development of historical forms of organization, developed by A. I. Bardakov. Particular attention is paid to the study of «self-government» as the most perfect of the three forms of organization. The theoretical constructions are tested on the example of the Egyptian revolution of 2011. As a conclusion, the possibility of extrapolating certain provisions of a three-stage theoretical construction and applying it in a logical combination with other theories for a comprehensive study of mass protests is substantiated.

Key words: mass protest, political mobilization, management, collective action.

Новый виток массовых протестов, сопровождающихся сменой политических режимов в странах Латинской Америки и на Ближнем Востоке, актуализирует проблему изучения форм коллективных действий, их потенциал и развитие. Массовые протесты представляют собой форму коллективного выражения недовольства граждан в одной или нескольких сферах общественной жизни. Практика перманентной актуализации изучения массовых протестов как феномена выражения коллективной воли индивидов приводит к необходимости создания объясняющей теории, которая была бы способна не только иллюстрировать причину протестов, но и прогнозировать развитие форм протеста.

Объяснением причин протеста занималось огромное количество исследователей, которые предлагали различные, зачастую противоположные трактовки. Одной из наиболее познавательных и, с точки зрения автора, способной представить психологические основания объяснения индивидуальных причин участия в протестной дея-

тельности является теория «относительной депривации» Т. Р. Гарра. Основу данной теории составляет тезис о том, что протест является результатом накопления фрустрации. Причины недовольства коренятся в различии уровня благ, на которые претендует индивид, и того уровня благ, который ему реально доступен [3], т.е. разрыв в системе координат «ожидание – реальность».

Так как массовый протест представляется как феномен динамичный, то, помимо объяснения причин, перед исследователями становится задача определения развития форм протеста. В этой связи предлагается авторская интерпретация анализа логики функционирования массового протеста через призму трехступенчатой теоретической конструкции развития исторических форм организации А. И. Бардакова. Доктор политических наук А. И. Бардаков представляет собственный анализ развития форм общественного бытия как эволюционную последовательную смену трех форм организации: самоорганизация, управление, самоуправление.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006.

Ключевую позицию занимает понятие «управление», которое трактуется как «процесс, где субъект превращает хаос в порядок, то есть он упорядочивает взаимосвязи, которые находятся вне пределов законов природы, вносит в объективную стихию субъективный творческий элемент» [2, с. 11]. Дефиниции самоорганизация и самоуправление в историческом аспекте представляются как формы доуправленческие и поступравленческие соответственно.

В связи с этой логикой автор предлагает рассмотрение массового протеста через призму представленной типологии коллективной жизни. Так, в ходе исторического развития массовый протест эволюционирует от бесформенных толп к институционально оформленным движениям, имеющим свою структуру, аппарат управления и мощную ресурсную базу.

Массовыми формами коллективной деятельности людей занимался целый ряд зарубежных и отечественных исследователей. Методологически и теоретически ученые довольно сильно расходились, что абсолютно логично в связи с постоянной сменой научных парадигм. Следуя обозначенной выше теоретической конструкции, можно представить ряд теорий, каждая из которых соответствует концепции развития массовых протестов (как форм коллективной жизни) от самоорганизации к самоуправлению.

В теоретических конструкциях одного из основоположников исследований в области психологии масс Г. Лебона [7] и его последователей Р. Тернера [1] и Н. Смелзнера [10] наличествует логика образования толпы и ее дальнейшей радикализации под давлением недовольства (фрустрации). При этом роль лидеров прослеживается в процессе формирования протестных масс, но она не является определяющей. Данная концепция более всего отражает стадию «самоорганизации».

Форма «управления» наличествует в теории К. Маркса [8], так как им обосновывается необходимость создания партии для организации и руководства массовым протестом. К. Маркс и Ф. Энгельс считали наличие объективных причин (экономический кризис, безработица и т.д.) недостаточными для организации массовых волнений и акцентировали внимание на лидере как центральной организационной фигуре протеста.

Последней в рамках отмеченной выше логики представляется теория Г. Плеханова, который как последователь К. Маркса и Ф. Энгельса отмечает необходимость создания партии для распространения революционных взглядов в рабочей среде и последующее самостоятельное

функционирование пролетариата как коллективной единицы, объединенной единой идеологией [9]. Таким образом, особая научная ценность работ Плеханова в рамках данной статьи связана непосредственно с процессом иллюстрации перехода от стадии «управления» к «самоуправлению».

Представленные выше теории отличаются между собой в представлении организационных форм коллективной деятельности масс, что обусловлено разными условиями написания работ, индивидуальным опытом и разницей в выделении основополагающих факторов активизации масс.

Концепт «самоорганизации» отмечается в статье доктора философских наук, профессора А. Л. Стризове «Потенциал протеста в современном российском обществе». Так, исследователь выделяет этапы развития протестного потенциала:

1. Осознание протестного потенциала как реакции на неудовлетворенность и необходимость его изменения новыми формами социальной организации;
2. Признание актуальности протестной повестки и поиск лидера, выполняющего функцию посредника в процессе коммуникации;
3. Самоорганизация протестного сообщества;
4. Активизация большей части протестующих на выражение коллективных требований;
5. Выражение требований, приводящих к «локальным изменениям управления или политики»;
6. Изменение системы власти и управления посредством активных протестных действий [11, с. 153].

Этапы, представленные А. Л. Стризове, крайне интересны с научной точки зрения, так как показывают теоретический процесс развития протеста в фокусе эволюции коллективных форм: от осознания наличия проблемы до ее решения в глобальном масштабе. Логика представленных этапов позволяет выделить две формы (из трех, выделяемых в концепции А. И. Бардакова) организации коллективной жизни: 1–3 этапы – самоорганизация, 4–6 этапы – управление. Предполагается, что поиск лидеров, артикулирующих общественное мнение, идет параллельно с процессом самоорганизации протеста, после чего во главе протеста становятся «найденные» лидеры и начинается стадия «управления». Определить дальнейшее развитие форм протеста не представляется возможным, так как в точке бифуркации возможны три равнопорядковых исхода:

1. Эволюция протеста до поступуправленческой формы (самоуправление). Данный случай характеризует форму «бытия, где управление

себя исчерпало» [2, с. 12]. Подобная форма наиболее характерна для «новых социальных движений», основными характеристиками которых являются отсутствие конкретных лидеров, координация движения в условиях отсутствия посредников.

2. Продолжение функционирования массового протеста в управленческой форме с наличием ярко выраженного лидера (-ов), возможно, в результате положительного исхода проявленной политической активности.

3. Деградация протеста до формы самоорганизации (затухание протестных настроений). Данный вариант является наиболее вероятным в условиях полного игнорирования требований протестующих. Отсутствие реакции приводит к делегитимации лидера и «откату» до менее развитых/организованных форм коллективного бытия.

Так как самоуправление является «более совершенной формой», то стоит уделить данному концепту особое внимание. С нашей точки зрения, стадия самоуправления свойственна всем проявлениям массовых форм коллективного участия людей. «Растущая численность мобилизованного населения и рост масштаба и насыщенности его потребностей в политических решениях и государственных услугах обычно оборачиваются, хотя и с некоторым временным запозданием, ростом политического участия» [6, с. 212]. Данная цитата Карла Дойча интересна нам с научной точки зрения, так как в ней присутствует непосредственный момент перехода от второй стадии (управление) к третьей (самоуправление). Один из первых отечественных исследователей в области политической мобилизации Д.В. Гончаров выделил наличие дихотомии мобилизованного (навязанного извне) и автономного (рационально-индивидуального) участия [5, 129]. Рост политического участия, который прогнозирует Дойч, представляется как наступление стадии «самоуправления», так как политическое участие отличается наличием целерационального подхода к действиям и возможности осуществления действия в условиях отсутствия каких-либо лидеров. Таким образом, политическая мобилизация представляется как процесс формирования коллективной активности граждан с помощью управления, а политическое участие – самоуправления. Отметим также, что более совершенный характер такой формы коллективных действий, как «самоуправление», по крайней мере, в ходе массовых протестов, определяется децентрализацией как в плане управленческих решений, так и в ресурсах. В связи с этим формируется вывод о том, что массовый протест, вошедший в стадию «самоуправ-

ления», обладает большим «кумулятивным эффектом», так как его сложнее «обезглавить» и трудно договориться (в условиях наличия разнонаправленных интересов субъектов коллективного действия).

Теоретическая конструкция развития исторических форм организации проявляется и на практике. В качестве реального примера массового протеста, претерпевшего развитие во всех трех последовательных стадиях, можно назвать Египетскую революцию 2011 г. В документальном романе «Революция 2.0» Вазель Гоним – идейный вдохновитель событий, которые привели к падению режима Хосни Мубарака, последовательно рассказывает о тех событиях, непосредственным участником которых он являлся. Тезисно события в Египте 2011 г. можно представить следующим образом:

1. Накопление фрустрации в связи с высоким уровнем безработицы, особенно в среде образованной молодежи, которая стала «движущей силой революции».

2. «Полицейский произвол», связанный с убийством Халеда Саида и последующим сокрытием реальных причин совершенного преступления.

3. Создание В. Гонимом (анонимно) группы в Facebook «Куллена Халед Саид» (аналог слогана «Я/мы Иван Голунов» в РФ 2018 г.), служившей каналом артикуляции протестных настроений молодежи.

4. Онлайн-мобилизация молодежи на проведение протестных акций с последующим ростом количества протестов и сочувствующих. Публикация призыва к участию в массовых протестах 25 января (государственный праздник) 2011 г., оглашение требований протестующих.

5. Начало активной фазы революции 25 января 2011 г., массовая политическая активность.

6. 27 января 2011 г. – задержание В. Гонима властями. Деанонимизация В. Гонима как администратора и идейного вдохновителя (как следствие лидера протеста). Оказание международного давления на египетские органы безопасности. 7 февраля 2011 г. Освобождение В. Гонима из тюрьмы. Выступление на митинге и на телеканале в качестве лидера протеста;

7. 11 февраля 2011 г. Отставка Мубарака, окончание активной фазы революции. Решение постреволюционных вопросов.

События Египетской революции 2011 г. переданы кратко и предельно избирательно с целью отражения исключительно необходимых в рамках данной работы форм коллективной деятельности. Так, пункты 1–3 являются отражением «самоорганизации» с последующей (4–5 пункты) стадией

«управления» и 6 пунктом – «самоуправления» (в условиях отсутствия непосредственного лидера революции). Реализация основного требования протестующих привела к окончанию активной фазы революции и началу постреволюционного периода. В авторской интерпретации представленного кейса сознательно не упоминается лидер объединенной оппозиции Мохаммед аль-Барадеи, так как он представляется в подобной роли лишь с 30 января, т.е. после начала активной фазы революции. В связи с этим, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой лидером революции является непосредственно В. Гоним, артикулировавший протестные настроения образованной молодежи в онлайн-среде, организовавший серию протестных акций, приведших к падению режима Мубарака, после чего отстранившийся от революции.

Трехступенчатая теоретическая конструкция развития исторических форм организации А. И. Бардакова с определенной долей упущений может быть адаптирована для изучения динамики и организационной структуры массовых протестов. Использование данной конструкции в симбиозе с психологическими и институциональными теориями позволит находить моменты перехода от менее к более совершенным формам, прогнозировать логику развития массовых протестов.

Библиографический список

1. Turner, R. *Collective behavior*. New Jersey, 1987. 414 с.
2. Бардаков, А. И. *Власть и управление в формах коллективной жизни: монография* / А. И. Бардаков;

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006. 224 с.

3. Гарр, Р. Т. *Почему люди бунтуют* / Р. Т. Гарр. СПб., 2005. 461 с.

4. Гоним, В. *Революция 2.0 : Документальный роман* / Пер. с англ. Т. Даниловой / В. Гоним. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. 352 с.

5. Гончаров, Д. В. *Политическая мобилизация – Полис* / Д. В. Гончаров // *Политические исследования*. 1995. № 6. С. 129–136.

6. Дойч, К. В. *Социальная мобилизация и политическое развитие* / К. В. Дойч // *Политическая наука*. 2012. № 2. С. 196–212.

7. Лебон, Г. *Психология народов и масс* / Г. Лебон. Изд-во: Академический проект, 2015. 239 с.

8. *Манифест Коммунистической партии* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

9. Плеханов, Г. В. *Наши разногласия. Избранные философские произведения в пяти томах* / Г. В. Плеханов. Том I. Госполитиздат, М., 1956. 365 с.

10. Смелзнер, Н. *Социология: пер. с англ.* / Н. Смелзнер. М.: Феникс, 1998. 688 с.

11. Стризов, А. Л. *Потенциал протеста в современном российском обществе* // материалы круглого стола «Современный протест как новая коммуникативная система» / под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Л. Шамне, д-р филол. наук, доц. Л. Н. Ребриной; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. Гос. ун-т», Ин-т филол. и межкультур. Коммуникации; Фил. Зарегистрированного объединения «Фонд Розы Люксембург – анализ обществ. Развития и гражданское просвещение» (Федеративная Республика Германия) в Рос. федер. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. 167 с.

УДК 323.2(470)
ББК 66.3(Рос),1

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В. Ю. Подуруева-Милоевич

Аннотация. В статье анализируются особенности и характеристики гражданского объединения, выявляются наиболее значимые его структурные составляющие. Взаимодействие гражданского общества и власти, критерии вовлеченности.

Ключевые слова: гражданское общество, общественные коммуникации, современная политология.

CIVIL SOCIETY AND THE POLITICAL POWER FACTOR

V. Yu. Podurueva-Miloevich

Abstract. The paper analyzes distinctive features and specific traits of civil groups; it also highlights the most important structural components or a civil group. Emphasis is made on the interaction between a civil society and authorities, criteria of involvement.

Key words: civil society, communication and public affairs, modern political science.

Гражданское общество является одним из основополагающих понятий современной политологии и представляется как свободное, равное, открытое, справедливое, демократическое и цивилизованное общество. Общество, которому свойственно согласие, социальное равенство и социальная справедливость, выражающиеся через самосознание граждан. В широком смысле гражданское общество охватывает все сферы деятельности человека, находящиеся вне непосредственного влияния государства.

Являясь социальным образованием, гражданские объединения выполняют ряд социально-значимых функций:

- дают возможность рядовым гражданам принимать участие в решении политических вопросов;

- отстаивают интересы определенных слоев населения (союзы ветеранов, матерей-одиночек, многодетных родителей, общество инвалидов и другие);

- проводят общественный контроль над соблюдением прав и свобод гражданина (общественные организации, защищающие права женщин, беженцев, заключенных);

- оказывают влияние на становление общественного мнения (задача абсолютно всех гражданских объединений).

Конституция Российской Федерации (ст. 3 п. 1, 2) провозглашает носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Вопросы отношения власти и институтов гражданского общества,

объединения их усилий по обеспечению общественного согласия и социальной стабильности являются актуальными и востребованными в современной России [1].

На основании действующего законодательства и демократических процедур осуществляется диалог между обществом и властью о целях и приоритетах развития страны, региона, населенного пункта. Задачи функционирования эффективно действующего механизма взаимодействия населения с органами власти, их сотрудничества в разработке управленческих решений по важнейшим социальным, экономическим, политическим и другим общественно значимым вопросам в современном обществе достаточно важны.

Однако встречаются самые разнообразные противоречия, обусловленные отсутствием конструктивного диалога, опрометчивыми решениями, игнорирующими интересы больших социальных групп и вызывающие подозрение и протест в общественном сознании.

В целях обозначения роли социальной активности населения в формировании гражданских объединений, в восприятии гражданского общества, выделяют три его важных элемента:

- гражданскими объединениями выступает население и выражаемая им активность (гражданские инициативы), которая может быть социальной, протестной или созерцательной. Формы социальной активности граждан могут быть разнообразными. Отправка пожертвований на лечение ребенка, подача милостыни на улице, участие в субботниках, в работе общественных советов, общественных организаций и т.д. При этом понятие социальной активности связано непосредственно с той деятельностью человека, которая основана

на помощи и поддержке других и выходит за пределы его личной, частной жизни.

- гражданскими объединениями является совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, заложенная в деятельность разнообразных институтов гражданского общества, общественных структур (общественных организаций и объединений, социально ориентированных некоммерческих организаций, общественных советов, ТОСов, политических партий, общественных палат и других). На этом этапе происходит формирование и реализация не только индивидуальных интересов, но и групповых интересов, передаваемых социальными группами и социальными организациями, целями которых является реализация этих интересов.

- гражданские объединения – это, по сути, действительная возможность граждан, общественных структур, институтов гражданского общества воздействовать на процессы демократии, на процессы развития общества, на принятие управленческих решений, касающихся жизненно важных вопросов населения.

Исследуя специфику деятельности и развития гражданских объединений, необходимо выделить важную роль социальной активности населения.

В научных работах О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев определяют право на объединение как одно из основных прав, связанных с вовлечением граждан в решение вопросов государственного и муниципального значения [2]. В соответствии с этим можно заключить, что взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления с общественными объединениями выступает одним из рычагов реализации интересов граждан в ходе государственной политики.

Гражданское общество представляет собой высокоразвитую общность людей, обладающую суверенным правом на жизнедеятельность, это самоуправляющаяся и осуществляющая контроль над государством структура. Оно существует и действует в диалектическом единстве с политической властью, государством. В процессе своего развития они сосуществуют, то наступая друг на друга и отвоевывая жизненное пространство, то мирно сосуществуя и помогая друг другу. Диалектическая взаимосвязь гражданского общества с государством проявляется в том, что чем сильнее гражданское общество, тем менее заметна роль государства. И, наоборот, неразвитое гражданское общество приводит к чрезмерному усилению государства, которое поглощает это самое общество. Государство может в значительной степени ограничить деятельность гражданского объединения, однако не способно его разрушить.

Также гражданское объединение в состоянии ограничить функции государства в значительной степени, но заменить или подавить последнее на современном этапе развития не может. Тем не менее, гражданское объединение и является саморазвивающейся и самоорганизующейся системой, его становление и развитие будет протекать в значительной мере успешнее при создании государством благоприятных условий. Вследствие этого, есть необходимость в сильной государственной власти, основывающейся на демократизме, признании верховенства права и других принципов, лежащих в основе правового государства в целях формирования гражданского общества [3].

Гражданское общество характеризуется тремя основными качествами:

- готовностью населения к самоорганизации в целях оказания влияния на социальную жизнь.

- наличием посреднических групп, выполняющих функции проводника.

- существованием правовой основы, предоставляющей возможность гражданам независимо объединяться и отстаивать собственные позиции.

Посредством институтов местного самоуправления осуществляется право граждан на свободное владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Управляя экономической, социальной, культурной и другой деятельностью, самоуправлением проводится локальная экономическая, социальная, культурная политики. Непосредственно в системе местного самоуправления политика высвобождается от своего определения, как имеющая взаимосвязь с государственными переворотами, оппозиционной борьбой, и принимает свою изначальную интерпретацию: корректировка и управление отношениями между людьми и социальными объединениями и формирование наиболее приемлемых перспектив для жизнедеятельности населения.

Анализируя особенности и характеристики гражданского объединения, необходимо выявить наиболее значимые его структурные составляющие, среди которых выступают: свобода волеизъявления населения и следование его правам и интересам; вовлечение населения в жизнь общества; вероятность для населения принимать участие и воздействовать на происходящие в обществе процессы; соответствие и общность будущих перспектив общества с принимаемыми властью решениями; преимущества для самоактуализации и самовыражения населения; свободные и самостоятельные средства массовой информации; реальность оппозиции; и вместе с тем – законоуважающее население, открыто и исправно выполняющее свои обязанности.

На сегодняшний день общественные объединения непосредственно участвуют в реализации социальных и других жизненно важных вопросах. Выступая в качестве связующей составляющей между государством и гражданами, общественные объединения принимают активное участие в создании и самоорганизации гражданского общества.

Нередко наблюдается искажение в отношении населения к органам власти, потому как граждане считают их высшими инстанциями, координирующими процесс публичной жизни. В то же время главной ценностью, закрепленной в Конституции Российской Федерации, является человек со своим правом и свободой, а также правом на участие в управлении делами государства.

В последнее время создаются необходимые условия для формирования гражданского общества в Российской Федерации. Но это формирование на

сегодняшний день проходит путь количественного роста и нарастания качественного многообразия, а не объединения соответствующих структур в сильные и представительные гражданские институты. Данный процесс, вне сомнения, потребует длительного переходного периода и постоянного внимания к нему со стороны государства.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993 г. / Российская Федерация. Конституция (1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Кутафин, О. Е. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. М.: Юрист, 2002. 559 с.
3. Политическая власть и гражданское общество <https://studfiles.net/preview/4527853/page:8/>

УДК 323/353
ББК 66.04

ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ю. Б. Прибытков

Аннотация. Целью исследования является анализ роли губернаторской власти в современной российской политике. От главы региона зависят политическая стабильность, эффективная сцепка федерального и местного уровней власти, агрегирование и артикуляция интересов гражданского общества и групп давления, выраженная в проведении определенной региональной политики. На современном этапе развития политического режима в России оформилась новая система рекрутирования глав регионов с элементами бюрократизации. В исследовании губернаторской власти применяются неинституциональный и исторический подходы. Актуальными направлениями остаются анализ губернаторской власти как основного звена, связывающего федеральный и региональный уровни государственной власти, как актора, обеспечивающего политическую стабильность на региональном уровне.

Ключевые слова: губернаторская власть, глава региона, политический режим, политический институт.

GOVERNOR POWER IN THE RESEARCH AGENDA OF POLITICAL SCIENCE

J. B. Pribytkov

Abstract. The purpose of the study is to analyze the role of governor power in modern Russian politics. Political stability, an effective link between the federal and local levels of government, aggregation and articulation of the interests of civil society and pressure groups, expressed in the implementation of a certain regional policy, depend on the head of the region. At the present stage of development of the political regime in Russia, a new system of recruiting regional heads with elements of bureaucratization has taken shape. In the study of governorship, neo-institutional and historical approaches are used. The analysis of the governor's power as the main link between the federal and regional levels of state power, as an actor ensuring political stability at the regional level remains relevant areas.

Key words: governor power, head of region, political regime, political institute.

Целью исследования является анализ роли губернаторской власти в современной российской политике. Динамизм современных изменений, связанных с созданием и внедрением инноваций в общественную жизнь, порождает высокую требовательность общества и истекающую из неё требовательность федерального Центра, что сказывается

на работе глав регионов Российской Федерации. В большей степени от главы региона зависит политическая стабильность, эффективная сцепка федерального и местного уровней власти, агрегирование и артикуляция интересов гражданского общества и групп давления, выраженная в проведении определенной региональной политики.

Губернаторская власть в современной России неотделима от объективных и субъективных факторов трансформации всей системы управления в современной России. Категория «губернаторская власть» отражает формальные и неформальные полномочия главы региона (субъекта Федерации) в системе политического внутригосударственного правления, его включенность в механизмы взаимодействия центральной, региональной и муниципальной властей. Глава региона, реализующий губернаторскую власть, задействован в функциональном комплексе бюрократической (неономенклатурной) системы в условиях современной России.

На современном этапе развития политического режима в России можно утверждать, что оформилась новая система рекрутирования глав регионов с элементами бюрократизации. Финансово-экономическая ситуация во многих регионах способствует зависимости глав регионов от трансфертов федерального Центра и жесткого контроля за их деятельностью с формой зависимой опоры на поддержку населения и с возможностью отстранения от должности по причине утраты политического доверия.

В российской науке губернаторская власть представляется как институт, включающий в себя главы региона (губернатор, президент, мэр города федерального значения), обладающий индивидуальными характеристиками, так и их объединение (Государственный совет, ранее Совет Федерации, Экономические и политические форумы федерального уровня) с эмерджентными характеристиками, способными проявлять региональную политическую повестку на федеральный уровень.

Неоинституциональный подход позволяет выявить губернаторскую власть в рамках политического института в связи с формальными институтами (федеральным центром, политическими партиями, региональными политическими институтами, институтами местного самоуправления), так и с интересами группами влияния (общественными организациями и группами давления). А. В. Стародубцев указывает на заложенную в Конституции регламентацию деятельности глав регионов федеральным Центром, поскольку в Конституции отсутствуют исключительные предметы ведения регионов [1, с. 122]. Таким образом, главы регионов вынуждены проводить федеральную политику на региональном уровне. Главы регионов опираются в своей работе на региональные элиты, имеющие различные интересы, которые они вынуждены учитывать.

Губернаторская власть дает нам следующие этапы её развития: 1992–1996 гг.; 1996–2005 гг.; 2005–2012 гг.; 2012–2018; с 2018 по настоящее

время. Каждый этап характеризуется субъектностью губернаторской власти в федеральном и региональном срезам (реализация власти «над») и степенью артикуляции интересов гражданского общества (реализации власти «для») [2, с. 31]. После проведения президентских выборов в 2018 г. перед федеральным Центром стоят задачи сохранения власти на выборах в Государственную Думу и обеспечения плавного транзита власти. Основной опорой для выполнения этих задач являются главы регионов – представители неономенклатурной системы, динамичная сменяемость которой с 2016 г. должна закончиться как раз в 2023 г. Неономенклатурная сложившаяся система характеризуется главенствующим положением должности, но не личности, жесткостью внутренних правил и необязательностью выполнения внешних, лояльностью федеральному Центру и точечными репрессиями в отношении целевых групп [3].

В рамках процессуальных исследований основными являются электоральные исследования выборов процессов губернаторской власти. В объективе исследований находятся частота и чистота выборов глав регионов, результативность кандидатов лидеров предварительных исследований, партийность кандидатов, степень манипуляции на электоральные процедуры. В 2012 г. при введении выборности глав регионов были включены такие политические технологии, как единый день голосования, муниципальный фильтр, усиление зависимости «системной оппозиции» от федерального Центра, отрицательная селекция кандидатов [4, с. 3–6].

В исследованиях региональных политических режимов глава региона выступает как один из акторов формирования и поддержания политического режима и ведущий актор трансформации региональных режимов. Дергачев А. Ю. одним из параметров эффективности регионального политического режима видит консолидацию элиты как способности «организоваться и консолидироваться, предотвращать внутренние конфликты (между мэром и губернатором, губернатором и законодательным собранием)» [5, с. 6].

Элитистские исследования рассматривают глав регионов как представителей, формирующих и артикулирующих интересы региональной элиты. В настоящее время у элит развития существует запрос на уход от укрепления «вертикали власти» и к переходу к порядку избрания глав регионов на основе выявления общественного мнения и воли народа в регионах страны [6, с. 49].

Губернаторская власть является относительно изолированным средним иерархическим

уровнем бюрократии. Разработаны критерии, по которым федеральным Центром оценивается деятельность глав регионов и политическая ситуация в регионе. Среди них – доверие россиян к власти, несмотря на превалирующую роль в создании доверия федерального Центра [7]. При этом главы регионов, находясь под федеральной «гильотиной», в современной России характеризуются отсутствием укорененности в регионе, несмотря на то, что одним из критериев является наличие корней в возглавляемом регионе, отсутствием опыта построения политической карьеры в данном регионе, отсутствие авторитета как в федеральном Центре, так и в обществе, ограниченностью реальных инструментов у глав регионов на создание общественного доверия.

На современном этапе развития и строительства новой России необходимо исследовать и совершенствовать губернаторскую власть как политический институт. Актуальными направлениями остаются анализ губернаторской власти как основного звена, связывающего федеральный и региональный уровни государственной власти, как актора, обеспечивающего политическую стабильность на региональном уровне. Также актуальны исследования взаимодействия по формальным и неформальным каналам и обеспечения интересов гражданского общества и групп давления, практика соединения главами регионов федерального уровня публичной власти и местного самоуправления, а также степень влияния на внутривнутриполитические процессы на фе-

деральном и региональном уровнях на различных этапах эволюции губернаторской власти в современной России.

Библиографический список

1. Стародубцев, А. В. Платить нельзя проигрывать: Региональная политика и федерализм в современной России / Андрей Стародубцев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 196 с.
2. Хаугаард, М. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. 2019. № 3. С. 30–62.
3. Петров, Н. 20 лет Путина: трансформация элиты // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/16/808927-20-putina-transformatsiya> (дата обращения 10.11.2019 г.).
4. Kynnew, A. Die russischen Regionalwahlen vom 9. September 2018: Rückkehr realen Wettbewerbs // RUSSLAND-ANALYSEN NR. 360 (05.10.2018). Pp. 2–6.
5. Дергачев, А. Ю. Политический режим в России в постсоветский период (региональный аспект) // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А. С. 3–8.
6. Афанасьев, М. Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс / М. Н. Афанасьев. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. 132с.
7. Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/167U3OXDkVKuOAktJ8MRQu4zrbG0HT7x.pdf> (дата обращения 08.11.2019 г.).

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

УДК 930.26(470+571)
ББК 63.48(2)

ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА № 13 МОГИЛЬНИКА НАГАВСКИЙ II (БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)¹

Е. В. Круглов, Е. В. Перерва

Аннотация. Работа посвящена исследованию археологических материалов хазарского времени из курганного могильника Нагавский II, раскопки которого проводились Волго-Ахтубинской археологической экспедицией ВГПИ им. А. С. Серафимовича в 1986–1991 гг. В 1991 г. в кургане № 13 Е. П. Мыськовым было обнаружено погребение человека с конем. Данное захоронение в настоящий момент датируется серединой VIII в. и отнесено к памятникам типа Соколовской балки. Данное исследование вводит в научный оборот антропологические и археологические материалы погребения из кургана № 13.

Ключевые слова: Хазарское время, хазары, курганный могильник Нагавский II, погребение типа Соколовской балки (соколовского типа), палеопатология, непреднамеренная теменно-затылочная деформация.

BURIAL FROM MOUND 13 OF BURIAL GROUND NAGAVSKY II (BIOARCHEOLOGICAL RESEARCH)

E.V. Kruglov, E.V. Pererva

Abstract. The paper is devoted to the study of archaeological materials dating back to the Khazar time from the burial mound Nagavsky II, the excavations of which were carried out by the Volga-Akhtuba archaeological expedition of Volgograd State Pedagogical University named after A. S. Serafimovich in 1986–1991. In 1991, in the burial pit No. 13 E. P. Myskov discovered a buried remaining of a man with a horse. This burial is currently dated to the middle of 8th and is attributed to the monuments such as Sokolovskaya draw. This study introduces anthropological and archaeological materials of the burial from mound No. 13 into scientific circulation.

Key words: Khazar time, the Khazars, burial ground Nagavsky II, burial of the Sokolovsky draw type (Sokolovsky type), paleopathology, unintentional parietal-occipital deformation, horseman.

Курганный могильник Нагавский II располагался на территории Котельниковского района Волгоградской области (рис. 1, 1). Его научные исследования проводились в 1986–1991 гг. Волго-Ахтубинской археологической экспедицией ВГПИ им. А. С. Серафимовича под руководством А. В. Кияшко и Е. П. Мыськова. В курганах № 3, 4, 5, 9, 13, 14 и 15 были обнаружены погребальные и культовые памятники хазарского времени. Все были оставлены представителями одного родового коллектива раннесредневековых кочевников. Вместе с группой погребений на р. Есауловский

Аксай, исследованных в 1975–1977 гг. Волго-Донской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В. П. Шилова [12], это две наиболее представительные серии памятников хазарского времени, обнаруженные на территории Волгоградской области. В 1991 г. Е. П. Мыськовым в могильнике Нагавский II был раскопан курган № 13, в котором оказалось разрушенное в древности погребение человека с конем [18].

Курган № 13 находился в восточной части могильника (рис. 1, 2). Диаметр насыпи – 38 м, её современная высота – 0,4 м, высота от уровня

¹ Работа выполнена в рамках исполнения гранта РФФИ №19-09-00471, «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)»

древнего горизонта – 0,67 м (рис. 1, 2). В центре кургана на погребённой почве фиксировался слой синевато-серого цвета диаметром 10,2 м и мощностью около 0,05 м. Выше него залегал жёлтый суглинок – материковый выкид из могильной ямы, охватывавший её полукольцом с северо-западной, северной и восточной сторон. Максимальная ширина выкида – 3,1 м, мощность – 0,15–0,22 м. На поверхности выкида с дальней от могилы стороны фиксировались следы тлена белого цвета, оставшиеся от перегнившей куги или камыша толщиной не более 0,02 м (рис. 1, 2).

Могильная яма имела прямоугольную форму с сильно закругленными углами. Длинной осью она была ориентирована по линии запад – северо-запад – восток – юго-восток. Её длина – 2,25 м, ширина – 1,2 м. На глубине 1,95 м от древнего горизонта была оставлена ступенька шириной 0,35–0,45 м и высотой 0,5 м. В длинной (южной) стенке входной ямы устроен подбой. Длина подбоя – 2,85 м, ширина – 0,9–1,42 м. Более широкой частью камеры являлась юго-восточная. Дно подбоя находилось на глубине 2,45 м от древнего горизонта. Высота свода, ориентировочно, составляла 0,65 м (рис. 2, 1А, Б).

Узкие края входной ямы были заполнены мягким грунтом. Вся её центральная часть забита более плотной породой, близкой к материковому суглинку. По отношению к узким сторонам заполнение центральной части входной ямы являлось вторичным и представляло собой остатки шурфалаза, через который были частично потревожены располагавшиеся на ступеньке шкура коня и полностью разрушены находившиеся в камере подбоя останки погребённого. Шурф представлял собой колодец, размеры которого не превышали 1,0–1,2 м в диаметре (рис. 2, 1Б). На дне шурфа фиксировалась прослойка плотного серо-зеленого суглинка натёчного характера (рис. 2, 1Б).

На ступеньке и в камере подбоя были найдены кости коня – череп и скаковые конечности. Череп располагался *in situ* в юго-восточной части ступеньки (рис. 2, 1а). Резцовой частью он обращен на восток – юго-восток. Под костями сохранились следы тонких дощечек, покрытых чёрным тленом. Дно ямы в этом месте обильно посыпано золой (рис. 2, 1). Среди костей встречались остатки кожаных уздечных ремней (рис. 2, 1б) со следами прошивки, остатки бронзовых скрепок и накладок со штифтами (рис. 2, 2).

В центральной части ступеньки располагались остатки деревянного седла (рис. 2, 1в). Рядом с ним лежало железное стремя (рис. 2, 1г). Оно имело арочную форму с округлой в сечении дужкой, узкую вогнутую подножку и выделен-

ную в верхней части петлю для ремня. Основание и боковые стороны подножки укреплены ребром жёсткости. Высота стремени – 17,5 см (рис. 2, 8а, б).

В заполнении камеры подбоя у дальней северо-западной стенки были найдены кости задних конечностей коня – копыта, путовые и плюсовые скаковые фаланги, сохранившие общую последовательность естественного сочленения (рис. 2, 1д). Эти кости являлись остатками шкуры (чучела) коня, первоначально располагавшейся либо в западной части подбоя, либо на ступеньке во входной яме. Одиночная трубчатая путовая кость еще одной конечности коня находилась на дне перед входом в подбой (рис. 2, 1д).

В подбое находились кости скелета взрослого человека, мужчины. На костях фиксировались мощные солевые отложения. На ребрах и малой берцовой кости отмечались следы патины зеленого цвета, оставшиеся от соприкосновения с предметом из бронзы, вероятнее всего с зеркалом, найденным здесь же. Скелет был полностью разрушен, а его кости концентрировались грудой у юго-западной стенки камеры подбоя. При этом кости верхней части скелета, длинные кости рук, лопатки, ребра и ключицы располагались по центру камеры. Череп находился среди этой части груды, а длинные кости ног – к северо-западу от них. По всей видимости, до разрушения останков камера подбоя не была заполнена землей, а погребённый лежал на спине, вытянуто, головой на юго-восток.

Среди костей человека найдены две скаковые конечности, крестец и несколько позвонков скелета барана (рис. 2, 1м).

Остатки погребального инвентаря представлены:

– Обломками бронзового зеркала диаметром 10,5 см (рис. 2, 1з, 7а, б);

– Керамическим пряслищем, изготовленным из фрагмента стенки хорошо обожжённого красноглиняного гончарного сосуда типа амфоры. Размеры: 4,2×5 см (рис. 2, 1л, 4а, б);

– Фрагментами железного крюка от колчана с остатками штифтов-креплений по краям. Его длина – 12 см (рис. 2, 1у, 5);

– Обломками железных пластин с боковыми штифтами и шляпками, также являвшихся остатками креплений колчана (рис. 2, 1е, 3а, б).

– Фрагментом железного черешкового ножа с прямой спинкой, перекрестьем и сточенным лезвием. Сохранившаяся длина – 5,3 см (рис. 2, 1к, 6а, б).

– Фрагментом свинцового (?) предмета неясного назначения (рис. 2, 1ж).

Стремя, по классификации Г. А. Фёдорова-

Давыдова, относится к типу БП [25, с. 10–12]. Такие стремени широко использовались населением степных районов Восточной Европы в середине VIII – начале IX вв. [21, с. 167].

Для уточнения хронологии древностей хазарского времени могильника Нагавский II более показательны серьга «салтовского» типа и детали поясных наборов из погребения кургана № 3: фигурная лировидная подвеска, две овальнорамчатые пряжки с прямоугольными проволочными щитками-приемниками, ажурный наколочник U-образной формы [14, с. 256–257; 27, с. 145, 148, 276–277, № 357, 359]. По А. В. Комару, детали ременных гарнитур считаются характерными для раннесалтовского хронологического горизонта «Столбище – Старокорсунская», абсолютными датами которого предложено считать 740–790 гг. [17, с. 123–132]. По И.О. Гавриухину, данные предметы относятся к 3-й фазе эволюции курганов с квадратными ровиками (720/740–760/780 гг.), что соответствует горизонту «Саловский – Романовский-I» [6, с. 412–413. Табл. 1, 121, 155]. Даты, предложенные ведущими исследователями, подтверждает и золотой византийский солид Льва III Исавра 737–741 гг. выпуска, также найденный в погребении кургана № 3 [27, с. 148. Рис. 1; 276. № 355]. Все это и дает необходимые ориентиры, позволяющие связывать время выпадения соколовских древностей могильника Нагавский II с серединой – 3-й четвертью VIII в.

Специфичный обряд труположения останков человека, сопровождаемого шкурами коня и барана в могиле с подбоем, вырезанным в длинной (южной) стенке входной ямы позволяет связывать рассматриваемые древности с кругом памятников типа Соколовской балки [13, с. 75–76]. В качестве салтовских такие памятники впервые были определены Л. С. Клейном после раскопок в 1971 г. кургана № 11 могильника у Соколовской балки [10].

Приоритет хазарской этнической атрибуции этих древностей принадлежит В. П. Шилову [15, с. 150–151]. Опираясь на еще неопубликованные и в то время совершенно неизученные материалы, С. А. Плетнёва в 1981 г. выделила памятники соколовского типа в третий тип погребений СМК, дав им первую научную характеристику – «подкурганые ямные захоронения, преимущественно в подбойных могилах, окруженные квадратными ровиками». Закрепив связь именно этих могил с хазарами, С. А. Плетнёва отметила, что их обнаружение – «самое крупное открытие в современном хазароведении, сравнимое с результатами работ Волго-Донской экспедиции 1948–

1951 гг.» [22, с. 159; 23, с. 82]. Впоследствии вопросы этнической атрибуции памятников типа Соколовской балки решались почти исключительно на основе именно хазарской версии [11; 12; 13; 14; 15; 16].

Скелет погребённого из могилы кургана № 13 оказался разрушен в ходе вторичного проникновения через шурф-лаз. Однако связано это было не с ограблением захоронения, а с постпогребальными обрядами обезвреживания [16]. Период между первичным размещением в могиле останков погребённого и вторичным проникновением с целью их разрушения представляется небольшим. По-видимому, могила кургана № 13 оставалась открытой в течение нескольких годовых периодов, оказавшихся достаточными для полного разрушения мягких тканей погребённого и потери сочлененности костями скелета. По данным А. Ф. Рубежанского, подобное обычно происходит уже в ближайшие 3–5 лет после захоронения [24, с. 19].

Удалось также установить, что проникновение в могилу с целью её разрушения имело место до, а не после сооружения курганной насыпи и осуществлялось с уровня древнего горизонта [16].

Постпогребальные обряды были довольно широко распространены на всей территории Хазарского каганата, в том числе и у представителей титульной этнической группы [26, с. 384]. В связи с этим можно напомнить также и мнение Л. С. Клейна, отмечавшего, что все содержимое захоронения, исследованного в 1971 г. экспедицией ЛГУ в кургане № 11 могильника у Соколовской балки и позднее ставшего эпонимным, было «сильно перемешано, однако погребение не подвергалось ограблению» [10, с. 133]. По мнению В.С. Флёрова, ведущего исследователя данной проблематики, такая характеристика говорит о наличии признаков практикования постпогребального обряда [26, с. 401].

В настоящее время из погребения кургана № 13 сохранились лишь фрагментированная мозговая коробка, лобная, теменные и фрагмент затылочной кости, височные кости, клиновидная кость, которые и были изучены. Судя по массивности костей, выраженности надбровного валика, затылочного гребня и сосцевидных отростков кости принадлежат мужчине. Исходя из степени облитерации черепных швов возраст человека на момент смерти 35–45 лет. Несмотря на выявленные матуризированные признаки на черепе, следует указать на то, что черепная коробка грацильная, толщина костей не более 4–5 мм.

При изучении костей черепа на себя обращает внимание наличие признаков васкулярной реакции на лобных костях в области надбровных

дуг и на теменных костях в районе стреловидного шва (рис. 3, 2).

Также укажем, что на мозговой капсуле имеются следы непреднамеренного искусственного воздействия. Теменно-затылочная деформация на черепной коробке возникла, вероятнее всего, в результате использования в раннем детстве колыбели по типу «бешик» (рис. 3, 1).

Суставная поверхность нижнечелюстных ямок и бугорков несколько изношена, стертость, узлы Поммера. Суставные площадки мыщелков затылочного отверстия носят на себе следы незначительной изношенности, на краях фиксируются краевые разрастания. Рельеф черепной коробки в месте прикрепления мышц *m. occipitalis*, *m. rectus posterior minor*, *m. rectus posterior major* значительно увеличен.

На внутренней поверхности костей черепа выявлены признаки внутричерепного давления в виде «пальцевидных вдавлений» и резко развитого сосудистого рисунка.

Из аномалий на черепе следует упомянуть теменные отверстия на обеих теменных костях и раздвоение сосцевидных отростков зародышевым швом.

В результате обследования черепной коробки мужчины из погребения I кургана № 13 могильника Нагавский II удалось установить следующее.

Мозговая капсула носит на себе следы деформации колыбельного непреднамеренного типа – это результат длительного лежания ребенка на спине. Характеризуется он односторонним давлением (в колыбели типа «бешик») на голову ребенка под влиянием собственной тяжести. Морфологическое отличие этого типа – уплощение и частая асимметрия затылочной области при отсутствии изменений в строении лба, а также общее укорочение и компенсаторное расширение мозговой коробки. Наибольшее распространение этот тип деформации получает в раннем средневековье.

Детская люлька, бешик, имеет широкое распространение в Передней Азии. Часто ее называют переднеазиатской, но она бытует также и у многих народов Средней Азии, Южной Европы и Кавказа [1, с. 109–118; 9, с. 35–37].

Ареал распространения бешика охватывает просторы от Азиатских степей до Балканского полуострова. На азиатском материке, далеко на востоке, колыбель этого типа вошла в быт среди тюркоязычных народов – якутов, бурятов и других монголоидов. На Ближнем Востоке она пользуется успехом среди народов, которые в антропологическом плане относятся к южной ветви большой европеоидной расы, то же можно сказать

и о Южной Европе, и о Кавказе [9, с. 37].

Древнейшие следы бешикового типа деформации черепа наблюдались в катакомбных погребениях эпохи бронзы (Кенкольский могильник Киргизской Республики), а после многовекового перерыва яркий расцвет зафиксирован в эпоху средневековья [8, с. 245]. В. В. Гинзбургом затылочная деформация была отмечена на черепах из зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте [7, с. 273–274]. Непреднамеренная затылочная деформация черепа была зафиксирована в погребениях могильников Нижнего Поволжья и Дельты Волги катакомбного времени эпохи бронзы, хазарского и золотоордынского времени эпохи средневековья [3; 19; 20].

На черепной коробке также обнаружены следы васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» – специфическое изменение надкостницы. Данный маркер принято отождествлять с последствием холодного стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную погоду или в холодную погоду с повышенной влажностью [2, с. 52–53; 4, с. 104–105]. Изучение остеологических палеосерий показывает, что данный признак в подавляющем случае характерен для мужчин в возрасте от 20 до 55 лет. Маркируя данные группы древнего населения как наиболее активные и, соответственно, подверженные воздействию низких температур, ветров.

Еще одна характерная особенность выявлена на костях черепа мужчины из погребения кургана 13 могильника Нагавский II – это специфическое увеличение костного рельефа в затылочной области в месте прикрепления мышц *m. occipitalis*, *m. rectus posterior minor*, *m. rectus posterior major*. К сожалению, отсутствие костей посткраниального скелета не дает возможность провести полноценный анализ морфофизиологических реакций организма на воздействие, связанное со специфической деятельностью данного индивида. Однако фиксация данных признаков на черепе может быть косвенным подтверждением того, что данный индивид длительное время проводил в седле, так как вышеуказанные маркеры входят в комплекс всадничества, который описала А. П. Бужилова [5].

Таким образом, выявленные патологические состояния и деформации на черепной коробке мужчины из погребения кургана 13 могильника Нагавский II в целом соответствуют данным, которые нам известны о населении VIII в. Нижнего Поволжья, подтверждая его юго-восточное и кочевое происхождение.

Библиографический список

1. Абрамзон, С. М. Рождение и детство киргизского ребенка / С. М. Абрамзон // МАЭ. 1949. Вып. XII. С. 78–139.
2. Алексеева, Т. И. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали) / Т. И. Алексеева, Д. В. Богатенков, Г. В. Лебединская. М.: «Научный Мир», 2003. 132 с.
3. Балабанова, М. А. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени: монография / М. А. Балабанова, Е. В. Перерва, Е. Г. Зубарева. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 180 с.
4. Бужилова, А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / А. П. Бужилова, М. В. Козловская, Г. В. Лебединская, М. Б. Медникова. М.: «Старый Сад», 1998. С. 87–147.
5. Бужилова, А. П. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // Орус: Междисциплинарные исследования в археологии / А. П. Бужилова. М., 2008. – С. 110–120.
6. Гавритухин, И. О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремненной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне = Khazars. Jews and Slavs / Редкол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим; М.: Изд-во «Гешарим»; «Мосты культуры», 2005. Т. 16. С. 378–426.
7. Гинзбург, В. В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // МАЭ / В. В. Гинзбург, Е. В. Жиров. Л., 1949. Т. 10. С. 213–265.
8. Касимова, Р. М. О влиянии различных типов колыбели на некоторые антропологические признаки в раннем детском возрасте (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа) / Р. М. Касимова. Баку, 1980. С. 8–41.
9. Клейн, Л. С. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону / Л. С. Клейн, Б. А. Раев, А. И. Семенов, А. В. Субботин // Археологические Открытия – 1971 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 132–134.
10. Круглов, Е. В. К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганых погребений салтово-маяцкой культуры (по материалам восточной группы памятников) / Е. В. Круглов // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе / Редкол. А. В. Колесник, С. М. Дегерменджи, О. Р. Дубовская, М. Л. Швецов. Донецк, 1989. С. 164–165.
11. Круглов, Е. В. Хазарские погребения на реке Аксай / Е. В. Круглов // Древности Волго-Донских степей. Сборник научных статей. Вып. 2 / Науч. ред. В. И. Мамонтов. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1992. С. 145–159.
12. Круглов, Е. В. О «курганах с ровиками», погребениях типа «Соколовской балки» и некоторых иных древностях хазарского времени (к постановке проблемы) / Е. В. Круглов // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: Материалы III МНК, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г. А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000) / Труды ГИМ. Вып. 184 / Отв. ред. В. Г. Рудаков. М.: Изд-во ГИМ,

2013. С. 74–83.

13. Круглов, Е. В. Детали ремненных наборов // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. Казань, февраль – сентябрь 2016 г. / Е. В. Круглов / Ред. А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов. М.: ИД Марджани, 2016. С. 256–257.
14. Круглов, Е. В. Формирование источниковой базы памятников типа Соколовской Балки. Шилов В. П.: курганный могильник Ордынский бугор / Е. В. Круглов // НАВ / Гл. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. Т. 17. № 1. С. 144–159. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.7>
15. Круглов, Е. В. Формирование источниковой базы памятников типа Соколовской балки. Мыськов Е. П.: курганный могильник «Нагавский II» (работы 1987 и 1991 гг.) / Е. В. Круглов // Археология как жизнь. Сборник статей, посвященный памяти Е. П. Мыськова (1955–2018) / Редкол. Е. В. Круглов, А. С. Лапшин, И. Ю. Лапшина. Волгоград: «Сфера», 2019. В печати.
16. Комар, А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Т. 2 / Гол. ред. М. И. Гладких. Київ: Товариство археології та Антропології, 1999. С. 111–136.
17. Мыськов, Е. П. Отчёт о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1991 году (Волгоградская область) / Е. П. Мыськов // Архив ИА РАН. Р-1. № 16726–16728; Архив ВОКМ. № 80, а, б; Архив Лаборатории материальной культуры ВГСПУ.
18. Перерва, Е. В. Палеопатологические особенности хазар из погребений Нижнего Поволжья / Гл. ред. А. С. Скрипкин // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6.
19. Перерва, Е. В. Рентгенологическое исследование деформированных черепов эпохи средней бронзы с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) / Е. В. Перерва // Вестник ВолГУ. Сер. 4. Ист. Волгоград, 2013. № 2 (24). С. 7–19.
20. Плетнёва, С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева / МИА. № 142 / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1967. 198 с.
21. Плетнёва, С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 62–75.
22. Плетнёва, С. А. Проблемы хазарской археологии / С. А. Плетнева // СА. М., 1990. № 2. С. 77–91.
23. Рубежанский, А. Ф. Определение по костным останкам давности захоронения трупа / А. Ф. Рубежанский. М.: Медицина, 1978. 120 с.
24. Фёдоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники / Г. А. Фёдоров-Давыдов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
25. Флёров, В. С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. / В. С. Флёров // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А. В. Евлевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 383–406.
26. Хабарова, Н. В. Каталог археологических находок из фондов Волгоградского областного краеведческого музея / Н. В. Хабарова, П. А. Петров, А. В. Кривошеева // Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея / Гл. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: «Издатель», 2013. С. 243–286.

СОКРАЩЕНИЯ

МИА – Материалы и исследования по археологии
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник
 СА – Советская археология

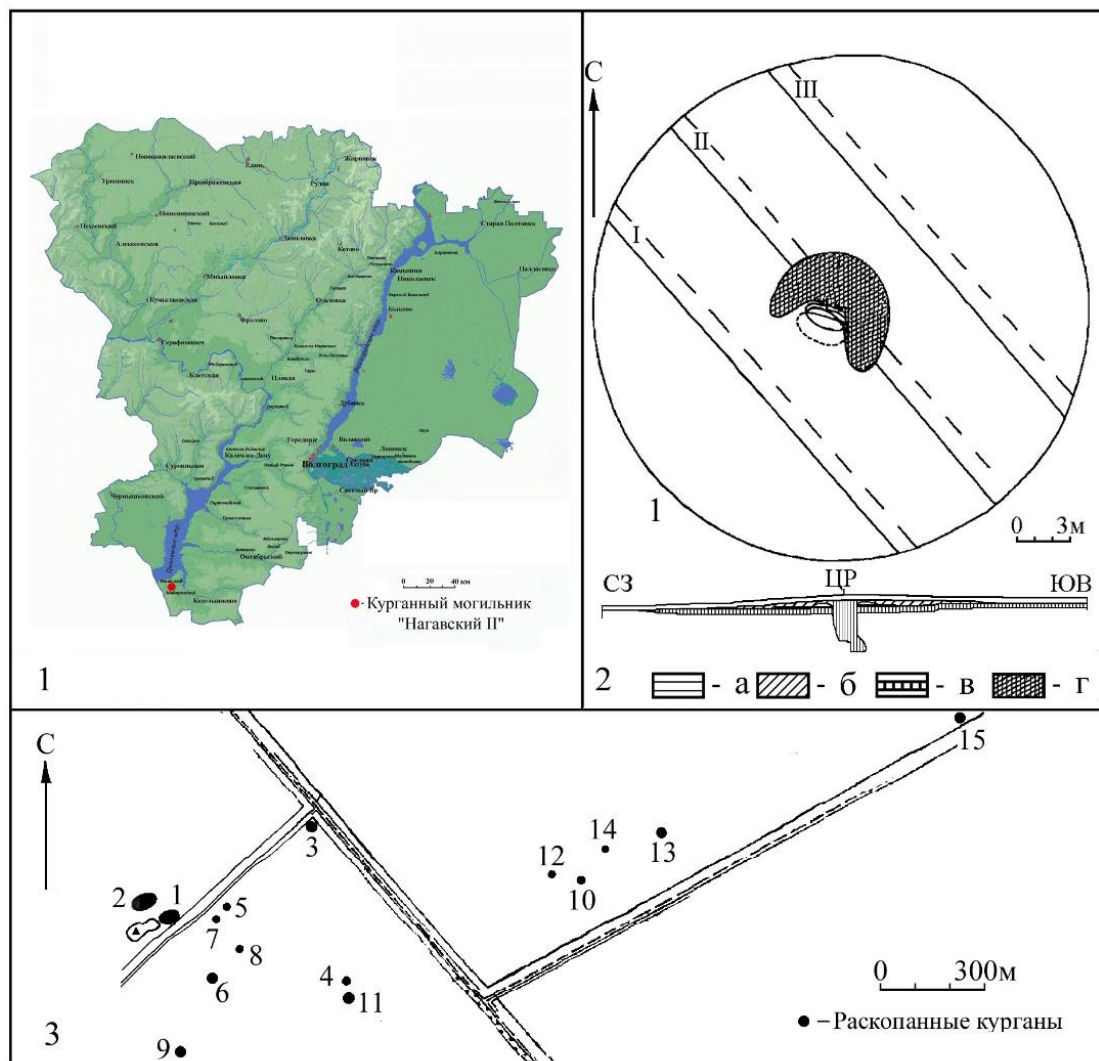

Рис. 1. 1 – могильник Нагавский II на карте Волгоградской области; 2 – план кургана № 13: а – пахотный слой; б – насыпь; в – древняя погребенная почва; г – материковый выкид из могильной ямы; 3 – план курганного могильника Нагавский II.

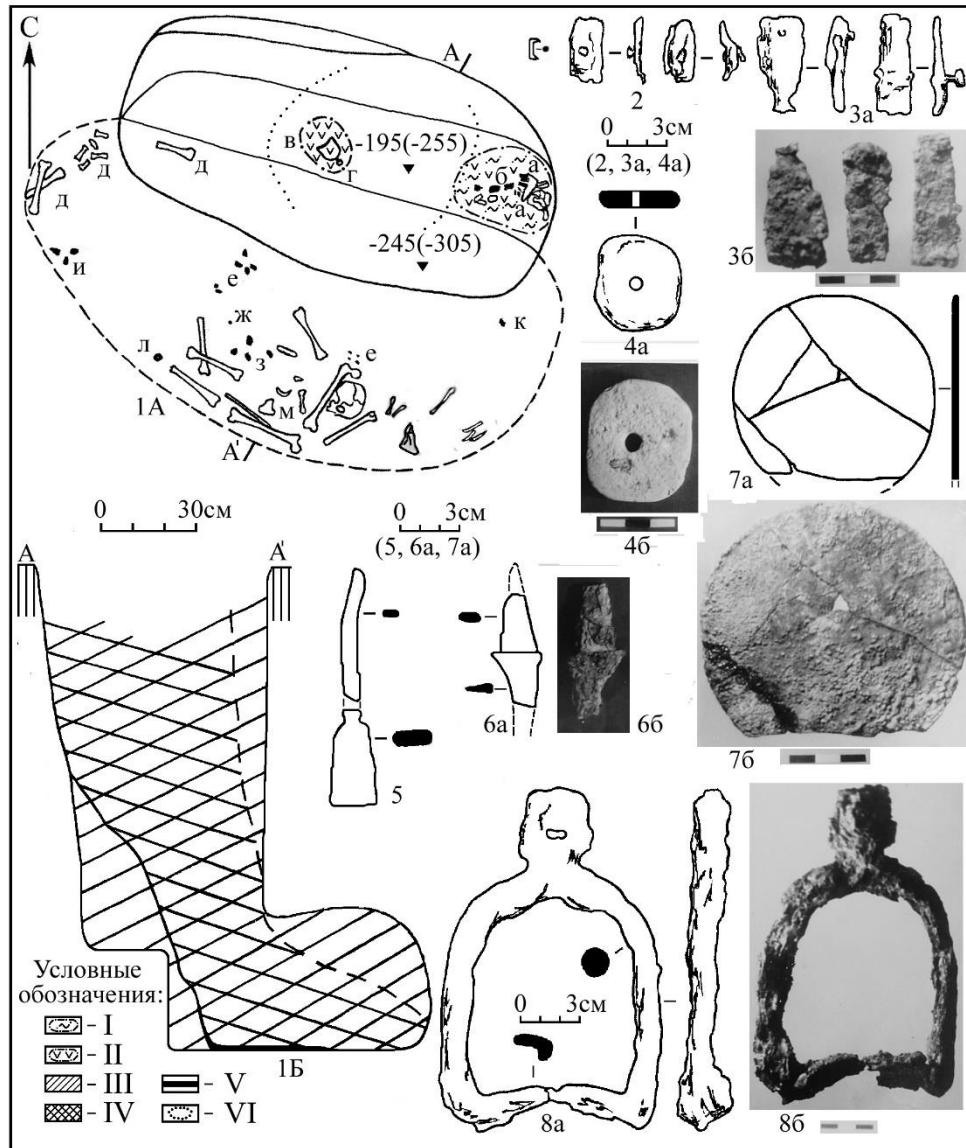

Рис. 2. Погребение кургана № 13 могильника Нагавский II. 1 – план и разрез погребения (а – череп лошади, б – кожаные ремни с остатками накладок и скобок, в – седло, г – стремя, д – конечности шкуры лошади, е – пластины, ж – свинцовое изделие, з – зеркало, и – крюк колчана, к – фрагмент ножа, л – пряслице, м – кости барана). 2 – ременные накладки и скобки; 3 – пластины; 4а, б – пряслице; 5 – крюк колчана; 6а, б – нож; 7а, б – зеркало; 8а, б – стремя. 2, 7 – бронза; 3, 5, 6, 8 – железо; 4 – глина. Условные обозначения: I – зола, II – дерево, III – мягкое первичное заполнение, IV – плотное вторичное заполнение (шурф-лаз), V – натечный слой на дне камеры подбоя, VI – контуры шурфа-лаза.

Рис. 3. 1 – Признаки деформирующего артроза нижнечелюстного сустава в области нижнечелюстной ямки на височной кости у мужчины из погребения кургана № 13 могильника Нагавский II; 2 – следы васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» в области надбровья у мужчины из погребения кургана № 13 могильника Нагавский II.

УДК 902.2
ББК 63.4(2)

СЛЕДЫ ОГНЕННОГО РИТУАЛА В ПОГРЕБЕНИЯХ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ¹

М. В. Кривошеев

Аннотация. В погребальном обряде кочевников позднесарматского времени отмечается использование огненных ритуалов при создании курганных насыпей, надмогильных сооружений и внутри могил. Таких комплексов по отношению к общему количеству позднесарматских захоронений не очень много. Они локализируются преимущественно на территории Южного Приуралья, Зауралья и в Заволжье. К западу от Волги свидетельство использования огня, как привило, ограничивалось находками золы или мелких угольков в насыпях курганов и в могильных ямах. Ни в одном комплексе не отмечено случаев преднамеренной кремации.

Похожие традиции огненных ритуалов на территории урало-волго-донских степей отмечалось в савромато-раннесарматское время. В это время большинство таких захоронений также локализовалось в Южном Приуралье. В историографии сформировалась точка зрения о влиянии на традиции савромато-раннесарматских племен культа огня в результате контактов приуральских кочевников с населением Средней Азии, где существовали глубокие корни индоиранских верований, маздеизма и зороастризма.

Случаи применения огня в погребальном обряде позднесарматских кочевников вряд ли имеют прямую связь с традициями савромато-раннесарматского времени ввиду большого хронологического разрыва. Возможно, их распространение связано с общими направлениями кочеваний. Зимники приуральских кочевников находились районах, близких к Средней Азии. Однако археологических свидетельств применения огня в погребальном обряде среднеазиатского населения неизвестно. По канонам зороастризма контакт священной стихии огня с разлагающейся плотью недопустим.

Ключевые слова: сарматы, позднесарматская культура, кочевники, погребальный обряд, огонь, ритуал, сожжение.

TRACES OF THE FIRE RITUAL IN THE BURIALS OF THE LATE SARMATIAN TIME

M. V. Krivosheev

Abstract. In the course of funeral rite of the late Sarmatian nomads, fire rituals were used during creation of burial mounds, gravestones and inside graves. There are not many such burial complexes with respect to the total number of Late Sarmatian burials. They are located mainly in the Southern Urals, Trans-Urals and the Volga region. Evidences of the fire use limited to ash or small coals in burial mounds and grave pits were found to the west of the Volga area. No complex cases of deliberate cremation were discovered.

Similar traditions of fire rituals on the territory of the Ural-Volga-Don steppes were observed in the Savromats - Early Sarmatian time. At that period, most of these burials were also located in the South Urals. There is a historiographic point of view that Savromats - Early Sarmatian tribes were influenced by fire cult as a result of contacts between the Ural nomads and the people of Central Asia where there were deep roots of Indo-Iranian beliefs, Mazdeism and Zoroastrianism.

Cases of fire funeral rites used by the Late Sarmatian nomads are unlikely to be directly related to the traditions of the Savromats – Early Sarmatian tribes due to the large chronological gap. Perhaps their appearance is associated with general areas of nomadism. The winter roads of the Ural nomads were areas close to Central Asia. However, archaeological evidence of the use of fire in the funeral rite of the Central Asian population is not known. According to traditions of Zoroastrianism, the contact of sacred fire with decaying flesh is unacceptable.

Key words: the Sarmatians, Late Sarmatian culture, nomads, funeral rite, fire, ritual, burning.

Памятники позднесарматской археологической культуры распространились на территории урало-волго-донских степей около сер. II в. н.э. Археологический комплекс позднесарматской культуры появился на этой территории в уже сложившемся виде и имел серьезные отличия от предшествующей среднесарматской культуры. Появля-

ются новые признаки, которые до этого практически не встречались у сарматов: это широкое распространение погребений в узких прямоугольных ямах и подбоях, доминирование северной ориентировки погребенных, искусственная деформация черепов, появление курильниц кубической формы, определенных типов вооружения и др.

¹ Работа выполнена в рамках гранта № 19-09-00471 «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

В ареале позднесарматской культуры выделяются два крупных региона, в которых процессы культуурогеоза происходили по различным сценариям. В Южном Приуралье позднесарматская культура представлена в наиболее чистом виде. Это связано с тем, что на этой территории в предшествующий среднесарматский период кочевое население было малочисленным [13] и, вероятно, не повлияло на облик позднесарматской культуры. Здесь на всех этапах развития позднесарматской культуры ведущими типами ям являются подбои, узкие прямоугольные конструкции, северная ориентировка достигает 70 % [9].

В волго-донских степях носители позднесарматской культуры также появляются около сер. II в. н.э., но наслаиваются на местное среднесарматское население предшествующего этапа, которое продолжало проживать на этой территории. Это приводит к появлению во второй половине II – нач. III в. н.э., преимущественно в Нижнем Поволжье, памятников синкретического облика, сочетающих традиции обеих культур. Это выразилось, к примеру, в появлении здесь диагональных погребений с северной ориентировкой погребенных, высоком проценте южной ориентировки костяков [2]. В первой половине III в. н.э. в волго-донских степях наблюдается вытеснение среднесарматских признаков позднесарматскими и выравнивание диспропорции в развитии погребальных традиций между разными регионами: нормы позднесарматской культуры доминируют на всей территории.

Для второй половины II в. н.э. можно говорить об определённых различиях в развитии двух указанных крупных регионов [12; 13]. К началу III в. н.э. наблюдается унификация обрядовых норм для всего ареала позднесарматской культуры и формирование двух центров власти. Один находился на территории Нижнего Дона и к нему, вероятно, тяготели территории Волго-Донского междуречья и Нижнего Подонья.

Второй центр власти располагался в южноуральских степях. Аристократические захоронения первой половины III в. н.э. в могильнике Лебедёвка в бассейне Илека демонстрируют оформившийся слой позднесарматской элиты [1]. Не исключено, что к этому центру власти тяготели как территории Южного Приуралья, так и Заволжья.

Для позднесарматского времени характерно использование в погребальном обряде золы, угольков. Они нередко встречаются в насыпях курганов, в заполнениях и на дне могил. Комплексы с применением огня можно условно разделить на две группы. К первой следует отнести комплексы со следами использования огня при

сооружении насыпи, ко второй – в могильных ямах.

Применение огня в погребальных комплексах получило наиболее широкое распространение в восточной части ареала позднесарматской культуры. Так, для Южного Приуралья В. Ю. Малашев отмечает присутствие в насыпи или на древнем горизонте кострищ, угля, золы, прокаленного грунта в 6–8 % комплексов. В могилах также встречаются уголь (в 10 %) и зола (в 10 %) [9].

В Волго-Донском междуречье находки золы, углей, прокала грунта в насыпях курганов не превышает 2 % случаев. Внутри могил уголь встречается в 14 % захоронений: преимущественно в заполнении могильных ям и в отдельных случаях в виде локальных скоплений на ступеньках входных ям или на дне могил [6].

В памятниках Южного Приуралья и Зауралья практика использования огня при сооружении надмогильной конструкции имеет различные варианты.

Так, в Зауралье в могильнике Мандесарка-б в центральной части насыпи кургана 1 отмечен провал нижних слоев глиняной площадки, устроенной на уровне погребенной почвы [8, с. 92].

В насыпи кургана 4 могильника Солёный Дол в Зауралье зафиксирована сложная конструкция в виде земляного вала, который был прокален на месте при создании надмогильной конструкции [7, с. 26–45].

Сложный обряд при создании надмогильного сооружения зафиксирован в кургане 10 могильника Красноуральский в Восточном Оренбуржье. В центре кургана на уровне погребенной почвы были разбросаны и сожжены ветки на площадке размером 13,5×14 м. После этого в границах данного участка было создано земляное сооружение, состоящее из смешанного грунта с включением отдельных массивов сильно прокаленной почвы, привнесенных со стороны (рис. 1,1) [5, с. 274, рис. 3].

Другой вариант применения огня в погребальном ритуале зафиксирован в кургане 3 могильника Восточно-Курайлинский 1 на реке Илек. В заполнении широкой прямоугольной ямы были обнаружены остатки деревянного перекрытия, плахи и бревнышки которого были обожжены и рухнули в яму [4, с. 85–87, рис. 29, 1].

В одном из крупнейших позднесарматских могильников Южного Приуралья Покровка Х лишь в одном кургане 22 под насыпью, на уровне погребенной почвы, и в насыпи фиксировались следы применения огня в виде пятен прокала [10, с. 45, 47].

Применение огня в погребальном ритуале позднесарматского населения не ограничивалось

использованием его только при возведении надмогильных сооружений. Следы применения огня обнаруживаются и в могилах.

В погребении 1 кургана 7 могильника Большешкараганский в Зауралье костяк погребенного и дно ямы несут следы присутствия огня. По предположению автора, костер разводился на покойном [3, с. 125].

На территории Заволжья также известны памятники с использованием огня в погребальном обряде. В кургане G6 могильника у с. Старая Иванцовка на уровне древней поверхности вокруг могильной ямы отмечен мощный прокал верхних горизонтов почвы. Автор раскопок И. В. Синицын предположил, что это связано с горением деревянной надмогильной конструкции и перекрытия, которые обрушились во входную яму и обуглили часть костяка (рис. 1,2). При этом насыпь возводилась в момент горения костра [14, с. 108–111, рис. 74].

Обряд использования огня непосредственно в могильной яме зафиксирован в кургане 3 могильника Кочетное в Саратовском Заволжье. В яме с заплечиками дно могилы имело прокал мощностью 3–5 см. По всей площади дна, на скелете и вещах отмечен слой золы мощностью 1–2 см, в котором обнаружено большое количество скелетов змей. На костях ступней погребенного зафиксированы следы воздействия сильного огня [19].

К востоку от Волги использование открытого огня в погребальном обряде практически не фиксируется ни в курганных насыпях, ни в могильных ямах. В Волго-Донском междуречье использование обряда, связанного с огненным ритуалом, как правило, ограничивалось мелкими угольками или небольшими зольниками в насыпи или в заполнении могильных ям [17, с. 91].

Единственный известный нам случай применения сильного огня в позднесарматском памятнике к востоку от Волги зафиксирован на самых западных рубежах ареала позднесарматской культуры – в северном Приазовье. Это курган 2 могильника Чугуно-Крепинка. Это неординарный комплекс раннего этапа позднесарматской культуры. Под курганной насыпью находились две могильные ямы. Основное погребение – богатое женское захоронение в подбойной могиле в южной части кургана. В центре кургана находилось ограбленное позднесарматское погребение, вокруг которого оформлен материковый выкид, в коем прослежены остатки обгоревших деревянных плах, угли, пепел [11].

Выше приведены некоторые примеры использования огня в погребальном обряде кочев-

ников позднесарматского времени. Согласно имеющимся данным можно предположить, что в урало-волго-донских степях выделяются 2 крупных региона, разделённых р. Волгой, археологические материалы из которых демонстрируют различия в применении огненных ритуалов в погребальном обряде.

К востоку от Волги отмечается применение огненных ритуалов, которые отражены в находках сожженных деревянных надмогильных конструкций, перекрытий, в разведении огня на уровне погребенной почвы и образующихся локальных прокала, в засыпании горящего костра в могильную яму. Стоит отметить, что специального трупосожжения, которое можно было бы уверенно отнести к позднесарматскому времени, нам неизвестно.

К западу от Волги эта традиция не находит массового распространения. Здесь применение огня чаще выражено в находках золы, угольков в насыпях курганов, во входных ямах или на дне могильных ям.

Устойчивых обрядовых норм, которые можно было бы отнести к характерным признакам погребального обряда позднесарматской культуры, не наблюдается. Положительной корреляции элементов огненных ритуалов с иными признаками погребального обряда не обнаруживается.

Особенности формирования позднесарматской культуры в различных регионах могли сыграть немаловажную роль в формировании обрядовых норм погребального обряда. Именно Урало-Поволжская группа позднесарматского населения, которая в меньшей степени испытывала влияние предшествующей культуры, демонстрирует использование огненных ритуалов. Не исключено, что ключевым фактором для появления этого обряда здесь могла стать географическая обусловленность. Если кочевники к востоку от Волги устраивали зимники в Предкавказье, Приазовье, то приуральские группы откочевывали в направлении Средней Азии.

Не исключено, что эти обусловленности играли какую-то роль в появлении огненных ритуалов именно в урало-поволжских памятниках и в более ранние периоды. В савромато-раннесарматский период складывалась близкая ситуация с распространением выраженных огненных ритуалов и распределение таких памятников аналогично позднесарматскому времени, т.е. они встречаются в савроматское время только к востоку от Волги [15, с. 94–100].

К. Ф. Смирнов отмечал в савромато-раннесарматское время присутствие огня в кострищах, сожжениях надмогильных сооружений, засыпки

могил остатками костра, иногда с частичным обожжением покойников. Продукты горения, по его мнению, иногда заменялись иными веществами, обычно белого цвета – куски мела, меловая посыпка, серой или реальгаром. Автор связывал это с куклами огня и солнца в погребальном обряде сарматов. Им был выдвинут тезис об огромной роли огня в верованиях ираноязычных кочевников, им приписывалось безусловное огнепоклонство [16, с. 156–157, 159].

Обширное исследование темы применения огня в савроматских и раннесарматских исследованиях выполнено И. В. Ульяновым. Проанализировав более 400 погребальных комплексов на территории урало-волго-донских степей, автор предположил появление огненных ритуалов в среде волго-уральской группы кочевников благодаря контактам с населением приаральских степей, которым были знакомы общие для индоиранских народов авестийские традиции, включая кремации. С развитием зороастризма в VI–V вв. до н.э. этот обычай сходит на нет [18, с. 15]. Согласно канонам зороастризма, контакт огня с телом покойного невозможен. Именно этим фактором автор объясняет применение меловых, золистых, углистых посыпок дна могильных ям, которые должны предотвращать контакт разлагающейся плоти со священной стихией – землей [18, с. 24].

В савромато-раннесарматское время огненные ритуалы не представляли собой всеобъемлющей традиции и не демонстрируют устойчивых канонических. Не исключено, что применение огня в некоторых курганах этого времени в Приуралье вообще не связано с обрядом погребений, а является результатом действий грабителей [18, с. 16–18].

Анализируя применение огня в позднесарматском погребальном обряде стоит отметить, что эта традиция, как и в савромато-раннесарматское время, получила распространение на территории волго-уральских степей. Небольшое количество погребальных комплексов с использованием огня свидетельствует о его спорадичности в погребальном обряде. Разнообразии вариантов использования огня не позволяет говорить об устойчивых канонах в его применении. Семантика применения огня, на наш взгляд, не позволяет говорить о наличии культов огня в верованиях позднесарматского населения. Не исключено, что в некоторых случаях огню приписывались очистительные свойства. Нельзя исключать, что применение огня могло носить и санитарные функции.

При современном состоянии разработки вопроса сложно говорить об истоках традиции применения огня в позднесарматских памятниках. На территории Урало-Поволжья огненные обряды

применялись за пять столетий до появления аналогичных форм проявления огненных ритуалов у позднесарматских памятников. Поиски истоков традиций в столь отдаленных хронологических периодах не выдерживают критики. Тем более что в периоды, разделяющие эти две эпохи, подобные традиции не получили столь выраженных проявлений, и в среднесарматский период на этой территории население было разреженным.

Основные культуурообразующие признаки позднесарматской культуры появляются с её носителями на всей территории распространения около сер. II в. Огненные ритуалы не входят в этот список. В позднесарматских памятниках не прослеживаются устойчивые формы проявления огненных ритуалов. Если исходить из предположения, что формирование позднесарматского культурного комплекса происходило в территориально близком ареале для всех групп позднесарматской культуры – и волго-донской и урало-поволжской, для них в равной степени должны были быть характерны огненные ритуалы. Однако этого не наблюдается. Вероятно, проникновение огненных обрядов к кочевникам урало-заповолжской группы связано с их внешними контактами уже после утверждения на этой территории. На соседних территориях в синхронных культурах такие проявления огненных обрядов нам неизвестны. Учитывая направленность перекочевок приуральских номадов и расположение их зимников в среднеазиатских степных районах, можно, вслед за предшественниками, предположить заимствование и переработку неких обрядовых норм, связанных с использованием огня в ритуалах. Однако они не получили столь широкого распространения, как в савроматское время.

Неясным остается вопрос назначения огня в погребальном обряде позднесарматского населения. Не исключено, что огонь не был предметом поклонения и его применение в каждом конкретном случае преследовало разные цели: очистительную, защитную, санитарную и др.

Библиографический список

1. Багриков, Г. И. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–V и XIV вв.) / Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова // Известия АН КазССР, серия общественная. 1968. № 2. С. 71–87.
2. Балабанова, М. А. Диагональные погребения как маркер преемственности в сарматских культурах в первые века нашей эры / М. А. Балабанова, М. В. Кривошеев // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17. № 1. 2018. С. 50–75. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.3>
3. Боталов, С. Г. Большекараганский могильник II–III вв. н.э. / С. Г. Боталов // Кочевники Урало-Казах-

станских степей. Сборник научных трудов. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 122–143.

4. Боталов, С. Г. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей / С. Г. Боталов, С. Ю. Гуцалов. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.

5. Бытковский, О. Ф. Новые сарматские погребения из Восточного Оренбуржья / О. Ф. Бытковский // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 11. С. 272–282.

6. Кривошеев, М. В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук / Кривошеев Михаил Васильевич. Волгоград, 2005. 336 с.

7. Любчанский, И. Э. Курганный могильник Солёный Дол (итоги исследований 2006–2010 годов) / И. Э. Любчанский. Челябинск: АБРИС. 2017. 124 с.

8. Макурова, М. Р. Погребения эпохи «поздней древности» курганного могильника Мандесарка-6 / М. Р. Макурова, Ю. С. Макуров, И. Э. Любчанский, Е. О. Шиманский // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17. № 1. С. 90–107.

9. Малашев, В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук / Малашев Владимир Юрьевич. М., 2013. 301 с.

10. Малашев, В. Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10 / В. Ю. Малашев, Л. Т. Яблонский. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

11. Моруженко, А. А. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1985 году / А. А. Моруженко, С. Н. Санжаров, В. А. Посредников // Научный архив ИА НАНУ. № 21381. 1985.

12. Мошкова, М. Г. К вопросу о двух локальных

вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н.э. / М. Г. Мошкова // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1994. С. 18–23.

13. Мошкова, М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья / М. Г. Мошкова // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 22–44.

14. Сеницын, И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья / И. В. Сеницын. Саратов: СГУ, 1947. 134 с. + табл.

15. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К. Ф. Смирнов. М.: Наука, 1964. 381 с.

16. Смирнов, К. Ф. Сарматы-огнепоклонники / К. Ф. Смирнов // Археология Серверной и Центральной Азии / отв. ред. Окладников А. П., Деревянко А. П. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1975. С. 155–159.

17. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Восточная литература, 2009. 176 с.

18. Ульянов, И. В. Роль огня в погребальной практике ранних ираноязычных кочевников Урало-Поволжья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. / Ульянов Иван Владимирович. Ижевск, 2002. 25 с.

19. Юдин, А. И. Отчет о раскопках курганной группы к востоку от с. Кочетного Ровенского района Саратовской области в 1990 г. / А. И. Юдин. Саратов. Архив ИА РАН. Р-1 № 14869. 1991.

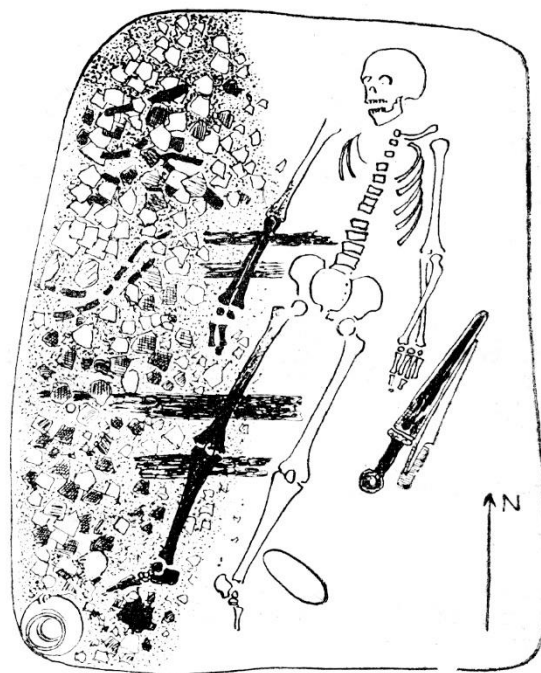
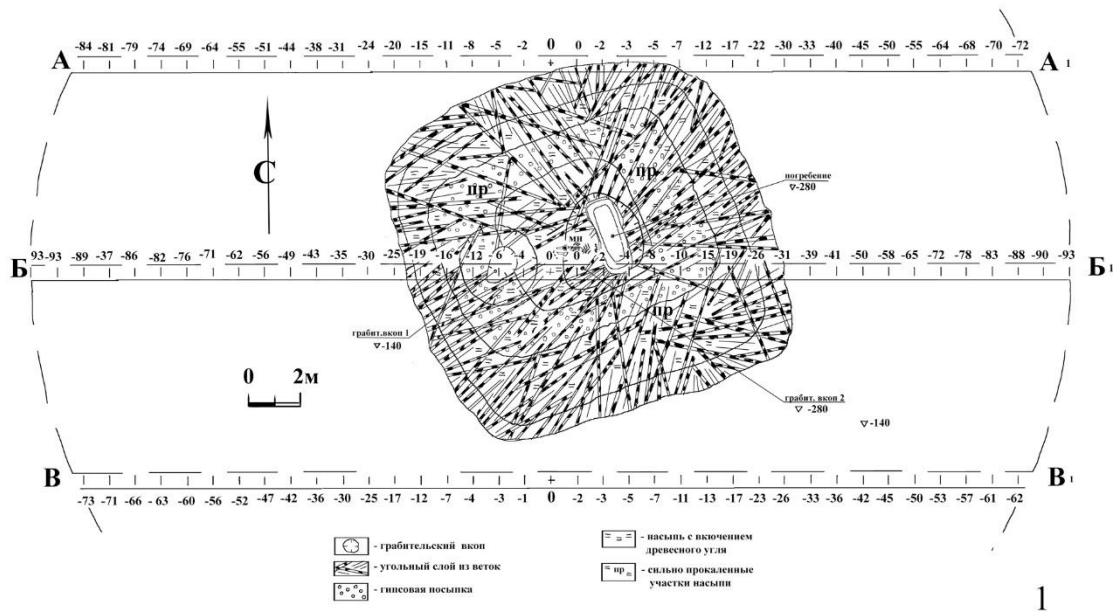

Рис. 1. Примеры применения огня в погребальных памятниках позднесарматского времени. 1 – Красноуральский, кург. 10. По [5, рис. 3]; 2 – Старая Иванцовка, кург. G6. По: [14, с. 109, рис. 74].

УДК 902.2:397(470.45)
ББК 63.442.6(235.54)

НОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ¹

А. Н. Дьяченко

Аннотация. Данная статья посвящена публикации материалов археологического исследования кургана эпохи средней бронзы, располагавшегося в южной части Волго-Донского междуречья в составе курганного могильника Абганерово III, раскопки которого были проведены экспедицией Волгоградского госуниверситета в 1994–1996 гг.

Исследуемый курган (№12) размещался на краю береговой террасы степной реки Аксай Есауловский, впадающей с востока в Дон. В процессе его раскопок впервые был получен серийный археологический и антропологический материал, относящийся к двум катакомбным культурам среднебронзового века – волго-донской и маньчской. Хронологически эти культурные группы близки между собой, сближают их схожие черты в погребальном обряде, имеются некоторые соответствия в вещевом комплексе. В то же время в основе их формирования и развития находятся разные компоненты. Волго-донская культура оформилась как симбиоз местного (нижневолжского) культурного субстрата начала средней бронзы и раннекатакомбной донецкой культуры. В основе сложения маньчской культуры лежат культурные традиции Предкавказья. Влияние культур Северного Кавказа находит проявление во многих элементах погребального ритуала и особенно в керамическом комплексе. Дата катакомбных захоронений кургана 12 определена в границах последней трети III тыс. до н.э.

Ключевые слова: бронзовый век, катакомбная культура, погребальный обряд, культурурогенез, стратиграфия, керамический комплекс

NEW BURIAL MONUMENT OF THE BRONZE AGE FROM THE VOLGA-DON INTERFLUVE. PROBLEMS OF INTERPRETATION AND CHRONOLOGY

A. N. Dyachenko

Abstract. The present article is devoted to the publication of archaeological materials from a Bronze-Age era burial mound. The burial mound was located in the southern part of the Volga-Don interfluve, in Abganerovo III Kurgan Cemetery, excavated by the expedition of Volgograd State University in 1994–1996.

The burial mound (№12) under investigation was situated on the edge of the terrace of the Aksay Yessaulovsky river flowing into the Don from east. It was the first time when researchers obtained series of archaeological and anthropological materials related to two Catacomb cultures of the Middle Bronze Age – the Volga-Don and Manych Catacomb cultures. Chronologically, these cultural groups are close to each other. There are some similar features in the burial rite and in grave goods. At the same time, different components contributed to the formation and development of these cultures. The Volga-Don culture is a result of symbiosis of the local (Lower Volga) cultural substrate of the early Middle Bronze period and early Catacomb Donetsk culture. As to Manych culture, it is based on the cultural traditions of the Pre-Caucasian region. The influence of North Caucasian cultures is revealed in many elements of the burial rite, especially in the ceramic complex. Catacomb burials of Kurgan 12 are dated to the last third of the 3rd millennium BC.

Key words: Bronze Age, Catacomb culture, burial rite, cultural genesis, stratigraphy, ceramic complex

Южная часть Волго-Донского междуречья насыщена разновременными археологическими памятниками, среди которых преобладают курганы, как отдельно стоящие, так и группирующиеся в крупные могильники. Как правило, они располагаются на межбалочных водоразделах или береговых террасах, приуроченных к долинам двух степных речек, притоков Дона – Аксай Курмоярского и Аксай Есауловского. Территория

междуречья Волги и Дона в археологическом отношении достаточно хорошо изучена. Особенно плодотворно в последние 50–60 лет проходило исследование археологических памятников в бассейне Аксай Есауловского, где в разные годы работали экспедиции ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК, Волгоградского областного краеведческого музея, Волгоградского пединститута и Волгоградского госуниверситета.

¹ Работа выполнена в рамках исполнения гранта РФФИ № 19-09-00471 «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

В результате этих работ были получены новые археологические, палеоантропологические и палеопочвенные данные по ряду степных археологических культур. Относительно полно в них представлен ранний железный век и средневековье, в меньшей степени – эпоха бронзы. Несмотря на то, что погребения эпохи бронзы эпизодически встречаются в составе отдельных курганов или курганных групп (к/м Аксай I и III, Перегрузное I, Ковалевка и др.), отсутствие массового, хорошо стратифицированного материала существенно осложняет изучение процессов культуругенеза в данном регионе.

Публикуемая статья отчасти восполняет этот пробел, представляя материалы исследования погребений бронзового века, полученные в результате раскопок кургана № 12 курганного могильника Абганерово III, располагавшегося в южной части Волго-Донского междуречья. Полевые работы были проведены экспедицией Волгоградского госуниверситета в 1996 г. под руководством автора.

Могильник Абганерово III, насчитывающий более 30 насыпей разного объема и степени сохранности, располагался на пологом участке водораздела, плавно понижающемся к береговой линии р. Аксай Есауловский, в 3 км к ЮЗ от с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области (рис. 1, 1). Курганы размещались цепочкой по линии З – В на участке целинного поля протяженностью 1,8 км. В 1994 г. экспедицией ВолГУ были проведены раскопки 11 курганов (№№ 1–11), материал этих раскопок был опубликован ранее [4, с. 83–139].

Курган 12 находился на краю береговой террасы и являлся самым крупным в могильнике. Его насыпь имела обширную оплывшую форму высотой 1,24 м и диаметром 35 м. Центральная часть насыпи была повреждена ямами современного происхождения. С северо-запада к насыпи примыкал ров – место выемки грунта при создании насыпи, его размер: 21 × 9,5 м (рис. 1, 2). Стратиграфические наблюдения показали, что насыпь возводилась в один прием, каких-либо досыпок выявлено не было.

В процессе раскопок в насыпи были обнаружены следующие предметы.

А. На расстоянии 7,15 м на СЗ от центра кургана на глубине 0,75 м от 0 – лепная сероглиняная курильница на крестовидном поддоне, орнаментированная прочерченными линиями и оттисками веревочки. Высота курильницы – 9,4 см, диаметр чаши – 19 см (рис. 4, 1). Рядом находился небольшой лепной сосуд, имеющий биконическое тулово с высоким горлом и открытым

устьем. На тулове сохранился налп от вертикальной ручки. Ребро сосуда украшено круговым рядом оттисков, нанесенных треугольной лопаточкой. Высота сосуда – 7,8 см, диаметр тулова – 9,5 см (рис. 4, 2). Здесь же найдена лепная плоскодонная банка, на стенках которой сохранились округлые выемки, служившие, вероятно, местом крепления вертикальной ручки. Высота изделия – 4,8 см, диаметр устья – 9,0 см (рис. 4, 3).

Б. На расстоянии 4,2 м на ВСВ от центра кургана на глубине 0,49 м от 0 зачищен развал лепного сероглиняного сосуда, имеющего биконическое тулово с высоким раструбовидным горлом. К горловине крепились небольшая горизонтальная ручка. Высота сосуда – 11,2 см, диаметр тулова – 11,1 см (рис. 4, 4).

В. На расстоянии 7,6 м на ЮЮВ от центра кургана на глубине 0,66 м от 0 найдена придонная часть небольшого плоскодонного сероглиняного горшка с кусочком охры внутри. Высота – 3,1 см, диаметр днища – 5,7 см (рис. 4, 5).

Все вышеперечисленные керамические предметы являются элементами поминальной тризны и, вероятнее всего, близки по времени их оставления в насыпи.

В кургане находилось 18 погребений.

Погребение 1 (рис. 2, 1). Обнаружено на расстоянии 2,2 м на ЮВ от центра кургана, на глубине 1,2 м от 0. Форма могильного сооружения не установлена. Скелет взрослого человека лежал на левом боку, скорченно, черепом ориентирован на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти находились перед лицом погребенного. Ноги были согнуты в коленях под острым углом, голени окрашены охрой. Чуть выше таза погребенного собрано несколько мелких неорнаментированных фрагментов лепной керамики с примесью шамота и мелкой ракушки в тесте.

Погребение 2 (рис. 2, 2). Обнаружено на расстоянии 7,6 м на ЮВ от центра кургана, на глубине 1,0 м от 0. Параметры могильного сооружения не установлены. Скелет женщины 18–20 лет лежал на левом боку с завалом на грудь в сильной степени скорченности. Черепом погребенная ориентирована на СВ, лицевая часть обращена вниз. Ноги, согнутые в тазобедренных и коленных суставах, подтянуты к груди. Левая рука вытянута за спиной, правая согнута в локте под острым углом, кистью направлена к черепу. Вещей нет.

Погребение 3 (рис. 2, 3). Обнаружено на расстоянии 6,3 м на ВСВ от центра кургана. Могильная яма имела овальную форму, продольной осью ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Длина ямы – 1,1 м, ширина – 0,9 м, глубина от – 1,27 м от 0. На дне около восточной стенки ямы лежали

разрушенные грызунами кости младенца. Положение погребенного определить не удалось. Рядом с костями человека находился лепной сероглиняный сосуд, имеющий биконическое тулово и прямое невысокое горло. К горловине крепились вертикальная петлевидная ручка. Высота сосуда – 18,6 см, диаметр тулова – 18,0 см, высота ручки – 6,0 см (рис. 4, б).

Погребение 4 (рис. 2, 4). Обнаружено на уровне древнего горизонта в 3,2 м на ЮВ от центра кургана. Вверху могильная яма имела прямоугольную форму размером 2,0 × 1,05 м, продольной осью ориентирована по линии СВ–ЮЗ. К низу яма расширилась по всему периметру. Ее размеры по дну: 2,25 × 1,65 м. Глубина могильного сооружения – 1,93 м (– 2,93 м от 0). На дне скорченно на левом боку лежал скелет мужчины, черепом и позвоночным столбом ориентированный на СВ. Правая рука согнута в локте под прямым углом, предплечье вытянуто к тазу. Левая рука находилась в вытянутом положении под костяком. Кости человека окрашены охрой.

В заполнении могильной ямы, в юго-западном углу обнаружен лепной плоскодонный горшок, имеющий округлое тулово с прямым горлом и широкую петлевидную ручку в верхней части. По плечу прочерчены тонкая сплошная и пунктирная линии, пространство между которыми заполнено круговым зигзагом и точечными наколами концом заостренной палочки. Тесто в изломе черное, с примесью шамота. Высота горшка – 16,4 см, диаметр тулова – 17,0 см (рис. 4, 7).

За черепом погребенного расчищены овальные бронзовые бусы (9 шт.) диаметром 0,4 см (рис. 4, 9).

У юго-восточной стенки ямы стоял лепной сероглиняный горшок с выделенным плечиком в верхней части и широким открытым устьем. Тулово украшено оттисками зубчатого штампа в виде горизонтальной елочки. Высота сосуда – 17,6 см, диаметр тулова – 21,6 см (рис. 4, 8). Рядом лежали трубчатые кости овцы, окрашенные охрой.

Перед коленями погребенного находилась жаровня – боковина крупного глиняного горшка. Внешняя поверхность покрыта елочным узором, образованным оттисками крупнозубчатого штампа. Размеры жаровни: 23 × 24 см (рис. 4, 10).

Погребение 5 (рис. 2, 5). Могильная яма овальной формы, продольной осью ориентированная по линии ВСВ–ЗЮЗ, обнаружена в 6,5 м на ЮЮЗ от центра кургана. Ее длина – 1,5 м, ширина – 1,25 м, глубина – 1,8 м от 0. На дне могильного сооружения скорченно на правом боку лежал скелет ребенка 3–4 лет, черепом ориентированный на восток. Кости черепа окрашены охрой.

Перед черепом находились фрагменты лепного короткошейного горшка. Внешняя поверхность орнаментирована елочным узором, состоящим из оттисков гребенчатого штампа. Высота сосуда – 12,5 см (рис. 4, 11). Под черепом найдена бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота диаметром 1,3 см (рис. 4, 12). Рядом с черепом лежали кости ноги овцы.

Перед грудью погребенного обнаружен обломок речной раковины-перловицы.

В заполнении могильной ямы, чуть выше черепа человека найдено обработанное костяное колечко с боковой выемкой. Диаметр – 0,9 см (рис. 4, 13).

Погребение 6 (рис. 2, 6). Плохо сохранившиеся кости младенца были обнаружены в 5 м к югу от центра кургана, на глубине 0,95 м от 0. Форма могильной ямы не определена. Судя по расположению фрагментов черепа, рук и ног, погребенный был ориентирован в северный сектор горизонта.

Около фрагментов черепа находился небольшой лепной горшочек, имеющий округлое тулово с невысокой прямой горловиной и уплощенное дно. Высота сосуда – 8,3 см, диаметр тулова – 8,4 см (рис. 4, 16). Рядом находился небольшой лепной сероглиняный сосуд амфоровидной формы с двумя диаметрально расположенными вертикальными ручками, прикрепленными к горловине. Высота сосуда – 12,2 см, диаметр тулова – 10,6 см, высота ручек – 3,0 см (рис. 4, 15). Здесь же расчищен развал третьего лепного сероглиняного горшка, имеющего округлое тулово и зауженное устье. Его высота – 8,4 см, диаметр тулова – 12,1 см (рис. 4, 14).

Погребение 7 (рис. 2, 7). Могильная яма прямоугольной формы, ориентированная продольной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ, выявлена на уровне древнего горизонта в 7,5 м на ЮЗ от центра кургана. Ее длина – 2,0 м, ширина – 1,05 м, глубина – 1,25 м. На дне могильного сооружения скорченно на левом боку лежал скелет женщины старческого возраста. Черепом погребенная была ориентирована на ВЮВ. На черепе отмечены следы прижизненной искусственной деформации. Ноги сильно согнуты в коленях. Левая рука вытянута вдоль туловища; правая слабо согнута в локте, предплечье находилось на тазе.

За спиной погребенной лежал череп овцы. Около левой руки расчищен развал лепного сероглиняного горшка с выделенным в верхней части ребром. На стенках заметны следы беспорядочных расчесов. Высота сосуда – 16,6 см, диаметр тулова – 20,2 см (рис. 5, 1).

В ногах погребенной стоял крупный лепной сероглиняный горшок с резко расширяющимся к

верху туловом. В боковине отмечены два сквозных отверстия диаметром 0,5 см. Устье не сохранилось. Высота горшка – 24 см, диаметр тулова – 29 см (рис. 5, 2).

Погребение 8 (рис. 2, 8). Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная продольной осью по линии З-В, выявлена на уровне древнего горизонта, на расстоянии 5,6 м на ВЮВ от центра кургана. Длина ямы – 1,5 м, ширина – 1,1 м, глубина – 0,95 м. На дне могильного сооружения скорченно на правом боку с завалом на спину лежал скелет женщины старческого возраста. Ориентировка погребенной – западная. На черепе, окрашенном охрой, отмечены следы прижизненной искусственной деформации. Ноги сильно согнуты в коленях, ступни подтянуты к тазу. Правая рука вытянута к бедрам, кости левой руки не сохранились.

В северо-западном углу ямы стоял лепной сероглиняный горшок с выделенной шейкой и открытым широким устьем. По плечу нанесен елочный узор, состоящий из оттисков зубчатого штампа. Придонная часть орнаментирована пучком косых оттисков мелкозубчатого штампа. Высота горшка – 17,4 см, диаметр тулова – 20,4 см (рис. 5, 3). Внутри сосуда находились кости ноги овцы и 2 кусочка охры (гематит).

Под черепом погребенной обнаружена костая трубочка подтреугольного сечения с поперечными прорезями (рис. 5, 4). Ее длина – 4,0 см, диаметр – 0,7 см.

Погребение 9 (рис. 2, 9). Скелет мужчины старческого возраста, лежащий скорченно на левом боку, обнаружен на расстоянии 3,2 м к северу от центра кургана на глубине 1,3 м от 0. Параметры могильной ямы не установлены. Ориентировка погребенного северо-западная. Ноги согнуты в коленях под острым углом, руки вытянуты к бедрам. Около левой руки лежали кость ноги КРС и трубчатые кости овцы.

Погребение 10 (рис. 3, 1). Располагалось в 5 м к северу от центра кургана. Могильное сооружение имело подбойную конструкцию. Входная яма подквадратной формы размером 1,55 × 1,5 м, стенками ориентирована по странам света. Ее глубина – 2,05 м от 0. Подбой был устроен в северной стенке. Он имел овальную форму, продольной осью ориентирован по линии З – В. Длина – 1,65 м, ширина – 1,0 м, глубина от уровня dna входной ямы – 0,15 м, высота свода – 0,65 м. На дне подбоя скорченно на левом боку лежал скелет женщины, черепом ориентированный на ВЮВ. Руки слабо согнуты в локтях, предплечья располагались перед грудью. Ноги согнуты в коленях под острым углом, ступни подтянуты к тазу.

За черепом погребенной стоял лепной глиняный горшок, имеющий округлое тулово с высоким открытым горлом. К верхней части тулова прикреплена вертикальная петлевидная ручка. Высота сосуда – 19,6 см, диаметр тулова – 18,8 см (рис. 5, 6).

В районе шеи и груди собраны бусы: 20 перламутровых цилиндрических и дисковидных диаметром 0,5–0,6 см; 10 гешировых цилиндрических и дисковидных диаметром 0,4–0,5 см; 23 бронзовых округлой формы диаметром 0,4–0,5 см (рис. 5, 5).

Погребение 11 (рис. 2, 10). Обнаружено в насыпи кургана, на расстоянии 5,7 м на ЮВ от центра, на глубине 0,94 м. Параметры могильной ямы не установлены. Скелет ребенка 5–7 лет лежал скорченно на левом боку, черепом ориентирован на ВСВ. Кости рук находились перед лицевой частью черепа.

Под черепом найден изогнутый обломок бронзового предмета с заостренным концом. Длина – 2,6 см, толщина сечения – 0,5 см (рис. 5, 7).

Погребение 12 (рис. 3, 2). Располагалось на расстоянии 3,9 м на восток от центра кургана. Могильная яма имела овальную форму размером 1,4 × 1,1 м, продольной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Глубина могильного сооружения – 1,55 м от 0. При совершении данного погребения было разрушено более раннее погребение 13.

На дне могильной ямы скорченно на левом боку с завалом на грудь лежал скелет взрослого человека, черепом ориентированный на СВ. Согнутые в локтях руки кистями направлены к черепу. Кости таза и ног окрашены охрой.

Перед черепом стояла небольшая лепная сероглиняная банка. Высота изделия – 7,0 см, диаметр устья – 10,4 см (рис. 5, 8). Под черепом обнаружен сильно коррозированный фрагмент бронзового предмета (подвеска).

Погребение 13 (рис. 3, 2). Сохранившаяся часть могильной ямы размером 0,75 × 0,6 м и глубиной 1,1 м от 0 располагалась у ЮВ границы погребения 12. На дне в беспорядке лежали обломки черепа и костей ног младенца. Здесь же обнаружено несколько фрагментов сероглиняной курительницы. Сохранился обломок крестовидной подножки и фрагмент чаши с широким уплощенным бортиком. Изделие орнаментировано оттисками веревочки и округлыми вдавлениями концом трубочки (рис. 5, 13).

Среди фрагментов черепа найден обломок галечного желвака подпрямоугольной формы. Поверхность затерта охрой. Размеры: 10,0 × 6,3 × 1,6 см (рис. 5, 11). Рядом лежали кости овцы (обломки ребер и ног).

В юго-восточной части могилы расчищен развал небольшого лепного подреповидного сосуда. Средняя часть тулова украшена веревочным орнаментом в сочетании с кольцевыми вдавлениями. Высота сосуда – 10,0 см, диаметр тулова – 16,2 см (рис. 5, 9). Рядом найден фрагмент венчика лепного горшка, верхний край которого расщеплен косыми вдавлениями (рис. 5, 12). Здесь же обнаружено костяное необработанное кольцо диаметром 2,0 см (рис. 5, 10).

Погребение 14 (рис. 3, 3). Могильная яма овальной формы, ориентированная продольной осью по линии 3-В, выявлена на уровне древнего горизонта, в 5,4 м на ЮЮВ от центра кургана. Длина ямы – 1,05 м, ширина – 0,75 м, глубина – 0,7 м. В северо-восточной стенке располагался небольшой подбой. Его длина – 0,75 м, ширина – 0,2 м, высота свода – 0,3 м. В подбое скорченно на правом боку лежал скелет ребенка 3–4 лет, черепом ориентированный на восток. На черепе, окрашенном охрой, отмечены следы искусственной деформации. Грудная клетка и кости рук не сохранились.

Около черепа стоял лепной сероглиняный горшок с выделенной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Верхний срез венчика расщеплен косыми отпечатками веревочки, шейка украшена горизонтальными линиями отпечатков веревочки, средняя часть тулова украшена волнообразной полосой, выполненной также веревочным штампом. Придонная часть сосуда украшена отпечатками зубчатого штампа в виде горизонтальной елочка. Высота горшка – 10,0 см, диаметр тулова – 14,0 см (рис. 5, 14).

Погребение 15 (рис. 3, 5). Могильная яма овальной формы, ориентированная продольной осью по линии СВ-ЮЗ, располагалась в 4,5 м к югу от центра кургана. Длина ямы – 2,05 м, ширина – 1,05 м, глубина – 1,45 м от 0. На дне скорченно на левом боку лежал скелет взрослого человека, черепом ориентированный на СВ. Правая рука согнута в локте под прямым углом, предплечье вытянуто к правому бедру. Левая рука согнута в локте под острым углом, предплечье направлено к груди.

У юго-западного края ямы на древнем горизонте лежали рубленые кости КРС: лопатки, фрагменты костей ног и таза. В верхних слоях могильного заполнения встречено несколько фрагментов лепного сероглиняного горшка. Обломки придонной части и венчика украшены отпечатками зубчатого штампа (рис. 5, 15).

Погребение 16 (рис. 3, 4). Могильная яма широкой овальной формы, ориентированная продольной осью по линии СВ-ЮЗ, обнаружена на уровне древнего горизонта, на расстоянии 7,1 м на

ЗСЗ от центра кургана. Длина ямы – 2,05 м, ширина – 1,3 м, глубина – 1,55 м от 0. На дне могильного сооружения скорченно на левом боку лежал скелет мужчины (?), черепом ориентированный на СВ. Правая рука слегка согнута в локте, предплечье находилось на тазе. Левая рука вытянута к бедрам. На поясничных позвонках зафиксированы два пятна желтой охры (лимонит).

В верхних слоях могильного заполнения расчищены 3 керамических сосуда, первоначально, вероятно, стоящие на перекрытии.

Один из них – небольшой плоскодонный горшочек с выделенным ребром в верхней части. Его высота – 5,2 см, диаметр тулова – 6,8 см (рис. 5, 18). Рядом находился развал лепного сероглиняного кувшина с вертикальной петлевидной ручкой, прикрепленной к широкой горловине. Под венчиком и по перегибу прочерчены круговые линии. Горловина украшена треугольными пучками врезных линий. Высота сосуда – 13,8 см, диаметр тулова – 13,2 см (рис. 5, 17). Здесь же находилась расслоившаяся лепная сероглиняная курильница на крестовидной подножке. Верхний срез чаши, тулово и нижняя часть подножки украшены отпечатками веревочки и рядами глубоких наколов концом заостренной палочки. Высота курильницы – 8,0 см, толщина стенки – 1,0 см (рис. 5, 16).

Погребение 17 (рис. 3, 6). Погребение совершено в Н-образной катакомбе. Входная яма прямоугольной формы, ориентированная продольной осью по линии ССЗ-ЮЮВ, выявлена на уровне древнего горизонта, в 2,5 м к ЗСЗ от центра кургана. Длина ямы – 1,7 м, ширина – 1,2 м, глубина – 1,6 м (– 2,75 м от 0). Погребальная камера, имевшая овальную форму, устроена в восточной стенке входной ямы. Длина камеры – 2,1 м, ширина – 1,3 м, глубина от уровня пола входной ямы – 0,4 м, высота свода – 0,6 м.

На дне камеры со смещением к юго-востоку лежал скелет мужчины 30–35 лет. Погребенный покоился в скорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на юг. Руки слабо согнуты в локтях, предплечья направлены к бедрам. Ноги сильно согнуты в коленях, ступни подтянуты к тазу. Под костяком отмечен коричневатый тлен подстилки из коры. Кости человека и подстилка обильно посыпаны охрой. В области поясничных позвонков найдены небольшие кусочки желтоватой охры (лимонит).

В верхних слоях заполнения входной ямы встречены мелкие расслоившиеся фрагменты лепного сероглиняного сосуда с примесью песка и шамота в тесте (форма не восстановлена). На дне камеры около ступеньки лежали разрозненные кости овцы: передние и задние ноги, ребра, позвонки и альчики.

Погребение 18 (рис. 3, 7). Данное погребение являлось основным, располагалось в центральной части кургана. Погребение полностью ограблено. Грабителями повреждена могильная конструкция и снят участок погребенной почвы около северного края могилы. Вверху могильное сооружение имело форму вытянутого по линии ВСВ–ЗЮЗ овала размером 1,95 × 0,95 м. Продольный размер по дну – 1,8 м. Южная стенка оказалась подрытой грабителями, здесь образовалась ниша шириной 0,2 м. В северной длинной стороне был устроен подбой, в котором, видимо, и было осуществлено захоронение. Длина подбоя – 1,7 м, ширина – 0,55 м, высота свода – 0,6 м. Глубина могильного сооружения – 1,8 м.

В верхних слоях могильного заполнения встречены обломки костей ног взрослого человека. Вещевой материал отсутствует.

Курган 12 выделялся не только своими внешними параметрами. В отличие от остальных раскопанных курганов, содержащих в основном индивидуальные захоронения раннего железного века и средневековья [4, с. 83–139], в нем было обнаружен целый пласт погребений, относящихся к среднебронзовому веку. И в этом контексте данный археологический объект можно считать курганом-кладбищем, функционирующим довольно длительный отрезок времени.

Анализ обряда и вещевого комплекса исследованных погребений позволяет отнести значительную их часть к маньчской катакомбной культуре, основной ареал распространения которой приходится на более южные территории Приманьчья и Калмыкии [2, с. 100–105]. Для Волго-Донского междуречья маньчская культура является пришлой, здесь продвижение ее носителей на определенном этапе было остановлено или замедлено встречным движением со стороны населения местной волго-донской культуры [7, с. 26–35]. Вероятно, под воздействием этой, в основных компонентах автохтонной культуры, происходит деформация некоторых элементов культуры мигрантов. Прежде всего, изменения коснулись формы могильного сооружения. На смену классическим маньчским катакомбам с квадратными или прямоугольными входными шахтами и обширными погребальными камерами приходят небольшие Н-образные катакомбы, по сути являющиеся подбоями. Именно такие могильные конструкции обнаружены в погребениях 10, 11 и 17 исследуемого кургана 12. Большинство маньчских погребений в кургане 12 совершено в простых подпрямоугольных грунтовых ямах с преобладающей ориентацией по линии СВ – ЮЗ (рис. 2, 3). Аналогичные формы могильных сооружений

этой культуры доминируют и в соседних курганных группах, находящихся ниже по течению Аксаия Есауловского, например, в могильниках Аксай I и Перегрузное I [5, с. 93–126; 1, с. 79–81].

Позиция погребенных в большинстве захоронений кургана 12 – скорченная на левом боку с преобладающей ориентацией на северо-восток и восток, что весьма характерно для «элистинской» группы памятников маньчской культуры [2, с. 100–105]. В погребениях 5, 8 и 14 отмечена правобочная позиция умерших, при этом в погребениях 5 и 14 сохраняется восточная ориентировка, а в погребении 8 – западная, как наследие «нижнеманьчских» культурных традиций [2, с. 101–102]. Необходимо отметить, что в погребениях 1, 11 и 12 зафиксирована поза «адорации», т.е. при скорченном на боку положении костяка руки находятся перед черепом. Такая позиция погребенных в большей степени присуща захоронениям поздней бронзы. В то же время наличие архаичных деталей обряда, таких как посыпка скелета человека охрой, зафиксированная в погребениях 1 и 12 (что не характерно для региональной срубной культуры), присутствие толченой ракушки во фрагментах керамики из погребения 1, а также факт размещения указанных захоронений в едином стратиграфическом и планиметрическом пространстве вместе с остальными погребениями позволяет отнести их к основному периоду функционирования кургана-кладбища, т.е. к развитутому этапу средней бронзы.

Вещевой комплекс исследованных погребений не столь насыщен, но достаточно ярок и интересен. Наиболее представительную категорию погребального инвентаря составляет керамика. В керамическую коллекцию катакомбных погребений кургана 12 входят 5 сероглиняных цилиндрических кувшинов с небольшими петельчатыми ручками или налестками, прикрепленными к горловине (рис. 4, 2, 4, 6, 7; 5, 6, 17). Орнамент на сосудах этой группы лаконичен. Один из кувшинов орнаментирован треугольными пучками прочерченных линий, размещенных на горловине (рис. 5, 17), второй – комбинированной горизонтальной полосой, выполненной по плечу, состоящей из прочерченных пунктирной, сплошной и зигзагообразной линиями в сочетании с наколами концом заостренной палочки (рис. 4, 7). Остальные сосуды данной группы не орнаментированы. К этой же группе отнесен и небольшой амфоровидный сосудик, найденный в составе керамического набора в детском погребении 6 (рис. 4, 15). Кувшины и амфороподобные сосуды более всего характерны для погребальных комплексов средней бронзы степного Предкавказья, где они иногда

находят прямые соответствия, например, в материалах северокавказской культуры [8, с. 30–86]. На территорию Волго-Донского междуречья подобная керамика попадает, вероятно, уже в готовом виде. Она в известной степени маркирует линии связей катакомбного населения северной периферии с технологически продвинутыми северокавказскими центрами культурогенеза [8, с. 30–86; 2, с. 90–92; 5, с. 106–107, 118, 120].

Следующую группу керамики образуют профилированные горшковидные сосуды, обнаруженные в погребениях 4, 5, 7, 8, 14, 16 (рис. 4, 8, 11; 5, 1-3, 14, 16). В верхней части тулова указанных сосудов имеется выделенное ребро. На горшках из погребений 4, 5 и 8 по ребру нанесен орнамент в виде горизонтальной елочка, выполненной в технике «отступающего» зубчатого штампа. На сосуде из погребения 14 горизонтальная елочка, выполненная в придонной части, сочетается с горизонтальными и волнообразными отпечатками шнура в верхней части тулова. Подобные керамические формы и орнаментальные приемы присущи керамике волго-донской культуры, в исследуемом памятнике «елочная» керамика встречена в одном наборе с типично маньчской посудой (погребение 4). Такое «сосуществование» разнокультурных элементов отражает смешанный характер всего погребального комплекса.

Кроме профилированных горшков и кувшинов в керамическую коллекцию кургана 12 входят небольшие лепные неорнаментированные банки (рис. 4, 3, 5; 5, 12) и три ритуальные курильницы на крестовидной подставке. Одна из курильниц обнаружена в насыпи кургана в составе керамического набора, вторая найдена в разрушенном погребении 13, третья – в насыпи погребения 16 (рис. 4, 1; 5, 13, 16). Указанные сосуды орнаментированы в традиционной технике для керамики средней бронзы степных культур: использованы отпечатки шнура, прочерченные линии и отпечатки вдавлений концом полой трубочки. Курильницы на подставках с отделением в чаше или без нее встречаются в памятниках многих катакомбных культур, в том числе и в погребениях средне-донской культуры, синхронной маньчской, распространенной в Среднем Подонье и Волго-Донском междуречье севернее широты Волгограда. В отличие от большинства сосудов керамического комплекса кургана 12, назначение которых носит в основном утилитарный характер, курильницы использовались, вероятно, только при отправлении погребального ритуала. Часто в их чаше находят угольки, остатки сожженной травы и веточек, что может свидетельствовать о связи данных предметов с каким-то огненным или очистительным культом, а также с совершением поминальной тризны.

Остальной инвентарь погребений кургана 12, представленный бронзовой подвеской в 1,5 оборота (погребение 5), бронзовыми боченковидными бусами (погребение 4), бусами из кавказских минералов (погребение 7) и изделиями из кости (погребения 5, 8, 13), имеет широкий диапазон бытования, встречаясь в погребениях ряда катакомбных культур, распространенных на территории степного Предкавказья и Волго-Маньчья.

О хронологии памятника. Проблема датирования погребальных комплексов средней бронзы Волго-Донского региона напрямую связана с их интерпретацией. Исследователи неоднократно отмечали сложность интерпретации процессов взаимодействия культур бронзового века, особенно на «контактных» территориях [3, 6, 7]. Другая сложность заключается в том, что для памятников катакомбной культуры Волго-Донского междуречья нет радиоуглеродных дат. Поэтому приходится опираться на относительное датирование с использованием имеющихся абсолютных дат однотипных или близких комплексов, исследованных на соседних с Волго-Доньем территориях. Погребения кургана 12, как уже отмечалось, в культурно-хронологическом отношении в целом близки между собой. По ряду характерных признаков они могут быть отнесены к развитому этапу маньчской культуры. При этом отмечено очевидное влияние на маньчский погребальный комплекс со стороны «местной» волго-донской культуры, которая, в свою очередь, испытала влияние со стороны предшествующих полтавкинской и донецкой культур раннего этапа средней бронзы. В свете новых тенденций в абсолютном датировании дата исследованных погребений в кургане 12 определена, учитывая их более поздний по сравнению с катакомбными памятниками Калмыкии и Донеччины возраст, в границах последней трети III тыс. до н.э. [9, 10]

Библиографический список

1. Балабанова, М. А. Курганный могильник Пегрегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. / М. А. Балабанова, Е. В. Перерва, В. М. Клепиков, М. В. Кривошеев, В. А. Демкин, М. В. Ельцов, А. С. Скрипкин, С. Н. Удальцов, Л. В. Яворская, А. Н. Дьяченко. Волгоград, 2014. 360 с.
2. Братченко, С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников) / С. Н. Братченко. Киев: Наукова думка, 1976. 250 с.
3. Васильев, И. Б. Ямная и полтавкинская культуры. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, М. А. Турецкий. Самара, 2000. С. 25–26.

4. Дьяченко, А. Н. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области / А. Н. Дьяченко, В. Г. Блохин, О. А. Шинкарь // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград: Перемена, 1995. С. 83–139.

5. Дьяченко, А. Н. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье / А. Н. Дьяченко, Э. Мэйб, А. С. Скрипкин, В. М. Клепиков // Нижневолжский археологический вестник. 1999. Вып. 2. С. 93–126.

6. Кияшко, А. В. К вопросу о культурной преемственности в эпоху средней бронзы на территории Волго-Донского междуречья / А. В. Кияшко // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена, 1996. С. 20–23.

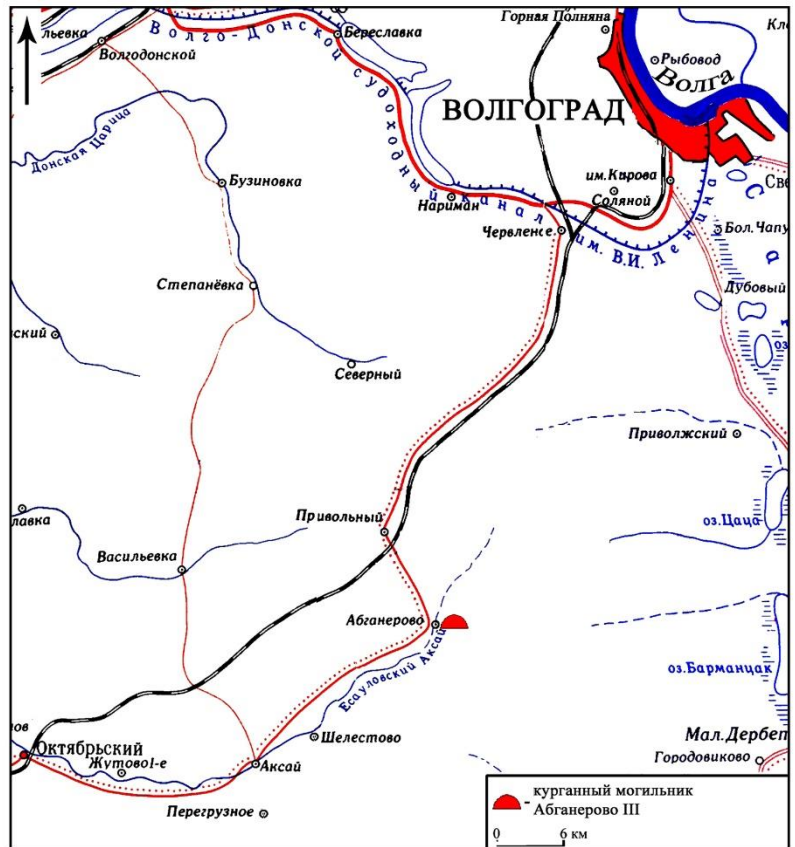
7. Кияшко, А. В. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах

Волго-Донского междуречья / А. В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 26–35.

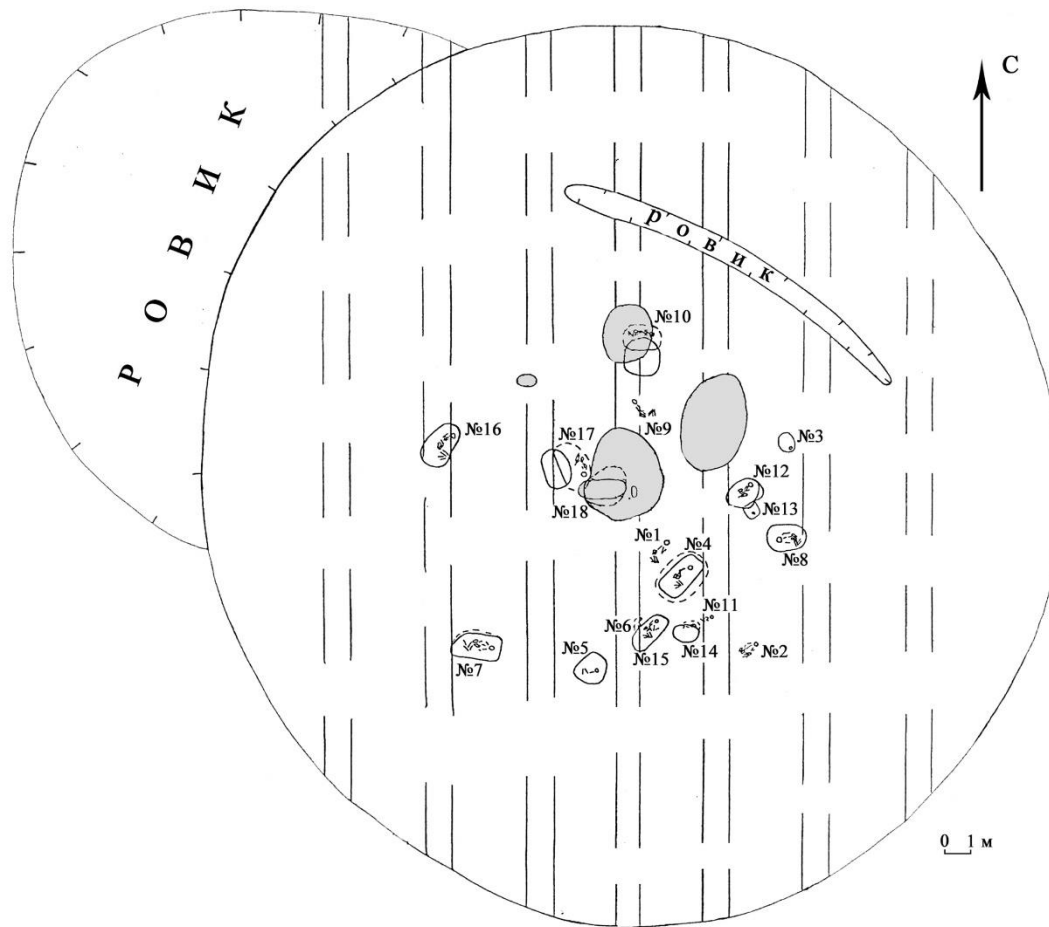
8. Марковин, В. И. Культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) / В. И. Марковин. М.: Наука, 1960. С. 30–86.

9. Черных, Е. Н. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности / Е. Н. Черных, Л. Б. Орловская // Российская археология. 2004. № 2. С. 15–29.

10. Шишлина, Н. И. Радиоуглеродное датирование погребений эпохи бронзы–раннего железного века могильника Островной в Калмыкии / Н. И. Шишлина, О. А. Чичагова, А. Л. Александровский // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. Москва, Элиста, 2002. 324 с.

1

2

Рис. 1. Место расположения курганного могильника Абганерово III (1), план кургана 12 (2).

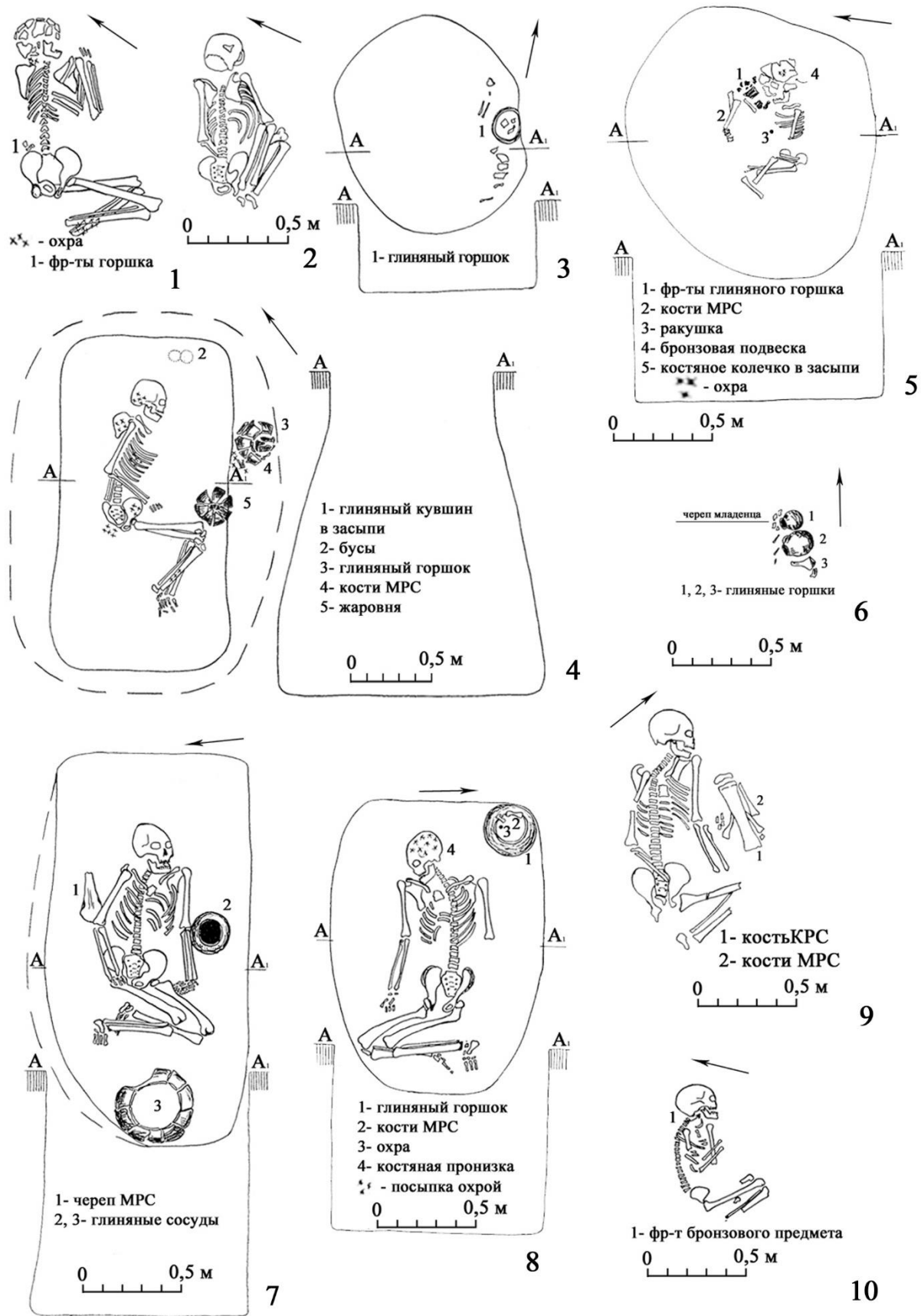

Рис. 2. Абганерово III, курган 12. Планы погребений: 1 – погр. 1, 2 – погр. 2, 3 – погр. 3, 4 – погр. 4, 5 – погр. 5, 6 – погр. 6, 7 – погр. 7, 8 – погр. 8, 9 – погр. 9, 10 – погр. 11.

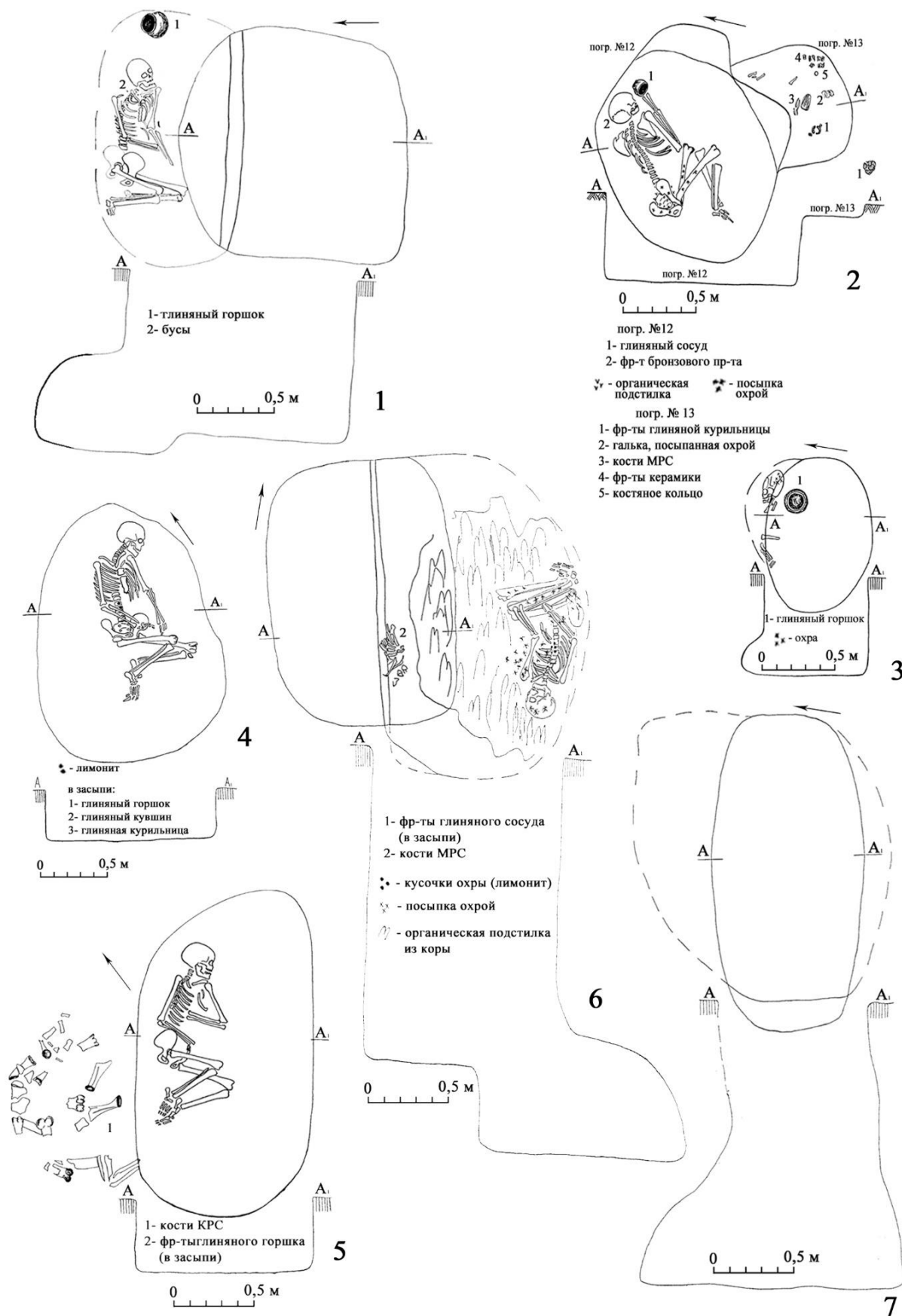

Рис. 3. Абганерово III, курган 12. Планы погребений: 1 – погр. 10, 2 – погр. 12 и 13, 3 – погр. 14, 4 – погр. 16, 5 – погр. 15, 6 – погр. 17, 7 – погр. 18.

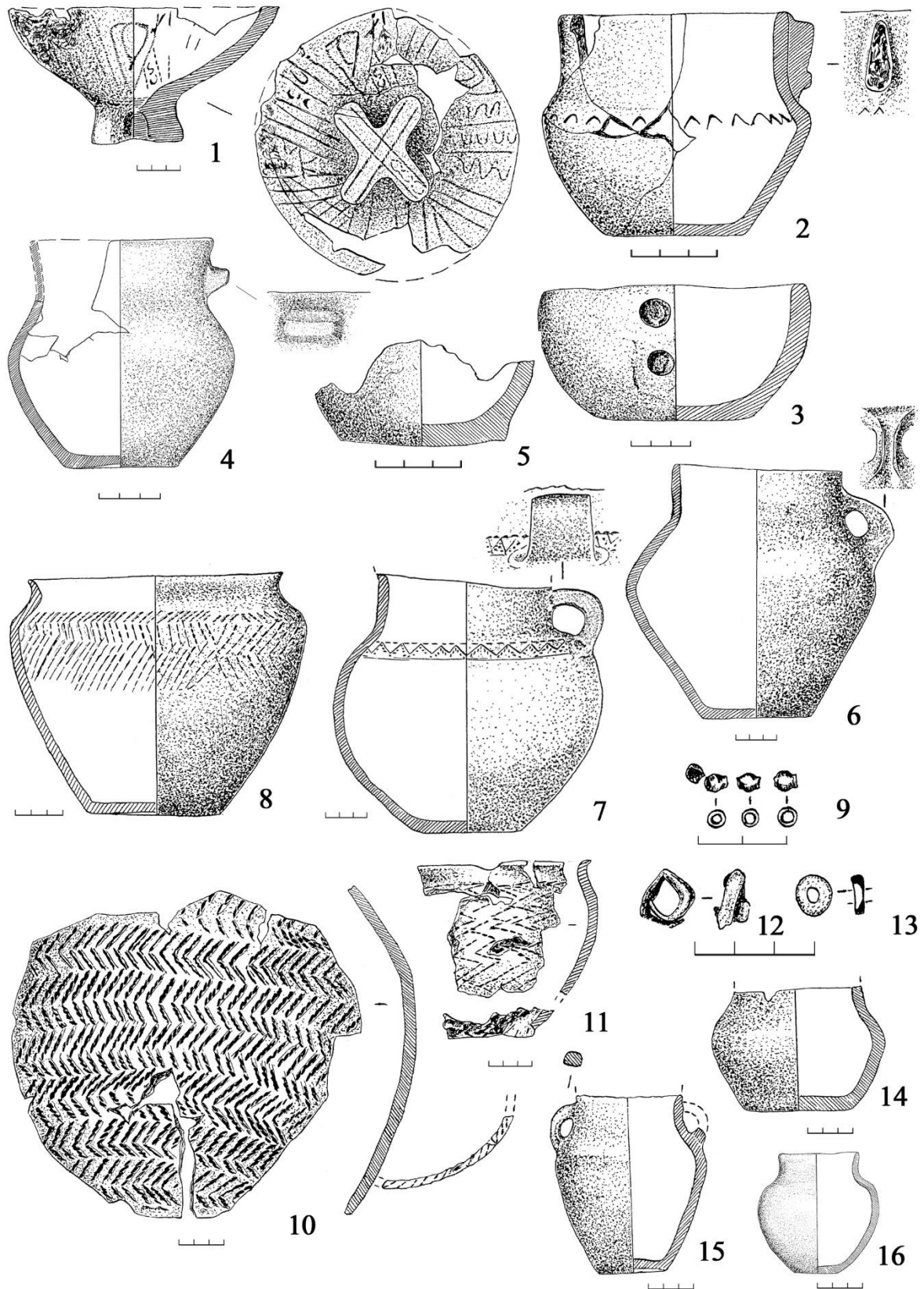

Рис. 4. Абганерово III, курган 12. Находки в насыпи и вещи из погребений: 1–3 – насыпь А; 4 – насыпь Б; 5 – насыпь В; 6 – погр. 3; 7–10 – погр. 4; 11–13 – погр. 5; 14–16 – погр. 6.

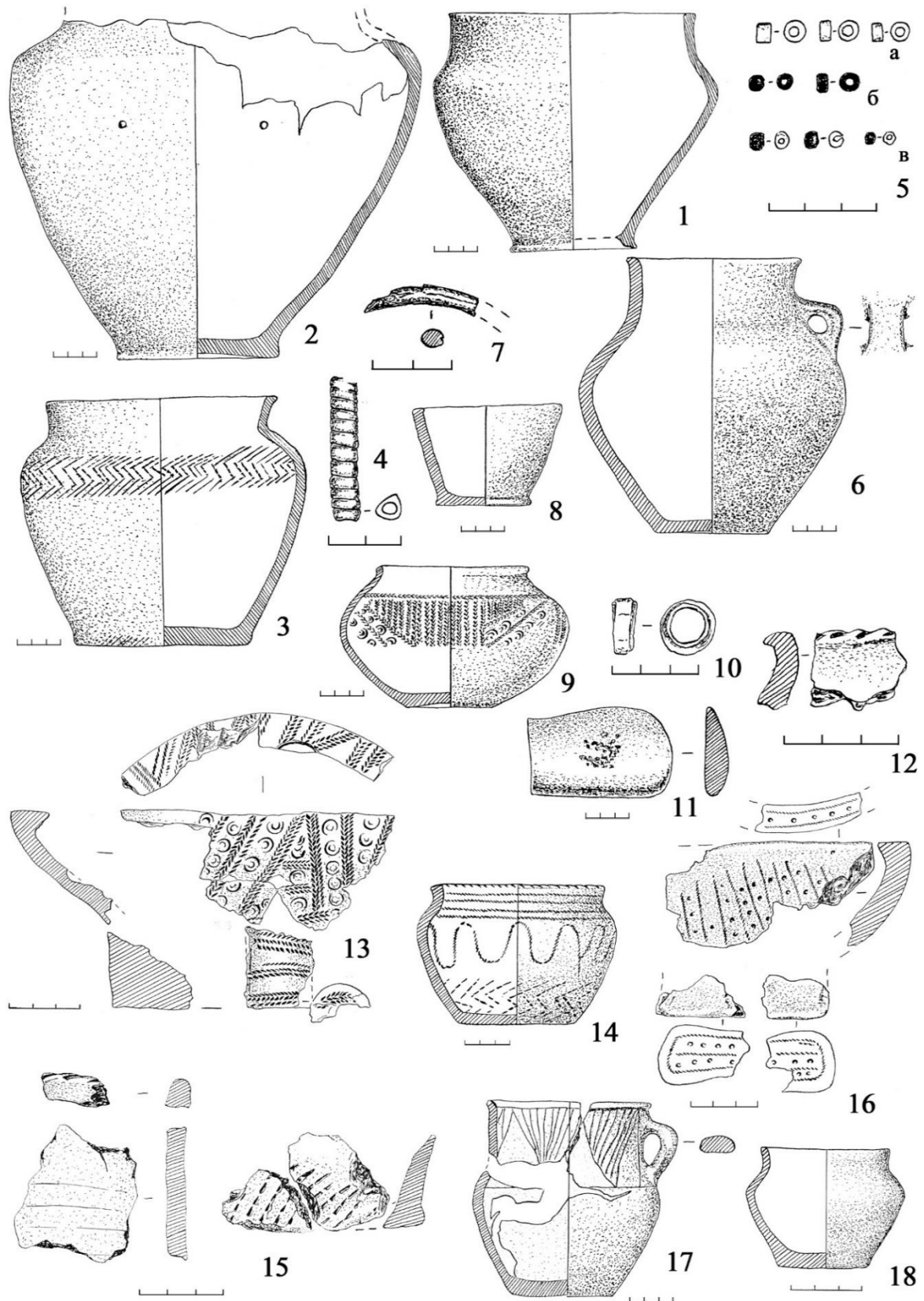

Рис. 5. Абганерово III, курган 12. Вещи из погребений: 1, 2 – погр. 7; 3, 4 – погр. 8; 5, 6 – погр. 10; 7 – погр. 11; 8 – погр. 12; 9–13 – погр. 13; 14 – погр. 14; 15 – погр. 15; 16–18 – погр. 16.

СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS

УДК 364.122.5

ББК 60.546.21

КОНСАЛТИНГ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДСКИМ СООБЩЕСТВОМ¹

А. А. Дроздова

Аннотация. Участие горожан в преобразовании городской среды является предметом городских исследований. На основе проведенного исследования в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» мы выделили городское население в качестве основного субъекта пространственного планирования (актора процессов территориального управления, ключевого стейкхолдера) и регулирования социальных взаимодействий. Участие горожан в трансформации архитектурных форм и пространственных практик является одной из форм присвоения пространства, определяет требование «права на город» [15, с. 81]. Наиболее актуальным его проявлением является городской активизм как форма присвоения городского пространства и самореализации в общественной сфере. Регулирование и рефлексия форм городского активизма – одно из направлений урбанистического консалтинга.

Ключевые слова: территориальная общность, горожане, урбанистический консалтинг, городской активизм, медиаландшафт, партиципаторное планирование.

CONSULTING OF THE URBAN ENVIRONMENT: COMMUNICATIVE BASES OF SPATIAL PLANNING BY THE URBAN COMMUNITY

A. A. Drozdova

Abstract. The participation of citizens in transforming the urban environment is the subject of urban research. On the basis of the study conducted within the framework of the implementation of the RFBR grant No. 19-411-340002 “Territorial communities in the conditions of social transformations: sociological and managerial analysis”, we identified the urban population as the main subject of spatial planning (an actor in the processes of territorial administration, a key stakeholder) and the regulation of social interactions. The participation of citizens in the transformation of architectural forms and spatial practices, is one of the forms of appropriation of space, defines the requirement of “right to the city” [15, p. 81]. Its most relevant manifestation is urban activism as a form of appropriation of urban space and self-realization in the public sphere. Regulation and reflection of forms of urban activism is one of the areas of urban consulting.

Key words: territorial community, city dwellers, urban consulting, urban activism, media landscape, participatory planning.

Традиционно город представлял собой общее физическое пространство для реализации различных форм взаимодействия городских сообществ, а также уникальный социальный ландшафт, учитывающий политические, национальные, гендерные, профессиональные, культурные и другие особенности населяющих его людей. Увеличение плотности населения и последующие проблемы доступа, технизации и интеграции медиа, процессы перекодирования ландшафта пользования и

реконструкции пространства, инфраструктурное развитие определяют максимум концептуализации модели новой жилой среды [12, с. 8].

Современный город уничтожает функциональное разделение между практиками «производства» и «пользования» пространства, синтезируется в процессах «сопроизводства» локации [10, с. 133]. Кризисы крупных мегаполисов проявляются в процессах отчуждения сообщества от локации, росте одиночества и нерегулируемых

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

мест исключения. Горожане ищут новые формы присутствия в этом пространстве в практиках дистанционного соучастия в конструировании киберполиса. В современных условиях исследования трансформаций городской среды, с точки зрения её пользователей (горожан), являются предельно актуальными: на федеральном уровне реализуются проекты благоустройства пространств – от их обновлений (проекты реновации) до генерации новых идей пространственного планирования (инициативы горожан, различные конкурсы и тендеры городских проектов). Также проводятся мероприятия просветительского характера – фестивали городской культуры, публичные лекции с экспертами – городскими антропологами, референдумы по вопросам совместного проектирования территорий силами местного сообщества.

Обратная связь горожан на проводимую властями пространственную политику может осуществляться в формах городского активизма: выступления против реконструкции жилого пространства и уничтожения экологических зон, мест досуга или открытого доступа к ним, реакция на коллапс мусорных полигонов, организация политических митингов [2]. Специалисты заговорили о необходимости выделения коммуникативного аспекта в процессах средового девелопмента – в условиях «предзаданного» пространства (большинство населения рождается в уже «устроенной» локации) встает необходимость интегрировать пользователя в городской контекст, адаптировать, минимизировать возможные ситуативные риски [3, с. 13].

Консалтинг городской среды («городской консалтинг», «урбанистический консалтинг») определяется в качестве инструмента координации субъектов коммуникативной деятельности через экспертное консультирование сложно составленного городского сообщества, выстраивая платформу эффективного взаимодействия власти, бизнеса и резидентов как ключевых стейкхолдеров [1, с. 56].

Конституирование коммуникативной составляющей пространства города определяет включенность в него территориальных общностей. Основными практиками взаимодействия власти, бизнеса и горожанина являются публичные слушания, проекты партиципаторного бюджетирования и краудсорсинговые кампании, стратегическое планирование развития территорий (формирование «мастер-плана» [11, с. 7]), а также наиболее сейчас актуальные формы «уличного активизма», среди которых надо отметить практику стихийного захвата общественных мест (акции и митинги) и трансляцию событий в меди-

а ландшафте – «локальное» формулирование «повестки дня (маркирование событий реального пространства).

В качестве городских целевых групп выделяют властные структуры (органы государственной власти и местного самоуправления), бизнес-структуры, СМИ, общественные организации и НКО, население [1, с. 48]. От понимания и осознания важности реализуемой стратегии устойчивого развития города представителями местной власти в значительной степени зависит эффективность проводимых работ.

Представители органов власти выступают в качестве формальных лидеров мнений, принимающих итоговое решение по запросам локальных пользователей (одобрение предложений горожан, возможные санкции для нарушителей правил пользования городским пространством). Взаимовыгодное сотрудничество с бизнес-структурами определяет дальнейшую политику инвестирования в городские проекты и местные инициативы.

Региональный малый бизнес становится движущим звеном в определении территориальной уникальности, локальных особенностей в эффективном позиционировании имиджа города.

Медиа являются основным инструментом формирования пространственного имиджа, консолидации сообществ, а также осуществляют удаленное регулирование городского пространства через дистанционное управление дорожной навигацией и проведение онлайн – референдумов [5, с. 5]. Локализованные события определяют общий информационный фон и формируют актуальную повестку дня [6, с. 74].

Электронное маркирование событий, применение хештегов выполняют функцию катализатора стихийного роста соприсутствия городских пользователей, но при этом подчеркивают необходимость реального участия в формировании общественного пространства. Дистанционные процессы сохраняют автохтонное «закрепление» публичной активности, необходимость «выхода» в физическую реальность городской среды. Сервисы геолокации формируют повседневный маршрут реального пространственного пользования (закрепление наиболее посещаемых пунктов), а диджитальные формы взаимодействия со структурами власти (возможность электронного голосования и документооборота в целом) предполагают традиционные формы политической активности горожанина [7, с. 25]. Таким образом, тематическое и функциональное разнообразие новых инструментов медиа, разработанных для облегчения повседневных практик жизнедеятельности, становятся главным механизмом производства

городского пространства, определения идентичности его пользователя.

Структура города, сформированная в результате символического перекодирования первично данного ландшафта природы, в свою очередь определяет новый тип пользователя пространства – горожанина как активного субъекта, создающего многофункциональную среду действия в соответствии с личными /общественными установками, максимумом удовлетворения потребностей, и трансформирующего ее в «сцену» манифестации своего актуального присутствия.

Техники пространственного перемещения и освоения опустевших территорий определяют субъектов в качестве населения города [13, с. 27]. Концентрация локальных субъектов формирует городское сообщество, артикулирующее общественный интерес и определяющее в качестве места своей «сборки» общественное пространство. Население является основным носителем стереотипов относительно образа городского пространства, реализуя в практиках формирования, пользования, символического присвоения (активизм, «городские ритуалы») неотъемлемое «право на город» [15, с. 81]. Горожанин определяет свою причастность к локальному сообществу в стихийной форме спутника общего маршрута рутинного передвижения и присутствия – и в субкультурных группах, и концептуальных лигах – идейного объединения [10, с. 112]. Потребительская модель жизни горожанина в траектории «бытовой запрос – муниципальное исполнение» признается устаревшей, для населения формулируется требование быть активным горожанином, пользователем и совместным проектировщиком территории [11, с. 21].

Среди «новых» горожан для нас важно выделить фигуры современных фланеров и мигрантов. В. Беньямин в своем эссе о Бодлере ввел фигуру фланера (фр. *flâneur*, «гуляющий») [12, с. 205–211] для обозначения пассивного созерцания горожанином стихии города. Явление фланерства в прошлые века предполагало наслаждение от бесцельного блуждания среди ярких витрин магазинов и окружающей толпы, определяя городское пространство как источник эстетического опыта переживания и визуального самоудовлетворения. Новый фланер – прохожий, он же очевидец событий, становится не только полноправным участником перекодирования пространства (закрепляя информационный «след» – географическую идентификацию с событием, «check-in»), но и потенциальной жертвой «мегамашины» власти [8, с. 249]. В качестве иллюстративного примера можно взять совсем недавнее нашумевшее «дело Павла Устинова» – типичного

прохожего, по ошибке определенного «возможным координатором несанкционированных акций» в столице и выявившего проблемы в функционировании «силовой машины» [4]. Павел Устинов, ставший реактивным фланером, соучастующим прохожим, который продолжил волну политического «флешмоба» взаимной идентификации глобального сообщества «Я/Мы...» (продолжая единую событийную логику с делом журналиста Ивана Голунова и фигурантами «Московского дела» и формулируя концепт «Я/Мы вся страна») [16].

Таким образом, бывшее определение пассивности прохожих в современных российских реалиях признается нерелевантным. Пространственное регулирование публичной активности также реализуется посредством необходимости официального разрешения на проведение общественного мероприятия – горожанин выступает в качестве «арендатора» пространства города для манифестации права публичного присутствия [2]. Общественные пространства становятся пространством запрета и контроля, реализация «права на город» строго регламентируется (допустимые практики приобрели ультрасанкционированный характер), возможности координирования инструментами медиа также ограничиваются – обыватель локаций становится хакером, обходящим легитимные формы жизни в городе.

Мигранты и беженцы, маргинальные группы образуют сообщества «пространственного исключения», что проявляется в неспособности полноценного признания их частью публичной сферы пространства города (практики сегрегации и принудительного выселения оправданы необходимостью восстановления общественного порядка). Контрпримером здесь может стать вовлечение миграционных групп в ангажированные властью коммуникации. Митинги, направленные на поддержку власти, представляют парадоксальное явление неосознанной, но неизбежной «поддержки» с участием прибывшего населения (мигрантов), которые, еще не овладев «правилами игры» (даже на уровне овладения языком принимающего сообщества) нового пространства, вынужденно становятся активными участниками перекодирования ландшафта пользования. Язык публичного взаимодействия определяет протестный, множественный и сложно адаптируемый характер. Интеграция техник пространственного регулирования, трансформация структуры публичного влекут за собой обострение проблем доступа и социального неравенства и условий их обеспечивающих.

Формы урбанистического консалтинга

должны стать новым инструментом консолидации сообщества, адаптивного метода мирного процесса «конфликтного соучастия» (совместное присутствие различных локальных сообществ), формируя тем самым особый тип общественного пространства – платформу широкого диалога с использованием самых многочисленных техник и средств вовлечения граждан [11, с. 16]. Технология урбанистического консалтинга направлена именно на исследование актуальных процессов трансформаций городского сообщества, коммуникативных практик взаимодействия территориальных общностей и форм локального самоопределения.

Для возможности реализации стратегии коммуникативного планирования необходима развитая инфраструктура и сообщество, подготовленное к обратной связи, что значительно усложняет внедрение форм городского консалтинга в реалии большинства российских городов: «Право на город может быть реализовано, если в обществе приняты законы, удостоверяющие это право, а также если оно поддержано реальными социальными и практиками. На деле оказывается, что управленцы фактически отрезают горожан от дел города, отказывая им в этом праве. Российский горожанин оказывается невстроенным в работу над городской средой, во многом это вызвано влиянием советского сознания, психологией *homosoveticus*» [2].

Таким образом, мы наблюдаем конфликт участников городских изменений: с одной стороны, местные власти находятся в активном поиске эффективного канала коммуникаций между группами горожан: разрабатываются онлайн-порталы и дистанционные платформы для заявок в коммунальные службы, а с другой – видно наличие «зон отчуждения», анклавов в организме даже крупных городов, что определяет реальную нерелевантность консолидирующих техник в рамках концепта урбанистического консалтинга.

Ключевой задачей городского консалтинга становится качественная консолидация городского сообщества (горожане, органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации, бизнес, СМИ, инвесторы и туристы), стимулирование его к совместному проектированию и планированию развития территорий, а также адаптация языка взаимодействия различных групп территориальных сообществ (единый язык совместного пространственного пользования). Современный город выявляет механизмы нового опыта совместного проживания (пример творческих коммун как практик со-присутствия на основе общности интересов и сов-

местной деятельности) и пространственного планирования (кондоминиум как форма совместного распоряжения и пользования жилым пространством по аналогии с реанимированными формами кооперативов и ТСЖ). Создание платформы коммуникативного взаимодействия всех целевых групп, вовлечение различных групп городского сообщества становится ориентиром для стратегического планирования пространства [11, с. 4]. Технология городского консалтинга способна объединить различные стратегии развития города, затронув социальный, политический, экономический, культурный и пространственный сегмент, выступая в качестве инструмента координирования управленческих структур и консолидации городского сообщества.

Таким образом, городской консалтинг, определяя в качестве объекта и основного субъекта сложносоставное городское сообщество (местные жители, власть, бизнес, СМИ) в терминах совместного планирования территорий через анализ форм и преимуществ, позиционируется как наиболее релевантное направление управленческой коммуникации [14, с. 29]. Коммуникация субъектов локального присутствия в актуальном дискурсе глобальных процессов становится основным автономным инструментом управления и развития территорий. Стратегия урбанистического консалтинга направлена на повышение привлекательности региона, привлечение дополнительных ресурсов инвестирования, разработку новых инструментов позиционирования и брендинга территорий, формирование повестки дня, прогнозирование форм и моделей участия городского сообщества в планировании развития территорий. Учитывая особенности городской среды, становится очевидным, что процесс формирования положительного имиджа пространства пользования должен осуществляться на основе диалога между всеми субъектами коммуникативного пространства региона [9, с. 32]. В процессе взаимодействия ключевых акторов урбанистического консалтинга возникает определенный символический капитал города, оказывающий влияние на его имидж, доверие и формирование социальной общности горожан.

Библиографический список

1. Блинов, А. О. Управленческое консультирование / А. О. Блинов, В. А. Дресвянников. М.: Дашков и Ко. 2013. 212 с.
2. Высоковский, А. Об упадке и возрождении городского активизма. URL: <https://iq.hse.ru/news/177670194.html> (дата обращения: 27.12.2018).
3. Гейл, Я. Города для людей / Я. Гейл. М.: Альпина Паблишер. 2012. 276 с.
4. Дело Павла Устинова. Второй день пересмотра приговора. URL: <https://zona.media/online/2019/>

09/30/ustinov-appeal-2 (дата обращения: 30.09.2019)

5. Зенин, С. Публичные слушания: понятие и признаки / С. Зенин // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 2. С. 3–6.

6. Котлер, Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стотгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 2006. 412 с.

7. Маккуайр, С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство / С. Маккуайр. М.: Strelka Press. 2014. 392 с.

8. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. М.: Логос. 2001. 408 с.

9. Мещеряков, Т. В. Имидж города как стратегический фактор эффективного маркетинга территории / Т. В. Мещеряков // Проблемы современной экономики. 2009. № 2 (30). С. 31–36.

10. Савчук, В. Медиафилософия: приступ реальности / В. Савчук. СПб.: Изд-во РХГА. 2013. 338 с.

11. Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. М.: Strelka Press. 2015. 431 с.

12. Трубина, Е. Г. Город в теории / Е. Г. Трубина. М.: Новое литературное обозрение. 2011. 519 с.

13. Чернявская, О. Город как коммуникативное пространство / О. Чернявская // Город меняющийся: траектории развития и культурные пространства: сборник статей. 2011. С. 24–35.

14. Шарков, Ф. Коммуникология: коммуникационный консалтинг / Ф. Шарков. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко». 2001. 408 с.

15. Харви, Д. Право на город / Д. Харви // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.

16. Я/МЫ ВСЯ СТРАНА. Почему артисты вышли к Администрации президента. URL: <https://www.nowayagazeta.ru/articles/2019/09/18/82024-ya-my-vsya-strana> (дата обращения: 19.09.2019)

УДК 35:338.2(470)

ББК 65.054.119(2Рос)

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Н. В. Василевская-Руцкая

Аннотация. В данной статье рассматриваются сущность программно-целевого подхода, являющегося основной разработкой государственных программ, направленных на социально-экономическое развитие субъектов РФ, а также особенности состава и структуры государственных программ субъектов Российской Федерации в современных условиях. По итогам исследования раскрываются различия в реализации государственных программ в России и за рубежом, а также определена роль программно-целевого подхода в процессе разработки государственных программ государственными органами власти в решении проблем в сфере управления территориями.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, государственная политика, программно-целевой подход, государственная программа, паспорт государственной программы.

FEATURES OF STATE PROGRAMS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

N. V. Vasilevskaya-Rutskaya

Abstract. This article discusses the essence of the program-target approach, which is the basis for the development of state programs aimed at the socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation, as well as the features of the composition and structure of state programs of the constituent entities of the Russian Federation in modern conditions. According to the results of the study, differences in the implementation of state programs in Russia and abroad are revealed, and the role of the program-targeted approach in the process of developing state programs by state authorities in solving problems in the field of territorial management is determined.

Key words: socio-economic development, state policy, program-targeted approach, state program, state program passport.

В современных условиях, характеризующихся нестабильностью в российской экономике, особое внимание уделяется разработке мер, направленных на достижение сбалансированности экономического развития в масштабе всей страны. Во главе угла при этом ставятся именно те мероприятия, которые помогут регионам устойчиво развиваться. К ним относятся

процессы совершенствования механизмов стратегического планирования развития территорий и повышения социально-экономической эффективности государственного регулирования. Главным концептуальным инструментом, позволяющим реализовать данные мероприятия, является программно-целевой подход.

Программно-целевой подход в региональ-

ном развитии – это управленческая концепция, которая нацелена на получение поставленных целей и задач в установленные сроки на основе осуществления разработанных специальных мероприятий комплексного характера, при учете региональных и прочих рисков [3, с. 57]. Данный подход начал активно внедряться с 2012 г. в России, будучи закрепленным в Бюджетном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2011 г. С этого года гибкие бюджеты начали сменяться программными на всех уровнях управления.

Программно-целевой подход основан на применении различных инструментов управления территориальным развитием, в частности: стратегического управления, проектного управления, бюджетного планирования и прогнозирования.

Программно-целевое планирование регионального развития включает в себя:

- строгую регламентацию и систематизацию целей в виде «дерева целей и задач»;
- переход от совокупности системно организованных целей и задач к системе целереализующих действий, которые направлены на решение проблем регионального развития;
- разработку индикаторов достижения поставленных целей и задач, планирование необходимых ресурсов для того, чтобы успешно осуществить мероприятия программы в установленный период времени;
- применение необходимого инструментария организационно-экономического управления для эффективной реализации разработанных мероприятий, а также регламентацией контрольных мер (промежуточных и итоговых) за исполнением программы [2, с. 73].

Программно-целевой метод к разработке программ регионального развития может быть представлен в виде формулы «цели – пути – средства – организация исполнения», элементы которой должны быть логически связаны в процессе реализации таких программ.

Программно-целевой подход является наиболее оптимальным способом решения серьезных проблем в развитии каждого региона России, исходя из реалий социально-экономического развития в целом. В процессе реализации программно-целевого подхода к таким проблемам привлекаются органы власти региона, которые разрабатывают программные мероприятия, нацеленные на их решение, и закрепляют комплекс разработанных мер в особом документе – государственной программе [3, с. 58].

Под программой в широком смысле понимают регламентирование последовательных эта-

пов реализации конкретной системы мероприятий для достижения четко поставленных целей и задач. При этом данные мероприятия должны быть разработаны с учетом влияния на них различных факторов. При грамотном планировании таких мероприятий их последовательности, систематизированности и четком распределении функций по их реализации может быть достигнут синергетический эффект, который сводится к тому, что показатели результата по итогам комплексного осуществления таких мероприятий превысят совокупные показатели реализации каждой программы по отдельности, полученные без системного подхода [6, с. 80].

В узком смысле государственная программа – это инструмент программно-целевого бюджетирования, направленный на комплексное развитие конкретного субъекта РФ, содержащий мероприятия, сгруппированные по подпрограммам, разработанные на основе цели, задач, а также ресурсного потенциала для их осуществления, которые должны быть реализованы в соответствующие сроки [1, с. 84].

Основными особенностями современных государственных программ регионального развития является их соответствие стратегии социально-экономического развития каждого конкретного региона, ориентированность каждой государственной программы на развитие определенной сферы и четкая подведомственность программ конкретному органу региональной власти. Ранее в каждом субъекте могло существовать сразу несколько программ, направленных на развитие конкретной сферы, что создавало определенные сложности в процессе координации действий исполнителей, а также составлению отчетов по исполнению таких программ.

В настоящее время государственные программы четко координируются и контролируются. Это во многом связано с тем, что, как правило, каждое управление администрации субъекта РФ является ответственным исполнителем конкретной государственной программы. Например, государственная программа по развитию здравоохранения в конкретной области в качестве ответственного исполнителя указывает управление здравоохранения администрации данной области и связанных с данной сферой соисполнителей, полномочия которых также прописаны в данной программе. В свою очередь, каждая государственная программа субъекта РФ базируется на вышестоящей государственной программе Российской Федерации. К примеру, государственная программа Белгородской области «Развитие здравоохранения Белгородской области» основана на

государственной программе Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденной Постановлением правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 [4].

Говоря о структуре региональных государственных программ, можно отметить, что каждая из них, помимо указания в ее паспорте ответственного исполнителя и соисполнителей, включает цель, ее индикаторы, задачи, объемы финансирования за счет средств регионального бюджета, а также ожидаемые результаты реализации государственной программы. После паспорта государственной программы следует текстовая часть, раскрывающая необходимость ее внедрения на основе анализа тенденций социально-экономического развития данного региона, характеристики его проблем и перспектив их решения, а также направлений его регионального развития. В общей текстовой части государственной программы должны быть также указаны направления социальной политики государства, являющиеся наиболее приоритетными, обобщенная характеристика назначения государственной программы, индикаторов ее реализации, а также объемы ресурсов, необходимых для нее, в том числе и по годам в рамках периода, предназначенного для ее осуществления [5].

Кроме того, в текстовой части государственной программы должны быть описаны меры государственного регулирования и обоснование необходимости их применения для достижения целевых индикаторов и показателей задач госпрограммы, а также сделан анализ рисков реализации госпрограммы и описание мер управления ими. После описания основных данных концептуальных аспектов государственной программы раскрывается механизм проведения мониторинга реализации государственной программы, а также раскрываются особенности применения методик, на основе которых осуществляется расчет целевых индикаторов и показателей задач государственной программы, если они разработаны региональными органами власти.

После общей текстовой части размещаются паспорт и текстовые части всех подпрограмм, входящих в государственную программу.

По итогам всего данного документа размещаются приложения к ней, в которых могут быть отражены сведения об индикаторах цели, показателях задач, детализированная информация о ресурсном обеспечении государственной программы, прогнозная оценка реализации программных мероприятий и т.д.

Программно-целевое управление региональным развитием сегодня распространено довольно широко в нашей стране, причем не только

в сфере государственного управления, но и применяется на местном уровне, а также при развитии различных отраслей и направлений межгосударственного взаимодействия с иностранными партнерами [6, с. 83].

Во многом успешное распространение программно-целевого планирования сегодня связано с его принципиальными характеристиками и возможностью применения и эффективного функционирования в условиях рыночной экономики. Многие страны Западной Европы решают проблемы развития территорий на основе государственных программ, которые также основаны на программно-целевых принципах. Различия в реализации государственных программ в России и за рубежом наблюдаются сегодня в способах управления разработкой и реализацией комплекса программных мероприятий, что во многом обусловлено особенностями государственной политики, спецификой бюджетного устройства и высокой степенью дифференциации регионов нашей страны по уровню экономического развития [3, с. 59].

Таким образом, можно сказать, что программно-целевой подход в настоящее время представляет собой сложный механизм планирования социально-экономического развития региона. Грамотно используемый программно-целевой подход в процессе разработки государственных программ государственными органами власти помогает в разрешении проблем разного уровня в сфере управления, а также способствует оптимизации бюджетных средств, увеличению эффективности работы муниципальных органов власти, а также повышению качества услуг, которые они предоставляют для населения. Кроме того, в реализацию государственных программ могут привлечены предприятия на основе государственно-частного партнерства. Поэтому можно сделать вывод о том, что государственные программы – это во многом универсальный инструмент государственной политики, который может быть применен для решения проблем развития территории. Необходимость дальнейшего использования государственных программ обусловлена также ограниченностью бюджетных средств, поэтому разработка приоритетных направлений реализации госпрограмм имеет первостепенное значение.

Библиографический список

1. Лексин, В. Н. Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России / В. Н. Лексин, Б. Н. Порфирьев // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4 (157). С. 81–93.
2. Лукьяненко, З. Б. Программно-целевой подход в управлении бюджетной сферой / З. Б. Лукья-

ненко, Н. В. Югова // Вестник Пермского государственного университета. 2014. № 2. С. 72–78.

3. Малицкая, Е. А. Программно-целевой подход в управлении проектами комплексного развития территории / Е. А. Малицкая // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 2. С. 56–68.

4. Официальный сайт Министерства здравоохранения: Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/programms/health/info>

h/info

5. Приказ Министерства экономического развития РФ от 20 ноября 2013 г. № 690 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации». URL: <http://www.rg.ru/2014/04/04/metodika-site-dok.html>

6. Южаков, В. Как оценить результативность государственных программ: вопросы методологии / В. Южаков, Е. Добролюбова, О. Александров // Экономическая политика. 2015. № 6. С. 79–98.

УДК 378.12

ББК 74.580

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ВИУ РАНХИГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ)

Н. Р. Лапшина

Научный руководитель Е. В. Ковшикова

Аннотация. На сегодняшний день в российском образовательном пространстве сложилась противоречивая ситуация, связанная с трудностями процесса адаптации молодых преподавателей. В настоящий период высшие учебные заведения испытывают дефицит молодых преподавателей, и одной из причин данной проблемы являются сложности профессиональной адаптации начинающих специалистов. Поэтому только слаженные действия руководства вузов и самих молодых профессионалов могут обеспечить эффективность адаптационного процесса вхождения в образовательную среду начинающих специалистов.

Ключевые слова: управление персоналом, молодые преподаватели, высшая школа, адаптация, образовательное пространство, профессорско-преподавательский состав.

PROBLEMS OF ADAPTATION OF YOUNG TEACHERS IN THE MODERN HIGHER SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF VIU RANEPА UNDER THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

N. R. Lapshina

Abstract. Today in the Russian educational space there is a contradictory situation associated with the difficulties of the process of adaptation of young teachers. Today, higher education institutions are experiencing a shortage of young teachers, one of the reasons for which is the difficulty of professional adaptation of novice specialists. That is why only coordinated actions on the part of the leadership of universities and young professionals themselves can ensure the effectiveness of the adaptation process of entry into the educational environment of beginners.

Keywords: young teachers, higher school, adaptation, educational space, teaching staff.

В современном образовательном пространстве российского общества происходят инновационные изменения, которые направлены на повышение конкурентоспособности российского образования и социально-инновационного потенциала общества в целом. Большая роль в этих процессах отводится молодым преподавателям.

Высшая школа сегодня выдвигает значительное количество требований к молодым преподавателям, ожидая, что они станут активными субъектами инновационных процессов в образовании. Так, молодой преподаватель должен обладать

высоким уровнем академических знаний по выбранной специальности, а также общепедагогической и методико-технологической культурой.

Но кто же они такие, молодые преподаватели? Все мы не раз слышали о характеристиках молодого учёного, под которыми скрываются специалисты в возрасте до 35 лет, имеющие высшее образование не ниже второго (магистерского) уровня, или учёные в возрасте до 40 лет, имеющие научную степень доктора наук или обучающиеся в докторантуре. Ещё одним знакомым для нас является понятие научного работника – учёный,

имеющий высшее образование не ниже второго (магистерского) уровня, который согласно трудовому (контракту) профессионально проводит научную, научно-техническую, научно-организационную, научно-педагогическую деятельность и имеет соответствующую квалификацию независимо от наличия научной степени или ученого звания, подтвержденную результатами аттестации.

Однако в рамках нашего исследования было обнаружено, что ни современное законодательство, ни практическая деятельность образовательных организаций не предусматривают определение понятия «молодой преподаватель». Именно поэтому первостепенным является понимание того, кто же они – молодые преподаватели. Так, в рамках нашего исследования под молодым преподавателем следует понимать учёного в возрасте до 35 лет, имеющего высшее образование не ниже второго (магистерского) уровня и стаж работы не более пяти лет.

Следует оговорить важность адаптации именно молодых преподавателей в высшей школе. В нашей стране наблюдается ситуация старения кадров. Так, средний возраст преподавателя по стране сегодня составляет 49 лет, по Волгоградской области – 47 лет, в ВИУ РАНХиГС – 45 лет. Система высшего образования перестает получать молодые кадры в должном объёме, а их недостаток может привести к тому, что система начнет испытывать дефицит в молодом поколении преподавателей.

Согласно современным исследованиям, у многих специалистов в процессе трудовой адаптации начальный период вхождения в профессиональную среду обуславливается особой напряженностью, а также важностью для личностного и профессионального развития начинающего преподавателя. От успешности прохождения этого периода зависит, состоится ли молодой специалист как профессионал, или же он останется в сфере образования, но найдёт себя в другом деле.

Социально-профессиональная адаптация молодого преподавателя представляет собой процесс освоения навыков ведения образовательного процесса, норм и правил поведения – взаимодействия с профессорско-преподавательским составом, студентами, руководством высшего учебного заведения.

Однако в процессе социально-профессиональной адаптации молодого преподавателя возникает и ряд противоречий [1, с. 261]:

– между содержанием и уровнем подготовки в магистратуре/ аспирантуре вуза и многообразием ролей, сложностью задач, требований,

предъявляемых к этой должности;

– между личными потребностями начинающего преподавателя, его способностями, индивидуальными ценностями и нормами, которые демонстрирует в своём поведении большинство членов профессорско-преподавательского состава;

– между регламентированной в официальных документах ориентацией на индивидуализацию образования, учётом интересов и потребностей конкретных студентов и реальной заинтересованностью преподавателей в увеличении заработной платы, которая напрямую зависит от количества учебных часов, а не от эффективности их деятельности.

Современными исследователями выделяются три компонента социально-профессиональной адаптации преподавателя [2, с. 174]:

1. Психологическая, выражающаяся в приспособлении молодого специалиста к непривычным условиям;

2. Социально-психологическая, предполагающая вхождение в трудовой коллектив через сближение целей и интересов молодого преподавателя и профессорско-преподавательского состава;

3. Профессиональная, отражающая активное освоение преподавателем действий в соответствии с должностными обязанностями.

Так как трудовая адаптация молодого преподавателя является многокомпонентным процессом, реализующимся в соответствии с уровнями адаптационных механизмов, то целесообразно выделять несколько составляющих его профессионального развития [3, с. 282]:

1. Эмоционально-волевая составляющая, где основным критерием является профессиональная саморегуляция молодого специалиста;

2. Когнитивный компонент, критерием которого выступает профессиональное сознание молодого преподавателя;

3. Ценностно-мотивационная составляющая, критерием которой является профессиональная позиция специалиста, которая понимается как система профессиональных ценностей, ориентаций, внутренних ожиданий и взглядов.

В процессе трудовой адаптации молодому преподавателю приходится не только включаться в образовательный процесс, но и осваивать одновременно несколько профессиональных ролей: преподаватель, участник профессорско-преподавательской группы, подчиненный, коллега, научный работник, исследователь, – и в каждой из них необходимо продемонстрировать профессиональную компетентность и умения.

Изучение проблем адаптации молодых преподавателей в современной высшей школе осуществлялось нами на примере Волгоградского института управления РАНХиГС при Президенте РФ в апреле – мае 2019 года методом анкетирования (пилотное исследование). В исследовании приняли участие молодые преподаватели в возрасте до 35 лет, имеющие стаж работы не более пяти лет (N=15). Тип выборки – двухступенчатая квотная с учётом возраста и стажа работы.

Следует отметить, что на сегодняшний день большинство опрошиваемых отмечали, что сталкиваются с определёнными трудностями в процессе адаптации – 67 %. При этом основными являются проблемы, связанные с адаптацией в профессорско-преподавательский состав – 34 %, с преподавательской деятельностью – 28 %, с взаимоотношениями со студентами – 21 %, с изучением методической и нормативной документации – 15 %, затруднились ответить – 2 %.

Говоря о проблемах, связанных с адаптацией молодых преподавателей в профессорско-преподавательский состав, можно отметить, что на сегодняшний день они являются одними из самых важных, поскольку от того, как примут специалиста в коллективе, зависит его психологическое состояние, которое оказывает значительное влияние на его профессиональную деятельность. Так, при ответе на вопрос, связанный с тем, как приняли молодого преподавателя в коллективе образовательного учреждения, были получены следующие результаты: положительно – 23 %, скорее положительно – 31 %, скорее негативно – 28 %, негативно – 14 %, затруднились ответить – 4 %. Сложившаяся ситуация свидетельствует о ряде проблем в области адаптации в профессорско-преподавательский состав образовательного учреждения.

Ещё одним интересным моментом является вопрос, связанный с тем, сталкивались ли молодые преподаватели с принижением их профессиональной компетенции в связи с их возрастом или стажем работы со стороны руководства и старших коллег. Так, при ответе на соответствующий вопрос было выявлено, что больше половины опрошенных (67 %) сталкивались с подобной ситуацией.

Так, полученные данные свидетельствуют о серьёзной ситуации в области социально-профессиональной адаптации молодых преподавателей, которая требует решения как со стороны руководства организации, так и со стороны самих молодых специалистов.

По итогам проведённого исследования можно определить ряд задач, необходимых в работе по оказанию помощи начинающим преподавателям в процессе их трудовой и социально-психологической адаптации:

– Изучение реальных профессиональных трудностей начинающих преподавателей в процессе трудовой адаптации;

– Организация курсов повышения квалификации и переподготовки;

– Обеспечение методической литературой, необходимой для глубокого изучения преподаваемых дисциплин;

– Своевременная оценка и контроль труда преподавателя со стороны вышестоящего руководства;

– Наставничество для молодых преподавателей, позволяющее ускорить адаптационный процесс молодых специалистов.

Таким образом, системное и качественное управление процессом профессиональной адаптации и становления начинающих преподавателей сможет обеспечить как профессиональный рост самих молодых специалистов, так и способствовать развитию учреждения высшего образования благодаря их профессиональной деятельности.

Трудность профессиональной адаптации начинающих специалистов является одной из причин дефицита молодых преподавателей в современных высших учебных заведениях. Системные усилия по организации адаптационных процессов молодых специалистов со стороны руководства вузов, с одной стороны, и самих молодых профессионалов, а с другой – могут обеспечить эффективность адаптационных процессов вовлечения в образовательную среду начинающих специалистов.

Библиографический список

1. Бондарева, Е. П. Факторы профессиональной адаптации молодых преподавателей вуза / Е. П. Бондарева, С. А. Сергеев // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 258–266.
2. Кылосова, И. А. Актуальные вопросы современного образования / И. А. Кылосова и другие // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 174.
3. Хорошавина, Е. А. Проблемы адаптации к профессиональной деятельности глазами молодого преподавателя высшей школы / Е. А. Хорошавина, К. С. Медведева // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56 (4). С. 279–286.

УДК 316.472.4
ББК 60.54

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ЦИФРОВИЗАЦИИ

К. А. Оганесян

Аннотация. В современных условиях глобализации и цифровизации национальный вопрос любого государства приобретает особое значение. От того, в какой степени складываются отношения между представителями разных национальностей на территории страны, зависит и социально-экономическое и политическое состояние всего государства. В последнее время данный вопрос особо обостряется в связи с распространением информационных технологий, посредством которых возникают конфликтные ситуации между представителями разных национальностей. В последнее время наше общество всё чаще сталкивается с такими негативными проявлениями ксенофобных настроений, как «фейкогромы» и анонимные оскорбления в социальных сетях. Именно поэтому важным на сегодняшний день оказывается решение проблемы на уровне сознания каждого отдельного человека, особенно молодых людей, которые в большей степени подвержены радикальным течениям. Важным оказывается проведение культурных и научных межнациональных мероприятий, способствующих развитию чувства идентичности и толерантности в обществе.

Ключевые слова: цифровизация, национальный вопрос, ксенофобия, мигранты, беженцы, социальные сети.

NATIONAL QUESTION DURING DIGITIZATION

K. A. Oganessian

Abstract. In the modern conditions of globalization and digitalization, the national question of any state acquires special significance. The socio-economic and political condition of the entire state depends on the degree to which relations between representatives of different nationalities in the country develop. Recently, this issue has been particularly acute in connection with the spread of information technology, through which conflicts arise between representatives of different nationalities. Recently, our society is increasingly confronted with such negative manifestations of xenophobic sentiments as “feikogromy” and anonymous insults on social networks. That is why, today, it is important to solve the problem at the level of consciousness of each individual person, especially young people who are more prone to radical movements. It is important to carry out cultural and scientific international events that contribute to the development of a sense of identity and tolerance in society.

Key words: digitalization, the national question, xenophobia, migrants, refugees, social networks.

На сегодняшний день национальный вопрос любого государства приобретает особое значение, поскольку от того, в какой степени складываются взаимоотношений между нациями, национальными группами и народностями, зависит уровень волнений и преступности в обществе. В современных условиях всё большее внимание привлекают конфликты, возникающие посредством использования информационных технологий. Нет никаких препятствий для того, чтобы зайти в Интернет и высказать свою точку зрения другому человеку или обсудить какую-либо тему. В связи с этим доступность информационных технологий не только позволяет общаться и налаживать контакты людям разных национальностей, но и провоцирует возникновение конфликтных ситуаций, которые зачастую переходят в реальный мир.

Прежде чем перейти к рассмотрению наци-

онального вопроса в период цифровизации, необходимым оказывается рассмотреть само определение понятия «национальный вопрос» и его особенностей.

Так, на сегодняшний день национальный вопрос представляет собой совокупность политических, экономических, территориальных, правовых, идеологических и культурных отношений между нациями, национальными группами и народностями в различных общественно-экономических формациях.

По мнению некоторых исследователей, национальный вопрос – это вопрос о причинах возникновения недоверия, вражды и конфликтов между нациями, с одной стороны и существующей системы власти в многонациональном обществе – с другой, о формах, методах и условиях его решения в интересах мирного сожительства и добрососедства, прогресса наций на основе равноправия, суверенности и демократизма. Нацио-

нальный вопрос в основном формируется и проявляется в многонациональных странах.

Выделяются следующие основные сферы конфликтных ситуаций в многонациональном государстве:

1) отношения между центральными органами и республиками (землями, штатами, кантонами и т.п.);

2) отношения между союзными республиками (штатами);

3) отношения внутри союзных республик между автономными образованиями;

4) проблемы национальных групп в республиках (штатах), а также национальностей, не имеющих собственных национально-государственных образований;

5) проблемы разделенных народов.

Все они являются производными основного противоречия, обусловленного существованием двух тенденций в развитии наций.

Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, создание независимых национальных государств. Вторая: развитие всяческих отношений между нациями на основе процесса интернационализации, ломка национальных границ, усиление взаимного сотрудничества, интеграционные процессы. Эти две тенденции являются источником развития социально-этнических процессов. Недостаточно теоретически признать их существование, необходимо снять все препятствия на пути их действия.

Национальный вопрос может выступать как проблема социально-экономического развития, а также культуры, языка и даже экологической защиты. Но его постановка всегда содержит политический аспект. Выступая как вопрос политической демократии, он каждый раз вскрывает ущербность какой-либо стороны существующей политической системы, вновь выдвигая проблему равноправия.

Важно отметить, что в зарубежных странах этой проблеме уделяется большое значение. Так,

в европейских странах выработана толерантная система отношения к представителям других национальностей, поскольку большинство стран Европы являются большими туристическими центрами и привлекательными территориями для переезда на постоянное или временное место жительства. Ещё одним успешным примером толерантности в эпоху глобализации и цифровизации является внедрение возможности в зарубежной социальной сети «Facebook» выбора своей национальности [4, с. 81].

Однако даже успешные примеры укрепления толерантности в зарубежных странах не позволяют полностью искоренить ксенофобные настроения по отношению к представителям других национальностей, особенно к мигрантам и беженцам. Так, из-за военных действий на территории Сирии в европейские страны увеличивается приток беженцев, что создаёт определённые ограничения и влияет на качество жизни населения этих стран. В связи с возросшим количеством беженцев страны Европейского союза и Шенгенской зоны приняли решение о вводе пограничного контроля на внутренних границах своих стран и стран, подписавших соответствующее соглашение. Ситуация ухудшилась и тем, что в социальных сетях и масс-медиа стали распространяться негативные высказывания в сторону беженцев с акцентирующим вниманием к их национальности.

Так, в современных условиях усилились миграционные потоки населения, что сильно затронуло европейские страны: например, количество мигрантов/беженцев в европейские страны на 2018 г. составило более 2,5 млн человек – беженцев из стран Ближнего Востока и не только.

В России национальный вопрос также имеет особое значение, поскольку наша страна является многонациональным государством, объединившем на своей территории русских, татар, украинцев, башкир, чувашей, армян, казах и представителей других национальностей (см. рис. 1).

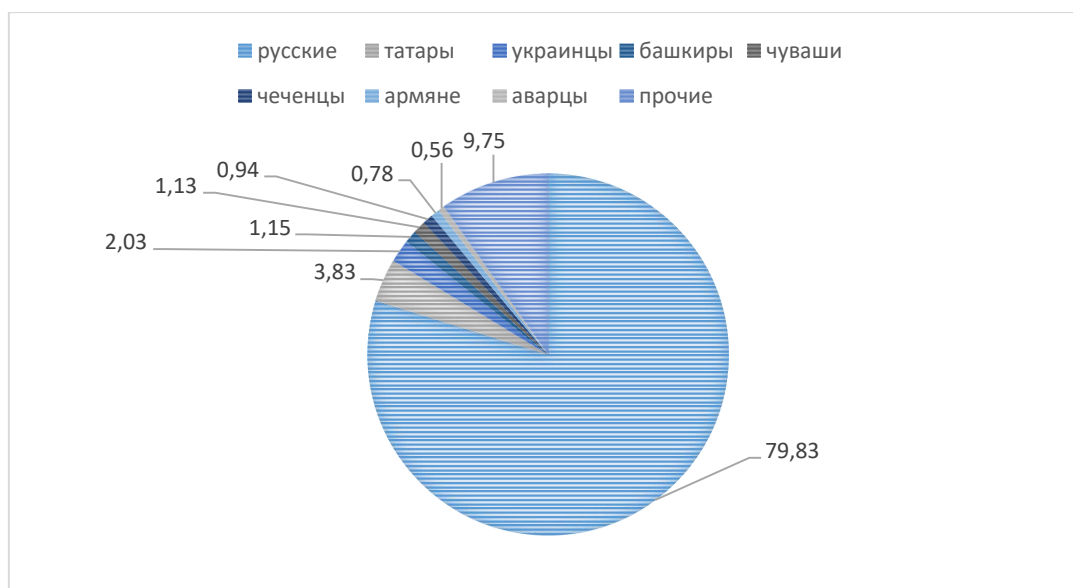

Рис. 1. Национальный состав населения России по переписи 2010 года

Зачастую конфликтные ситуации на территории нашей страны связаны с неприязнью к представителям других национальностей и «отстаиванием своей территории». Не редкостью являются и конфликты, возникающие на почве неуважения представителя одной национальности к культурным особенностям или религии представителя другой национальности (межнациональные и межконфессиональные конфликты).

Усиление ксенофобных настроений в России особо обострилось в конце 2013 г. в связи с непростой ситуацией в Украине [2, с. 168]. Так,

до 2014 г. количество беженцев, получивших временное убежище на территории Российской Федерации, составляло не более 4 тыс. человек, а после 2014 г. возросло до 250 тыс. человек (см. рис. 2).

Следует отметить, что данная ситуация особенно остро воспринимается именно населением принимающей страны, поскольку большое количество беженцев и людей, получающих временное убежище, непременно сказывается на уровне жизни обыкновенного населения.

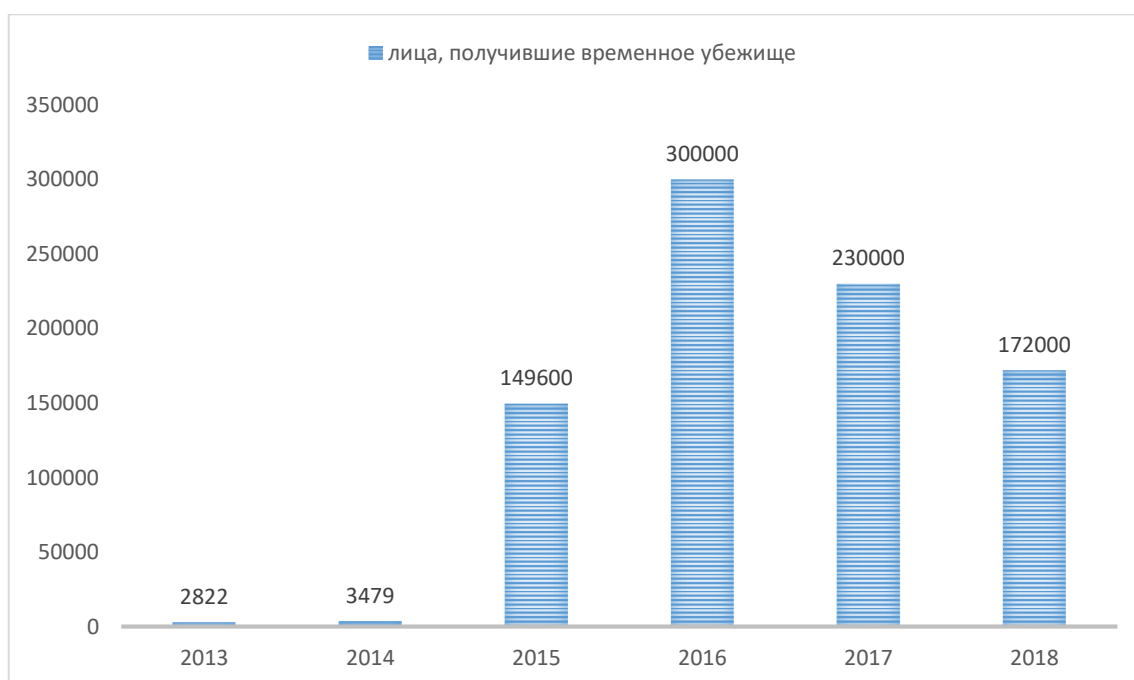

Рис. 2. Статистика Росстат: лица, получившие временное убежище на территории Российской Федерации за 2013–2018 гг.

После того, как в нашу страну увеличился поток беженцев, увеличилось и количество преступлений на фоне неприязни к представителям других национальностей, особенно к украинцам. Согласно данным Росстата за 2018 год на территории Российской Федерации было зафиксировано 32 тыс. преступлений, носящих характер нетерпимости к представителям другой

национальности, при этом в 2017 году их количество равнялось 29 тыс. преступлений, а в 2016 г. – 28 тыс., 2015 – 27 тыс., 2014 – 17 тыс., 2013 – 16 тыс. преступлений (см. рис. 3) [1, с. 172]. Данные статистики свидетельствуют о тенденции увеличения уровня ксенофобии к представителям чужой национальности на территории нашей страны.

Рис. 3. Преступления на фоне неприязни к представителям другой национальности на территории Российской Федерации за 2013–2018 гг.

Особенно остро данная ситуация проявляется в социальных сетях и различных форумах соответствующей тематики. В глобальной сети многие не боятся оскорблять представителей других национальностей, в связи с чем и происходит возникновение конфликтных ситуаций на почве неприязни к представителям других национальностей. Опасна данная ситуация и тем, что человек или группа людей, «разжигающих» конфликт, чаще всего пользуются возможностью анонимно оставлять оскорбительные сообщения. Однако неприязнь одного человека или группы людей впоследствии переносится на целую нацию.

С целью предотвратить разжигание межнациональной неприязни летом 2017 г. Государственная Дума приняла поправки к Федеральному закону № 149-ФЗ от 27.07.2006 года «Об информации, информационных технологиях и защите информации». С января 2018 г. интернет-мессенджеры теперь обязаны идентифицировать по номеру мобильного телефона пользователей, передачу электронных сообщений которых они осуществляют. Таким образом, даже если человек сидит в социальной сети и отправляет сообщения с анонимного или вымышленного аккаунта, благодаря данной поправке в законе его можно будет

легко вычислить по номеру мобильного телефона, на который зарегистрирован пользователь, поскольку согласно Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», регистрация мобильного номера пользователя возможна только при предъявлении документа, подтверждающего его личность.

Другим серьезным моментом, способным побудить к разжиганию межнациональных конфликтов, являются «фейкогромы» (ложные или искажённые новости) в социальных сетях, которые могут спровоцировать агрессию представителей одной национальности по отношению к другим [3, с. 321].

Ярким примером подобной новости является ситуация, произошедшая в Якутии в марте 2019 г.: после похищения и насильственного удержания молодой девушки в сети Интернет стали появляться новости с национализированными заголовками:

- «Мигранты из Киргизии похитили и удерживали молодую девушку»;
- «Якутский бунт: мигрантов-наильников из Киргизии терпеть не будем»;
- «Скажем нет мигрантам из Киргизии» и т.д.

В данных заголовках акцентируется национальность виновника, что проецирует ассоциацию с преступлением на всех представителей данной национальности. Одна только фейковая (ложная) новость спровоцировала проведение несанкционированного митинга против мигрантов в центре Якутии, что впоследствии переросло в погромы и притеснения работающих мигрантов. Ситуация усугубилась ещё больше, когда в сети стала появляться информация о проведении подобного митинга [3, с. 70]. Таким образом, новости в социальных сетях стали причиной агрессии как с одной стороны, так и с другой. Подобная ситуация особо опасна, поскольку последствия подобной агрессии продолжают развиваться не только в массовых митингах, но также и в обычной жизни, когда представители разных национальностей сталкиваются face to face (лицом к лицу).

Однако, важно отметить, что преступность не имеет национальности. Преступные посягательства против половой неприкосновенности совершаются лицами различных национальностей, социального статуса, возраста, что подтверждается и статистическими данными. Так, в 2017 г. против половой свободы и половой неприкосновенности личности в Республике Саха (Якутия) было совершено 117 преступлений, из которых иностранцами – 6. А в 2018 г. совершено 296 преступлений, из которых иностранными гражданами – 4. Таким образом, приведённые данные свидетельствуют о противоречивости сделанных выводов якутским сообществом в отношении представителей киргизской национальности и мигрантов в целом.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что в современных условиях информатизации национальный вопрос стал ещё более серьёзной темой для изучения и детального рассмотрения. Особенно остро национальная неприязнь проявляется в социальных сетях, где она реализуется не только через личные оскорбления конкретного человека, но и оскорбительные и провокационные новости относительно целой национальности. Сегодня государством предпринимаются меры по совершенствованию российского законодательства в отношении сети Интернет. Так, в конце марта 2019 г. были приняты поправки к статье 15 Федерального закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации», которые позволяют проводить блокировку ложной информации, а её распространителей привлекать к ответственности. Опасными будут считаться новости, угрожающие человеческой жизни или здо-

ровью, сохранности имущества, нарушению порядка в стране, а также угрожающими работе различных объектов. При этом следует отметить, что не допускается не только соответствующий запрещённой тематике текст, но и особенно распространённые в последнее время картинки (мемы), оскорбляющие или принижающие достоинство представителей определённой национальности.

Важно также отметить, что вопрос освещения межнациональных отношений и этнических проблем в современных СМИ на сегодняшний день стоит достаточно остро. Обусловлено это несколькими причинами, среди которых: низкий уровень толерантности журналистов при упоминании представителей разных этносов, развитая коррупция в отечественных СМИ и высокая «политизированность», широкое развитие манипуляционных технологий, как следствие борьбы правящих элит. Именно в этом существует опасность информационной сферы и ее влияния на межнациональные отношения в нашем обществе. Своевременное и успешное решение данных проблем напрямую влияет на спокойствие, взаимную терпимость, согласие и взаимопонимание людей – представителей разных этносов, национальностей и конфессий, проживающих в мультикультурной России [6, с. 75]. Стоит отметить, что в России изучением проблем освещения межнациональных отношений в современных российских СМИ занимается Институт этнологии и антропологии РАН, в котором на протяжении последних 30 лет ведутся широкие сравнительные этносоциологические исследования центральной и региональной прессы.

Тем не менее, несмотря на предпринятые государством меры соблюдения порядка и решения национальных конфликтов, на сегодняшний день не существует эффективного механизма отслеживания потенциально опасной информации в глобальной сети, что, несомненно, приводит к возникновению новых противостояний представителей различных национальностей. В данной ситуации первостепенным является решение проблемы на уровне сознания каждого отдельного человека, особенно молодых людей, которые в большей степени подвержены радикальным течениям. Необходимым оказывается проведение культурных и научных межнациональных мероприятий, способствующих развитию чувства идентичности и толерантности в обществе:

1. Создание единой информационной площадки для открытого диалога представителей разных национальностей (например, специальная группа в социальной сети, где публикуются новости о проведении различных мероприятий,

направленных на повышение толерантности в обществе).

2. Проведение культурно-массовых мероприятий с представителями разных национальностей.

3. Формирование толерантного отношения на уровне сознания каждого отдельного человека с помощью механизмов масс-медиа.

Таким образом, только реализация комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня толерантности и профилактики нетерпимости к представителям других национальностей в обществе будет способна изменить сложившуюся ситуацию на территории нашей страны.

Библиографический список

1. Будницкий, О. К. О национальном вопросе в России / О.К. Будницкий // Вопросы национализма. 2018. № 1 (31). С. 171–178.

2. Дякиева, Р. Б. Межнациональное согласие как альтернатива экстремизму и конфликтам / Р. Б. Дякиева // Обзор. НЦПТИ. 2018. № 4. С. 22–28.

3. Ломских, Н. В. Толерантность в национальном вопросе: опыт социологического исследования / Н. В. Ломских, Е. А. Кошелева // Ползуновский альманах. 2018. № 2. С. 167–170.

4. Нохрин, А. В. Межнациональный конфликт как социологический феномен / А. В. Нохрин // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2017. № 9. С. 78–82.

5. Тетерин, В. И. Социальные сети как ресурс для профилактики межнациональных конфликтов в молодёжной среде / В. И. Тетерин, Е. А. Ширанова // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики. 2018. № 1. С. 320–324.

6. Хамутаев, В. А. Национальный вопрос в эпоху цифровизации и глобализации / В. А. Хамутаев // Власть. 2019. № 2. С. 69–71.

7. Яковлева, О. М. Межнациональные конфликты в освещении федеральной и региональной прессы / О. М. Яковлева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 8. № 1. С. 74–77.

УДК 316.354.4(470+73)

ББК 60.802(2Рос)(7Сое)

ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ В РОССИИ И АМЕРИКЕ

В. Л. Седова

Научный руководитель И. Г. Томарева

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты корпоративной социальной ответственности, а также процесс ее осуществления в странах России и Америки. Определяется ряд различий и сходств в процессе управления корпоративной социальной ответственностью. А также в проведенном исследовании выделяются преимущества и недостатки данных процессов управления и указываются особенности, на которые стоило бы обратить внимание двум странам для эффективного управления корпоративной социальной ответственностью.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, социальная отзывчивость, социальная политика, социальная программа.

THE PROCESS OF MANAGEMENT OF THE CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN RUSSIA AND AMERICA

V. L. Sedova

Abstract. This article discusses aspects of corporate social responsibility, as well as the process of its implementation in the countries of Russia and America. A number of differences and similarities in the process of corporate social responsibility management is determined. The study also highlights the advantages and disadvantages of these management processes and identifies features that two countries should pay attention to in order to effectively manage corporate social responsibility.

Key words: corporate social responsibility, social responsiveness, social policy, social program.

Вопросы социальной ответственности и деловой репутации в настоящее время являются очень важными в деятельности любой компании России и Америки. Об этом свидетельствуют та-

кие события, как отказ многих потребителей приобретать продукцию социально-безответственных компаний, а также банкротство крупнейших корпораций мира.

Существует большое количество трактовок понятия «корпоративной социальной ответственности», но именно в нашем понимании корпоративная социальная ответственность – это добровольный вклад бизнеса в развитие общества в экономической, социальной и экологической сферах. Однако, по мнению М. В. Кавариной, зачастую данный вклад не связан напрямую с основной деятельностью компании и выходит за рамки определенного минимума, закрепленного законодательно, и принятых в обществе этических норм. Сегодня это ответственность в первую очередь перед деловыми партнерами и сотрудниками, перед местными сообществами и населением в целом [2].

В ходе изучения нами были выявлены следующие этапы управления корпоративными социальными программами в России:

Во-первых, значимым является определение приоритетов социальной политики компании. На наш взгляд, данный этап является основополагающим и может применяться в любой стране в

независимости от экономической, политической и социальной сфер.

На втором этапе происходит создание специальной структуры управления социальными программами. В современное время в России стало очень распространено создание комитетов по социальной ответственности и/или этике при совете директоров, основными задачами которых являются выработка приоритетов социальной политики, оценка проделанной работы и предоставление экспертных рекомендаций по существенным для компании вопросам социального характера. В компаниях, где нет таких профильных комитетов, вопросы социальной ответственности входят в сферу компетенции совета директоров.

Затем происходит проведение программ обучения социальной ответственности.

Четвертый и пятый этапы включают в себя реализацию социальных программ компании и доведение их до сведения заинтересованных сторон реализации социальных программ компании. (см. рис. 1)

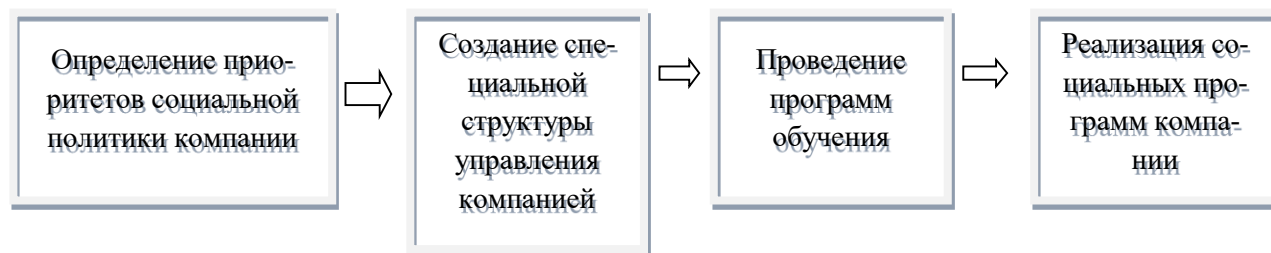

Рис. 1.

Но, несмотря на вовлеченность некоторых хозяйствующих субъектов, повествует М. Г. Авилова, основная часть российского бизнеса предпочитает ограничиваться базовым уровнем корпоративной социальной ответственности, характеризующимся соблюдением норм трудового законодательства и законодательства в сфере охраны окружающей среды, своевременной уплаты налогов, страховых взносов и иных платежей. Соблюдение данных требований позволяет предприятию выйти на цивилизованный рынок, но не проявить себя в качестве социального инвестора. Корпоративная социальная ответственность в России развивается достаточно медленно [1, с. 1–5]. Данные отрицательные черты требуют совершенствования, потому существует необходимость опираться на зарубежный опыт построения данного процесса.

В связи с данной необходимостью нами проведено сравнение корпоративной социальной ответственности России и Америки, мы выявили следующие различия:

I. В Америке процесс управления корпоративной социальной ответственностью осуществляется с помощью определенного подхода социальной ответственности, или, как его называют по-другому – подхода «социальной отзывчивости», который подчеркивает то, что бизнес несет в себе не только экономические и социальные обязанности, но также должен уметь предвидеть будущие социальные проблемы и выделить организационные ресурсы для решения новых проблем [3, с. 18–36].

В России в процессе управления применяются только два подхода: ситуационный и системный и это, на наш взгляд, говорит о том, что данный процесс требует усовершенствования.

II. Процесс, посредством которого организация управляет ее общественной деятельностью, независимо от того, какой подход к ней применяется, в Америке имеет два основных аспекта (см. рис. 2):

- 1) стадия действия;
- 2) стадия оценки

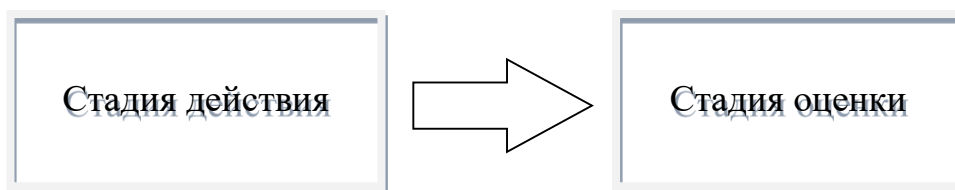

Рис. 2.

Первая стадия в Америке включает в себя пять этапов, которые в России являются отдельными этапами:

- 1) Выполнение ситуационного анализа.
- 2) Установление стандартов.
- 3) Генерирование альтернативных вариантов действий.
- 4) Определение сроков, места, времени проведения соответствующего действия.
- 5) Осуществление, реализация действия [4, с. 6-10].

III. В России еще не во всех компаниях существуют специальные профильные комитеты, занимающиеся вопросами корпоративной социальной ответственности. В то время как в Америке такие подразделения функционируют сравнительно давно и с каждым годом набирают обороты.

Но, несмотря на различия, существуют и общие черты, которые присущи процессу корпоративной социальной ответственности России и Америки.

1. Первым шагом в любой корпоративной социальной программе действий России и Америки является проведение анализа ситуации в отношении социального состояния организации в целом. Анализ предполагает сравнение «что есть» и «что должно быть». Если между двумя этими показателями существует огромный пробел, то социальная потребность считается выявленной.

2. Также одной из общих черт двух стран является определение стандартов производительности, которые помогут узнать, когда проблема будет устранена. Эти стандарты эффективности

определяются с точки зрения наблюдаемого и измеримого поведения.

3. В свою очередь еще в каждой из стран существует оценка результатов деятельности, которая подразумевает независимую аудиторскую проверку, формальную апробацию общих организационных усилий в области социальной ответственности.

Вышеперечисленные действия в рамках процесса осуществления корпоративной социальной ответственности позволяют эффективно управлять компанией.

В заключение необходимо отметить, что в каждой из стран существуют свои определенные особенности процесса управления социальной ответственностью. В Америке существует всего две стадии, с помощью которых осуществляется процесс, но каждая из стадий перекликается с некоторыми этапами, которые используются в России.

Библиографический список

1. Авилова, М. Г. Корпоративная социальная ответственность в России: тенденции, проблемы, решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 34. С. 1–5. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56712.htm>.
2. Киварина, М. В. Корпоративная социальная ответственность // Экономический журнал. 2011. № 23. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost>.
3. Drucker, Peter F. «What is Business Ethics?» The Public Interest (Spring 1981) pp. 18–36.
4. Friedman, Milton. «The Social Responsibility of Business is to increase its Profits.» The New York Times Magazine, September 13, 1997, pp. 6–10.

УДК 338:004(470.45)
ББК 65.010.19(2Рос-4Вог)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ ПО ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

О. В. Харитонова
Научный руководитель А. Н. Фомин

Аннотация. В данной статье определяется роль цифровизации в экономической и социальной сферах, выделяются основные проблемы использования ресурсов СМИ и Интернет при осуществлении цифровизации экономики и социальной сферы, рассматривается необходимость правового регулирования отношений в цифровом пространстве. Обращается особое внимание на практику по реализации государственной политики по цифровизации экономики и социальной сферы Волгоградской области.

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, правовое регулирование СМИ и Интернет, проблемы цифровизации, цифровизация в экономической и социальной сферах.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE RUSSIAN STATE POLICY ON THE ECONOMY AND SOCIAL SPHERES' DIGITIZATION BY THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION

O. V. Kharitonova

Abstract. This article defines the role of digitalization in the economic and social spheres, shows the main problems of using the media and the Internet in the implementation of the digitalization of the economy and social sphere, considers the necessity of the relations in the digital space law regulation. Particular attention is paid to the practice of implementing state policy on the digitization of the economy and social sphere of the Volgograd region.

Key words: digitalization, informatization, law regulation of the social media and the Internet, problems of digitalization, digitalization in the economic and social spheres.

Информация в современной постиндустриальной эпохе представляет собой один из основ функционирования общественных процессов. С помощью глобальной сети информационное пространство увеличивает спектр человеческих возможностей, позволяя преодолевать географические, культурные, экономические и политические границы, «виртуализируя» сферы жизнедеятельности человека. Скорость распространения информационных потоков порождает нарастающую ситуацию тотальной цифровизации как жизни людей, так и общественных процессов в целом; термин «информатизация» становится всё менее актуальным, современное поколение живет уже в цифровом формате. В связи с изменениями информационного пространства государство вынуждено реагировать на подобные вызовы и принимать соответствующие решения. В настоящее время государственная политика направлена на создание условий, способствующих повышению качества жизни в стране с помощью обеспечения доступности пользования современными цифровыми технологиями, формированию цифровой грамотности, улучшению доступности государственных услуг, а также обеспечению безопасности в виртуальном

пространстве. Так, например, И. Г. Курочкина говорит о взаимоинтегрированных кибернетических и физических пространствах, в которых инновации в сфере науки и техники играют ведущую роль в обеспечении сбалансированного экономического развития и решения социальных проблем. Несмотря на это, предпосылкой создания цифрового общества является взаимодействие и сотрудничество между индустрией, научными кругами и правительством [4, с. 36].

Федеральным органом государственной исполнительной власти, ответственным за реализацию данного направления является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации; Министр – Константин Юрьевич Носков. Курирующий вице-премьер – Константин Анатольевич Чуйченко.

В последние годы всё чаще принимаются нормативно-правовые акты, регламентирующие цифровизацию экономики и социальной сферы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В данном Указе Президент постановляет Правительству РФ обеспечить достижение к

2024 г. ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере. А при разработке национального проекта в сфере образования исходить из того, что в 2024 г. необходимо обеспечить создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней.

2. Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 г. Согласно данному документу выделяется следующая национальная цель: «Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере». В экономической сфере к 2024 г. Правительству РФ поставлен ряд следующих задач: создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе к каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий; создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок и др.

3. Программа Российской Федерации «Информационное общество» 2011–2020 гг. Основными направлениями этой Программы выступают повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения, подготовка квалифицированных кадров, укрепление нравственных и патриотических принципов в общественном сознании, а также развитие системы культурного и гуманитарного просвещения на основе развития и использования информационных технологий.

4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Направлена на формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы.

5. Национальная программа «Цифровая экономика» включает в себя шесть федеральных проектов. Мероприятия национальной программы «Цифровая экономика» направлены на создание современной высокоскоростной инфраструктуры хранения, обработки и передачи данных, обеспечение устойчивости и безопасности ее функционирования; на формирование системы подготовки кадров для цифровой экономики; на повышение эффективности государственного управления и оказания государственных услуг посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений. Реализация Программы станет основой для создания обновленной регуляторной среды отношений граждан, государства и бизнеса.

Видим, что в совокупности федеральная государственная политика имеет широкий спектр

задач для цифровизации рассматриваемых нами сфер. Насколько качественно выполняются установленные государством векторы развития в регионах, рассмотрим далее на примере практики Волгоградской области.

Органом исполнительной власти Волгоградской области, уполномоченным в сфере информационных технологий, связи, телекоммуникаций, развития информационного общества и формирования электронного правительства на территории Волгоградской области, является Комитет информационных технологий Волгоградской области.

Органом государственной законодательной власти субъекта РФ, ответственным за реализацию данного направления, является Комитет по культуре, делам национальностей и казачества, вопросам общественных объединений, религиозных организаций и информационной политики.

Анализ нормативных документов «Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года» и «Стратегия социально-экономического развития Волгограда до 2030 года» показал, что слово «цифровизация» там не было отмечено ни разу. Но, несмотря на это обстоятельство, многие задачи, поставленные государством по цифровизации в социальной и экономической сферах, отображены в данных документах. Так, «Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года» ставит одним из приоритетных направлений развитие инфраструктуры предоставления услуг, как с использованием средств ИТ, ИТ-услуг, в том числе предоставление государственных и муниципальных услуг, включая создание регионального удостоверяющего центра, многофункциональных центров предоставления государственных услуг, развитие электронного взаимодействия между поставщиками и потребителями государственных услуг с использованием электронных документов, удостоверяемых электронной цифровой подписью.

Более того, принимается во внимание необходимость формирования условий для поэтапного перехода к новому уровню развития социально-экономической сферы на базе использования информационных технологий с точки зрения участия граждан в общественной жизни, в том числе: совершенствование «инфраструктуры доверия» – комплекса нормативно-методических технологических и организационных решений на основе обеспечения информационной безопасности личности, общества, региона; перевод всего теле- и радиовещания в цифровую форму.

В «Стратегии социально-экономического развития Волгограда до 2030 года» одним из перспективных направлений обозначается «формирование единого информационного пространства,

нацеленного на создание позитивной городской идентичности, предоставление возможности выражения гражданской позиции каждому жителю города», целью которого является формирование системы доступного и качественного оказания гражданам и организациям государственных и муниципальных услуг с применением современных и телекоммуникационных технологий при высоком качестве межведомственного взаимодействия органов местного самоуправления Волгограда.

Согласно данному документу, цифровизация затрагивает и социальную сферу города: запланировано расширение доступа к новым технологиям и культурным ценностям посредством повышения уровня образования, культуры и интеллектуального роста населения, поддержка создания публичных электронных библиотек, сайтов музеев и театров в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, вводится единый «Электронный проездной» на общественный транспорт внутригородского значения.

Таким образом, можно утверждать, что в стратегических документах города Волгоград и Волгоградской области учитываются основные направления политики цифровизации, поставленные государством.

В регионе проводятся различные мероприятия в рассматриваемой нами сфере. За ними можно проследить на официальном сайте администрации и областной думы Волгоградской области. Так, за период с января по май 2019 г. в Волгоградской области было проведено более 30 мероприятий, направленных на цифровизацию социальной и экономической сфер. Среди них можно выделить следующие:

1. Комитет информационных технологий Волгоградской области организовал проведение для всех желающих очередного открытого «Урока цифры» на тему «Искусственный интеллект и машинное обучение» в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [8].

2. Создана специальная комиссия для обеспечения согласованных действий органов власти и всех заинтересованных организаций в процессе перехода на цифровое телевизионное вещание [7, сообщение от 14.05.2019].

3. С 1 апреля 2019 г. в Волгоградской области на «горячую линию» поступило 176 заявок на приглашение волонтеров для подключения ТВ-тюнеров для приема цифрового сигнала [7, сообщение от 15.05.2019].

4. Отдаленные населенные пункты Волгоградской области продолжают обеспечивать

устойчивой связью. В Ленинском районе состоялся запуск базовой станции в стандартах 3G и 4G, что позволит получить доступ к высокоскоростному интернету более 1200 человек, проживающих в селе Маляевка [7, сообщение от 15.05.2019].

5. Волгоградские предприятия, ученые, а также специалисты региональных комитетов промышленности и торговли, информационных технологий представили потенциал региона на конференции «Цифровая индустрия промышленной России». [7, сообщение от 22.05.2019].

В целом можно сделать вывод о регулярности проведения в регионе мероприятий, направленных на цифровизацию социальной и экономической сфер. По сравнению с другими субъектами РФ, за период с января по май 2019 г. Волгоградская область отстает по количеству таких мероприятий от Ростовской области, в которой за аналогичный период было проведено более 45 подобных мероприятий [10], но опережает Астраханскую область, которая с января по май 2019 г. провела только 8 мероприятий, направленных на цифровизацию социальной и экономической сфер [9].

Стоит отметить, что в Волгоградской области в работу по цифровизации включены не только органы государственной и муниципальной власти, но и некоммерческие организации. Например, с декабря 2018 г. в Волгограде, в рамках нового социального проекта «Цифровая среда», проходят бесплатные занятия и консультации по информационным технологиям для лиц возрастной категории 55–60 лет и старше. Проект ведут Волгоградская областная библиотека им. М. Горького и Волгоградский филиал Российского общества «Знание». Граждане пожилого возраста учатся открывать мир интернета, работать в поисковых системах и почтовых сервисах, узнают о возможностях портала «Госуслуги», знакомятся с работой порталов транспортного обслуживания и с тем, как с их помощью ориентироваться в городе [2].

Таким образом, основными направлениями цифровизации экономики и социальной сферы в Волгоградской области являются следующие:

- упрощение административных процедур и организация предоставления населению государственных и муниципальных услуг в электронном виде;
- развитие инфраструктуры предоставления услуг с использованием средств ИТ, ИТ-услуг;
- полный перевод телерадиовещания в цифровую форму;
- создание технических условий для совершенствования институтов развития общества;

- создание образовательной платформы для совершенствования компетенций в условиях цифровизации;

- формирование мотивационной системы для развития цифрового сознания.

Учеными и общественными деятелями самыми основными проблемами цифровизации выделяются следующие: подготовка специалистов для цифровых отраслей, способных осваивать постоянно обновляющиеся технологии; защита персональных данных в сети Интернет; подготовка школ к кооперации с сетью Интернет для комфортного приспособления детей к виртуальному пространству [3, 5, 11].

Мы видим, что наряду с поставленными задачами и целями в Волгоградской области соответственно решаются и проблемы, появляющиеся с внедрением цифровизации:

- неготовность старшего поколения к принятию новых информационных систем, нежелание разбираться в новых технологиях;

- неподготовленность граждан к процессу цифровизации;

- незащищённость детей в сети Интернет;

- неразвитость широкополосного доступа к мобильной сети и сети Интернет на всей территории Волгоградской области;

- возможная утечка персональных данных;

- неподготовленность кадров к работе в цифровом пространстве.

Решение указанных проблем будет обеспечено, в том числе, в рамках реализации национальных проектов «Цифровая экономика Российской Федерации», «Культура», «Образование», «Наука» и «Здравоохранение», государственных программ Российской Федерации «Развитие образования», «Развитие здравоохранения», «Содействие занятости населения», «Информационное общество (2011–2020 годы)», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы.

Библиографический список

1. Гнатышина, Е. В. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты / Е. В. Гнатышина, А. А. Саламатов. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 19–24.

2. Граждане 55+ обучатся пользоваться информационными технологиями. Новости от 28.12.2019. Сайт Газеты «Волгоградская Правда» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vpravda.ru/obshchestvo/grajdane-55-plus-obuchatsya-informatsionnim-technologiyam-75067/> (дата обращения: 21.05.2019).

3. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1 / под научн. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьмина. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.

4. Курочкина, И. Г. Оценка уровня цифровизации российской федерации в мировых рейтингах / И. Г. Курочкина // ECONOMICS / «Colloquium-journal». 2019. № 2 (26). С. 36–38.

5. Малышева, Г. А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества / Г. А. Малышева // Власть. 2018. № 1. С. 40–46.

6. Новости. Сайт Администрации Волгограда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.volgadmin.ru/d/list/news/admvlg> (дата обращения: 26.05.2019).

7. Новости. Сайт Администрации Волгоградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.volgograd.ru/news/> (дата обращения: 28.05.2019).

8. Новости. Сайт Волгоградской Областной Думы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://volgoduma.ru/informacziya-press-sluzhby/news.html> (дата обращения: 28.05.2019).

9. Новости. Сайт Правительства Астраханской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.astrobl.ru/news/> (дата обращения: 30.05.2019).

10. Новости. Официальный портал Правительства Ростовской области. Министерство информационных технологий и связи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minsvyaz.donland.ru/presscenter/news/> (дата обращения: 30.05.2019).

11. Общероссийский Народный Фронт. Необходим закон, который даст пользователям интернета возможность контролировать свои персональные данные [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://onf.ru/2018/11/02/zaborenko-neobhodim-zakon-kotoryy-dast-polzovatelyam-interneta-vozmozhnost-kontrolirovat/> (дата обращения: 27.05.2019).

12. Попова, Е. А. Государственная Политика в Области Цифровой Трансформации Общества [Текст] / Е. А. Попова, З. С. Мартемьянова. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 3. С. 162–166.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АРХИПОВА** – старший преподаватель кафедры корпоративного управления
Татьяна Георгиевна Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
контактная информация: arhipovat@vlgr.ranepa.ru
- БУЛЕТОВА** – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой корпоративного
Наталья Евгеньевна управления Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
контактная информация: buletovanata@gmail.com
- ВАСИЛЕВСКАЯ-РУЦКАЯ** – магистрант Волгоградского института управления –
Наталья Валентиновна филиала РАНХиГС
контактная информация: n.rutzkaja@yandex.ru
- ГОЛОВА** – специалист ФГБУ «Центр спортивной подготовки сборных команд
Анастасия Андреевна России», г. Москва
контактная информация: countess-golova@mail.ru.
- ГОРЕЛОВА** – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета,
Ирина Валерьевна анализа и аудита Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
контактная информация: tonechka0606@yandex.ru
- ДРОЗДОВА** – студентка II курса магистратуры «Высшей школы журналистики и
Анастасия Александровна массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
контактная информация: drozdova11n@gmail.com
- ДЬЯЧЕНКО** – научный сотрудник, лаборатория археологических исследований ВолГУ
Александр Николаевич
контактная информация: arhlab@volsu.ru
- ЗЕМЛЯНСКАЯ** – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета,
Ирина Сергеевна анализа и аудита Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
контактная информация: zemlyanskaya-irina@yandex.ru
- ЗИМИНА** – магистрант Волгоградского института управления –
Ирина Александровна филиала РАНХиГС
контактная информация: zimina.ir1996@yandex.ru
- ЗИНЧЕНКО** – магистрант Волгоградского института управления –
Юлия Станиславовна филиал РАНХиГС
- ЗОЛОТЬКО** – кандидат экономических наук, помощник ректора ВолГУ
Татьяна Александровна
контактная информация: ztavolga@volsu.ru
- ИВАНОВА** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры корпора-
Татьяна Борисовна тивного управления Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
контактная информация: nika20021960@bk.ru
- КОВШИКОВА** – доцент кафедры корпоративного управления, кандидат филологиче-
Елена Владимировна ских наук, доцент Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
- КОРОСТЕЛЕВА** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституцион-
Марина Владимировна ного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
контактная информация: korostelevamv@mail.ru
- КРУГЛОВ** – секретарь Волгоградского регионального отделения «Всероссий-
Евгений Викторович ского общества охраны памятников истории и культуры», г. Волгоград, Российская Федерация
контактная информация: khasar@vlpost.ru

- КРИВОШЕЕВ** – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований ВолГУ
Михаил Васильевич
контактная информация: arhlab@volsu.ru
- ЛАПШИНА** – магистрант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Наталья Романовна
контактная информация: Supernetka@yandex.ru
- ЛЕНСКАЯ** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры корпоративного управления Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Ирина Юрьевна
контактная информация: lenskaya.irina@bk.ru
- МАКАРЕНКО** – аспирант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, старший преподаватель кафедры международных отношений, политологии и регионоведения ВолГУ
Кирилл Михайлович
контактная информация: makarenko_km@volsu.ru
- МЕРЗЛИКИНА** – доктор экономических наук, профессор кафедры Менеджмент и финансы производственных систем, Волгоградского государственного технического университета
Галина Степановна
контактная информация: merzlikina@vstu.ru
- МИРОНОВА** – кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Светлана Михайловна
контактная информация: smironova2017@gmail.com
- МОГХАРБЕЛ** – кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмент и финансы производственных систем Волгоградского государственного технического университета
Наталья Олеговна
контактная информация: natalya.mogharbel@yandex.ru
- ОВСЯННИКОВА** – кандидат социологических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, ГОБУК ВО «Волгоградский институт искусств и культуры»
Татьяна Владимировна
контактная информация: ovstvl@mail.ru
- ОГАНЕСЯН** – магистрант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Кристине Артаковна
контактная информация: o.kristina95@mail.ru
- ОПАЛЕВ** – магистрант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Максим Александрович
контактная информация: opalev777@mail.ru
- ПЕРЕРВА** – кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Евгений Владимирович
контактная информация: perervafox@mail.ru
- ПОДУРУЕВА-МИЛОЕВИЧ** – аспирант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – РАНХиГС; старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Волгоградского государственного медицинского университета
Виктория Юрьевна
контактная информация: viktorija-milojevic@yandex.ru
- ПРИБЫТКОВ** – магистр политологии, аспирант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Юрий Борисович
контактная информация: pribytkow@mail.ru
- СЕДОВА** – студент Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Виктория Львовна
контактная информация: vikaasedova@mail.ru

- СТЕПЫКО** – доцент кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО «Российский
Дмитрий Геннадьевич экономический университет им. Г. В. Плеханова», г. Москва
контактная информация: stepunit82@gmail.com
- ФОМИН** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного
Александр Николаевич управления и политологии Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС
контактная информация: fomin76@mail.ru
- ХАРИТОНОВА** – студент Волгоградского института управления –
Ольга Владимировна филиала РАНХиГС
контактная информация: ola-la.mail.ru@yandex.ru
- ШИНДРЯЕВ** – аспирант Волгоградского института управления –
Сергей Олегович филиала РАНХиГС
контактная информация: irina_sergei94@mail.ru
- ШИНДРЯЕВА** – кандидат социологических наук, доцент кафедры корпоративного
Ирина Викторовна управления Волгоградский институт управления –
филиала РАНХиГС
контактная информация: i.shindryaeva@yandex.ru

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**
Серия: политология и социология. 2019. № 2.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редакторы *Н. В. Никитина, М. И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций,
Свидетельство о регистрации СМИ № ПИ № ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 10.12.2019. Дата выхода в свет: 18.12.2019
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. п. л. 15.
Тираж 100 экз. Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Отпечатано с готового макета в Издательско-полиграфическом центре
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена